

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2026 Том 23 № 1

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикиреева Уладанай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канасараджиса Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Заместитель главного редактора

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Ответственный секретарь

Овчеренко Ульяна Владимировна, кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аминева Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Андрущенко Елена Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация

Арзамасов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр РАН, Республика Татарстан, Российская Федерация; профессор, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ахмедова Нигора Рахимовна — доктор искусствоведения, профессор, академик, Академия художеств Узбекистана, главный научный сотрудник, Института искусствознания Академии наук Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

Биткеева Айна Николаевна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Борзовакова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии; профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, Абакан, Российская Федерация

Гарипова Гульчара Талсатовна — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Махмудет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Аметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламазина Чимиза Кудер-овловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Салыникова Екатерина Дмитриевна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, заведующая сектором художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва, Российская Федерация

Султейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Султанова Рауза Рифкатовна — доктор искусствоведения, профессор, заведующая центром искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Республика Татарстан, Казань, Российская Федерация

Титиков Валерий Александрович — академик РАН, заместитель академика-секретаря отделения историко-филологических наук, научный руководитель института этнологии и антропологии имени Николухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация

Хилханова Эрзесен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Иран Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет; Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Сайт журнала: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (открытый доступ)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: Белый список РЦНИ, РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социоллингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редакторы англоязычных текстов *У.М. Бахтиреева, В.П. Сиячкин*

Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptrj@rudn.ru

Подписано в печать 23.03.2026. Выход в свет 30.03.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 20,13. Тираж 500 экз. Заказ № 11. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Volume 23 No. 1 (2026)

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

HONORARY EDITORS

Steven J. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San Antonio, United States of America

Suresh Canagarajah, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Applied Linguistics of English; Director of the Center for Migration Studies, University of Pennsylvania, United States of America

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ulyana V. Ovcharenko, Candidate of Philology, Teacher of Continuing Education, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Elena A. Andrushchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Alexey A. Arzamazov, Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Russian Language Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Nigora Akhmedova, Academy of Arts of Uzbekistan; Institute of Art History of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Aisa N. Bitkeeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Tamara G. Borgoyakova, Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology; Khakass State University named after N.F. Katanov, Republic of Khakassia, Abakan, Russian Federation

Prof. Gulchira T. Garipova, Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Ekaterina D. Salnikova, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature; Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Rauza R. Sultanova, Art History Center, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Prof. Valery A. Tishkov, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University; RUDN University, Moscow, Russian Federation

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Journal homepage: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (Open Access)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by White List of RCSI, Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*

English Text Editors *Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin*

Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Bakhtikireeva U.M. “How Should We Live in Russian Society?” Reading Tishkov («Как нам жить в российском обществе?»). Читая Тишкова) 9

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Sinyachkin V.P., Lavitski A.A. B. Barber’s “Jihad against McWorld” in Contemporary Transcultural Realities («Джихад против Макмира» Б. Барбера в современных транскультурных реалиях) 20

Poplavskaja T.V., Svistun T.I. Migrants’ Polyidentity Structure: On the Example of Digital Narratives (Структура полиидентичности мигрантов: на материале цифровых нарративов) 30

Гурбик Е.А., Рычкова Л.В. Английский язык в межличностном официальном и неофициальном общении в сфере образования Исламской Республики Пакистан 43

Васильева Е.В. Актуальные вопросы русистики Кыргызстана: по материалам периодических изданий 54

Шогенова М.Ч. Архетип как способ осмысления окружающего мира этнокультурной языковой личностью 64

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Марков А.В. Оловянное молоко памяти: референция, модальность и темная экология в стихотворении Елены Шварц «Ветердохнул, и вдруг...» 76

Amineva V.R. Strategies of Transculturation in the Poetry of the Russian-Tatar Borderland: Typology and Forms of Artistic Representation (Стратегии транскультурации в поэзии русско-татарского пограничья: типология и формы художественной репрезентации) 89

Ибрагимов М.И. Типы авторского сознания в поэзии Габдуллы Тукая 113

Еникеев И.А. Полилингвальный автор в контексте трансформации этнической жанровой традиции 129

Худолей Н.В., Исаева Т.Б., Лефлер Н.О. «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера: классический «текст-код» и универсальный феномен культуры	147
Кузнецов М.Ю. У истоков письменной нормы: диалектизмы в вепсских стихах Н.В. Абрамова конца 1980-х — начала 1990-х гг.	172
Косенко В.С. Поэтика образа <i>homo creator</i> в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова	192
Валикова О.А. Ролевая лирика раннего творчества О. Сулейменова	204

АРСЕНАЛ

Джафаров Т.Г., Гаджиева Н.Р. Соотношение и интеграция языка обучения и языка специальности при реализации соответствующих вузовских учебных программ в билингвальной учебной среде	217
---	-----

CONTENTS

Bakhtikireeva U.M. “How Should We Live in Russian Society?” Reading Tishkov 9

LANGUAGE IN PROCESS

Sinyachkin V.P., Lavitski A.A. B. Barber’s “Jihad against McWorld” in Contemporary Transcultural Realities 20

Poplavskaja T.V., Svistun T.I. Migrants’ Polyidentity Structure: On the Example of Digital Narratives) 30

Hurbik K.A., Rychkova L.V. English in Interpersonal Formal and Informal Communication in the Sphere of Education in the Islamic Republic of Pakistan 43

Vasileva E.V. Current Issues of Russian Studies in Kyrgyzstan: On Materials from Periodicals 54

Shogenova M.Ch. Archetype as a Way of Understanding the Surrounding World by an Ethnocultural Linguistic Personality 64

LITERARY DIMENSION

Markov A.V. Tin Milk of Memory: Reference, Modality, and Dark Ecology in Elena Shvarts’s Poem “The Wind Breathed, and Suddenly...” 76

Amineva V.R. Strategies of Transculturation in the Poetry of the Russian-Tatar Borderland: Typology and Forms of Artistic Representation 89

Ibragimov M.I. Types of Authorial Consciousness in the Poetry of Gabdulla Tukay 113

Enikeev I.A. Polylingual Author in the Context of Transformation of Ethnic Genre Tradition 129

Khudolei N.V., Isaeva T.B., Lefler N.O. “The Canterbury Tales” by Geoffrey Chaucer: Classic “Text-code” and Universal Cultural Phenomenon 147

Kuznetsov M.Yu. At the Beginning of the Written Norm: Dialectisms in N.V. Abramov’s Vepsian Poems of late 1980s — early 1990s 172

Kosenko V.S. The Poetics of the <i>Homo Creator</i> in the Novel “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov	192
Valikova O.A. Role-playing Lyrics of O. Suleimenov’s Early Works	204

ARSENAL

Jafarov T.G., Gadjiyeva N.R. The Relationship and Integration of the Language of Instruction and the Language of Specialty in the Implementation of Relevant University Curricula in a Bilingual Educational Environment	217
---	-----

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-9-19

EDN: GAYYZV

Editorial article / Редакторская статья

"How Should We Live in Russian Society?" Reading Tishkov

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ bakhtikireeva-um@rudn.ru

For citation: Bakhtikireeva, U.M. 2026. “How Should We Live in Russian Society?” Reading Tishkov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 9–19. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-9-19> EDN: GAYYZV

«Как нам жить в российском обществе?». Читая Тишкова

У.М. Бахтикирева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ bakhtikireeva-um@rudn.ru

Для цитирования: Бахтикирева У.М. «Как нам жить в российском обществе?». Читая Тишкова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-9-19> EDN: GAYYZV

Dear Authors and Readers!

This is the first issue of the journal “Polylinguality and Transcultural Practices” (PTP) for 2026. The editorial board and editorial staff would like to express their sincere gratitude to the authors of this issue for their contribution to the development of polylinguality and understanding of transculturation processes. Based on Lotman’s concept of polylinguality as a cultural quality that does not have a once and for all “monolithic” form, we continue to attempt to comprehend and describe the fluidity and mutual adaptability of the multitude of linguistic and non-linguistic worldviews that are transforming the global semiosphere. Yu.M. Lotman’s ideas about fluidity — the ability of objects, phenomena, processes (cultural norms, rituals, customs, traditions) to change under the influence of

© Bakhtikireeva U.M., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

internal and external factors, as well as ideas about the mutual adaptability of structures of the same order (languages, literatures, myths) — are embodied in the works of our authors. This is evidenced, in particular, by thematic issues of PTP, research in periodicals, and special scientific seminars organised by the PTP editorial board with authors and readers.

The prospect of studying languages, linguistic situations, literatures and, more broadly, the cultures of the peoples of the Russian Federation, as well as countries near and far abroad, remains a long-term project for us, with no end in sight. We are preparing the second issue of PTP for 2026 with colleagues from the Komi Republic, a thematic issue is planned with colleagues from the Republic of Ingushetia, and negotiations are underway with colleagues from neighbouring countries such as Abkhazia and South Ossetia, among others. This direction is fully supported by the Institute of the Russian Language at RUDN University, which is responsible for PTP.

At the same time, studying the interaction and mutual influence of cultural elements and its dynamic state by examining texts that define the worldview values of culture (sacred, ethical-normative, poetic, scientific) cannot be done within the narrow confines of a single discipline or only disciplines in the philological cycle. It seems that the time has come for a more curious look at the contents of “other people’s sleighs.” Closer ties with other disciplines are necessary if only because among the members of our editorial board and readers — colleagues — there are authors of studies carried out from the perspective of *linguistic anthropology* and *cognitive poetics*. Extremely valuable for language teaching methodology, in particular for teaching Russian as a foreign language, *linguistic culturology* is less productive for understanding the problematic field of multilingualism and the processes of transculturation, which are promising to consider by drawing on knowledge from *ethnology (ethnography)*, *socio-cultural anthropology*, *culturology*, and *cognitology*.

In light of the above, I propose a kind of contest¹ platform in the pages of PTP, aimed at increasing the effectiveness of philological research through the accumulated knowledge in the above-mentioned areas of knowledge. Given the changes in the codes for scientific specialities approved in the nomenclature (Order of the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation No. 118 of 24 February 2021, as amended on 24 July 2023), and the passports for scientific specialities in the field of philology, the proposal seems relevant. Taking into account the specialities for which PTP is included in the list of the Higher Attestation Commission, we are sorely lacking research on the theory and history of culture and art (5.10.1. — cultural studies, art history, philosophical sciences) from a philological perspective. Research in the specialities (5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.8) could be more productive if knowledge from both the above-mentioned fields

---

¹ Contest — a dispute, discussion, dialogue.

and others were to be drawn upon. Taking into account the developments conducted by some RUDN linguists in the field of Russian language — translanguaging and Russian-language fiction created by non-Russian authors, dissertations on the topics of Russian-foreign bilingualism, the relationship between ethnic and linguistic identity of bilingual and multilingual poets and writers, and the expression of ethnic self-identification in Russian-language texts, I propose to devote the special issue (No. 4, 2026) to discussing the content of a fundamental monographic work by a member of our editorial board, the distinguished scholar, historian, ethnologist, and anthropologist Valery Alexandrovich Tishkov, “Essays on the Theory of Ethnicity: A Revision of Categories and Practices.”² I believe that this choice is justified. I believe that the works of scholars who shape the life of our journal should be among the first to be discussed.

The content of this scientific publication “about the time we have lived and are living in native ethnological and anthropological knowledge,” notes V.A. Tishkov, “may be useful reading” for future generations of researchers, but for “the current generation, it is a big question.”³ What is the reason for this conclusion? Will we, the current philologists, be able to extract something useful from a monograph that provides a critical assessment of old ethnological concepts and new scientific conclusions about different forms of identity, in particular ethnic and linguistic identity? Will the interpretation of ethnicity proposed by scholars, taking into account different schools and trends as well as contemporary political, strategic, informational and communicative transformations, contribute to the effectiveness of philological research? Do we agree with the assessment of the practices of categorising ethnicity formulated by V.A. Tishkov, including through an analysis of the procedures for conducting population censuses in the Russian Federation and other countries, and with the assessments of the language situation and language policy in our country? Are linguists, literary scholars, and cultural studies scholars acceptable to the scientist’s interpretation of the phenomenon of ethnicity as a cluster of personal and group affiliations based on cultural similarities?

After reading the monograph several times, it seems that all the categories analysed by the author are in one way or another related to the intellectual pursuits of linguists (socio-, ethno-, psycho-, etc.), literary scholars who study, analyze, systematise and describe literary works taking into account their cultural and historical value, and cultural scholars working in the field of interdisciplinary research into the specific characteristics of human existence. My conviction about the necessity of such a project for us and for the life of PTP is based on a careful study of the book by one of our country’s greatest scholars, an academician widely known far beyond the borders of Russia.

---

² Tishkov V.A. *Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices*. Moscow: Nauka, 2025.

³ *Ibid.*, p. 6.

My desire to write a review without delay was not realized in written form due to my awareness of my insufficient professional competence. It seemed that the opinion of an ordinary professor of philology, primarily a linguist, commenting on the work of a world-renowned specialist in the field of ethnology and socio-cultural anthropology, winner of two State Prizes for his contribution to science (2001, 2014) and the Demidov Prize, recognized by the domestic scientific community as the most prestigious non-governmental award, holder of the Grand Gold Medal of the Russian Geographical Society, scientific director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, would appear amateurish. And not only unprofessional and amateurish, but also perfunctory — as reviews of published scientific works sometimes appear, which their authors needed for the sake of formality, just like the reviews themselves.

One could write a review or article on a separate section of the monograph, especially since it is structured in such a way that each of its five parts can be regarded as independent, as a separate segment of the whole text. However, the difficulty lies in the fact that each part is ontologically linked to the next by a horizontal semantic connection and a clearly expressed authorial position. Each reference to the book led to the conclusion that the work presented is not a dry scientific text with a rigid focus on the formulation of strictly objective data. Returning to individual parts of the book related to the categories of “ethnos,” “ethnicity,” “ethnic identity,” “language policy”, etc., first of all provoked curiosity about the image of its author, his subjectivity, and the process of realizing his professional and personal existence.

The image of the author of a scientific text, I believe, is relevant to every colleague who critically reflects on their existence, at least those involved in PTP. Quite a few members of the editorial board and our authors have thought about revising their research path. In any case, I am forced to admit that throughout my journey, I have disgraced myself more than once by “handing out slaps” to those who prefer to wander collectively because it is safer that way. Based on the proposed project, in order to provoke interest in it, I consider it necessary to share my own thoughts, which have developed at this point, about the image of the author of the scientific text proposed for discussion.

Some philologists might say that the literary and linguistic category of *the author's image* should only be applied when analyzing autobiographical, lyrical works, where the author's personality is, in fact, the theme and subject. However, V.A. Tishkov's monograph seems to me to be entirely biographical. In this case, the author of the scientific research is a real person with his own beliefs, worldview, and life experience — a biographical author. The inclusion in a scientific book of important events related to education, work, and achievements cannot be separated from the facts of personal life. I include among these the accusation against the scholar of having entered the institute on his high horse and allegedly abolishing

the concept of “ethnos.”⁴ Do the unflattering accusations of politicization of scientific positions, the sight of a demonstrative picket outside the building of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences by members of the Youth Eurasian Union with black banners and posters saying “Tishkov is an American spy!”, “Tishkov against the Russian people!”, “Gumilev against Tishkov!”⁵ receiving a threatening warning from neo-Nazi M.S. Martsinkevich (nickname — Tesak⁶), inclusion of his surname in the list of “100 enemies of the Russian people”⁷ and others that cause emotional tension and remain in the memory of V.A. Tishkov affect personal life — the existence of a person? Does the categorical rejection of the positions of other colleagues (in the monograph, L.N. Gumilev comes under serious attack) characterize the subject of scientific research? The answer is obvious — it does.

The emergence of a number of philological works, in particular by O.I. Valentinova and her students (Van Lele et al.), allows us to regard the image of the author of a scientific book as a calling card of the scientist's personality, characterizing the personality itself and deepening our understanding of the object studied by this scientist:

“What scientists prefer to write about at the final stage of their careers: either memoirs or postponed plans that they would like to realize. In any case, there is also a motive to affirm one’s own scientific achievements and shame one’s critics. Rarely does anyone have the courage to write about the errors or weaknesses of their publications and the inadequacy of their actions in the scientific community. However, from apologetic texts, one can also learn and understand a lot about how a particular science developed and what life was like at a scientific institute.”⁸

This admission, especially the part about the courage to “write about the errors or weaknesses of one’s publications,” already appeals to me as a reader and researcher. It can be said that with this remark, V.A. Tishkov a priori transforms the reader from a consumer of knowledge into an interlocutor who is willing to listen respectfully even to conclusions that contradict his position. The recognition of his own research mistakes, I think, does not imply the end of Tishkov’s non-linear narrative and the authenticity of the scientific and creative personality — the existential viability of the author — a citizen, his ability to be completely open to the world.

Interacting in V.A. Tishkov’s practical experience, the historian, ethnologist, and social anthropologist appear before me not in the collective image of a “classical bonze” and edifying teacher with orderly presented knowledge, but as the

---

⁴ Tishkov V.A. 2025. *Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices*. Moscow: Nauka, p. 4.

⁵ *Ibid.*, p. 6.

⁶ *Lit.*, *The Cleaver*.

⁷ *Ibid.*, p. 5.

⁸ *Ibid.*, p. 4.

subject of a scientific text with unique individual experience, free both in his choice of reaction to external events and his attitude towards himself and others, and in his understanding of the responsibility behind this freedom, for the consequences, for how his “word will be received.” That is what I think now.

Existential fulfilment is a person’s understanding of life, their ability to live in inner harmony, to be consistent with their decisions, actions and deeds. It manifests itself in how a person responds to existential challenges. One such challenge is the question posed by the author on the last page of the monograph: “How should we live in Russian society?” and the modest answer: “something was said in my book.”⁹ So, is the author imposing his answers, considering his conclusions and statements to be completely objective? Does he encourage us to search for our own answers?

I think I’ve managed to spark my colleagues’ intellectual curiosity, and our project will be a success. I’ve come up with a working title for my article in issue 4 of PTP: “What is the ‘native language’ of an ethnically non-Russian Russian citizeness?”¹⁰ The project will go ahead because behind this book, whose publication is motivated not only by new ideas and findings, but also by “the motive of belated explanations”¹¹ and reflection on “the shortcomings of the dominant theory of social constructivism” in ethnological and anthropological knowledge, there is a living person. Behind this book is a researcher-subject, an author-citizen with an impartial polemical voice, an admission of guilt for the “sharp and even provocative format of scientific revision” in some publications,¹² the search for truth and concern for the present and future of his country, and hope for understanding on key issues that are crucial for science and the country.

RU

Уважаемые Авторы и Читатели!

Перед вами первый номер журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» (ПТП) за 2026 г. Редакция и редакционная коллегия тепло благодарит авторов настоящего номера за вклад, внесенный в развитие полилингвильности и понимания процессов транскультурации. Отталкиваясь от лотмановской концепции полилингвильности как качества культуры, не имеющей раз и навсегда вылитой «монолитной» формы, мы продолжаем осуществлять попытку осмысления и описания текучести и взаимоприспосабли-

⁹ Tishkov V.A. *Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices*. Moscow: Nauka, 2025. P. 264.

¹⁰ There is a play on words ‘нерусская россиянка’ based on formal similarities of the two terms in the original name of the mentioned article.

¹¹ Ibid. P. 5.

¹² Ibid. P. 6.

емости множества языковых и внеязыковых картин мира, которые трансформируют глобальную семиосферу. Идеи Ю.М. Лотмана о текучести — способности объектов, явлений, процессов (культурные нормы, ритуалы, обычаи, традиции) меняться под воздействием внутренних и внешних факторов, как и идеи о взаимоприспособляемости структур одного порядка (языки, литературы, мифы), находят свое воплощение в работах наших авторов. Свидетельством тому являются, в частности, как тематические выпуски ПТП, так и исследования в периодических номерах, а также специальные научные семинары редакции ПТП с авторами и читателями.

Перспектива изучения языков, языковых ситуаций, литератур и шире — культур прежде всего народов Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья остается для нас долгосрочным проектом, не имеющим принципиального завершения. Второй номер ПТП за 2026 г. мы готовим с коллегами из Коми Республики, планируется тематический номер с коллегами из Республики Ингушетия, идут переговоры с коллегами из стран ближнего зарубежья Абхазии и Южной Осетии и др. Это направление всемерно поддерживается Институтом русского языка РУДН, в чьем ведении находится ПТП.

Вместе с тем изучение взаимодействия и взаимовлияния элементов культуры, её динамичного состояния посредством исследования текстов, определяющих мировоззренческие ценности культуры (сакральные, этико-нормативные, поэтические, научные), невозможно представить в рамках узконаправленных координат одной дисциплины или только дисциплин филологического цикла. Как представляется, назрела ситуация более любопытного взгляда на содержимое «чужих саней». Более тесные связи с другими дисциплинами необходимы уже потому, что среди членов нашей редколлегии и читателей-коллег есть авторы исследований, выполненных с позиций *лингвистической антропологии* и *когнитивной поэтики*, хотя авторы упоминают чаще всего лингвистическую культурологию — дисциплину, развивающуюся в российской и постсоветской лингвистике более 30 лет. Чрезвычайно ценная для методики преподавания языков, в частности — русского как иностранного, *лингвистическая культурология* менее продуктивна для понимания проблемного поля полилингвильности и процессов транскulturации, которые перспективно рассматривать, привлекая знания из *этнологии* (*этнографии*), *социально-культурной антропологии*, *культурологии*, *когнитологии*.

В свете сказанного предлагаю своего рода контекст¹-площадку в номерах ПТП, преследующую своей целью увеличение эффективности филологических исследований за счет накопленных знаний в вышеназванных сферах знания. Учитывая изменившиеся шифры научных специальностей, утвержденных в номенклатуре (Приказ Министерства науки и высшего образования № 118 от 24.02.2021 с редакцией от 24.07.2023), паспорта научных специаль-

¹ Контекст — зд. спор, дискуссия, полилог.

ностей в области филологии, выдвинутое предложение представляется актуальным. С учетом специальностей, по которым ПТП включен в перечень ВАК, нам крайне не достаёт исследований по теории и истории культуры, искусства (5.10.1. — Культурология, искусствоведение, философские науки) в филологическом преломлении. Исследования же по специальностям (5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.8), как представляется, могут стать более продуктивными в случае привлечения знаний как из отмеченных отраслей знания, так и других. Принимая во внимание разработки научной школы РУДН в области русскоязычия — транслингвизма и русскоязычной художественной литературы, создаваемой нерусскими авторами, защит диссертаций на темы русско-инонационального двуязычия, соотношения этнической и языковой идентичности би- и транслингвальных поэтов, писателей и выражение этнической самоидентификации в русскоязычном тексте, предлагаю посвятить специальный номер (№ 4, 2026) обсуждению содержания фундаментального монографического труда члена нашей редколлегии, крупного учёного, историка, этнолога, антрополога Валерия Александровича Тишкова «Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик»². Думается, что такой выбор оправдан. Считаю, что труды учёных, определяющих жизнь нашего журнала, прежде всего должны стать в ряду первых для обсуждения.

Содержание этого научного издания «о прожитом и проживаемом нами времени в отечественном этнологическом и антропологическом знании», — отмечает В.А. Тишков, «может быть полезное чтение» для будущих поколений исследователей, а для «нынешнего — большой вопрос»³. Чем обусловлен такой вывод? Сможем ли мы — нынешние филологи извлечь для себя полезное из монографии, в которой дается критическая оценка старых этнологических концепций и новых научных выводов о разных формах идентичности, в частности этнической и языковой? Поспособствует ли повышению эффективности филологических исследований предлагаемая учёным трактовка этничности с учетом разных школ и направлений и современных политико-стратегических и информационно-коммуникативных трансформаций? Согласимся ли мы с оценкой практик категоризации этничности, сформулированных В.А. Тишковым в том числе посредством осмысления процедур переписей населения в РФ и других странах, и оценками языковой ситуации и языковой политики в нашей стране? Приемлемы ли для лингвистов, литературоведов, культурологов трактование учёным феномена этничности как кластера личностных и групповых сопричастностей на основе культурных схожестей?

Как представляется после неоднократного прочтения монографии, в совокупности все категории, подвергающиеся аналитическому осмыслению её

---

² Тишков В.А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик. Москва : Наука, 2025.

³ Там же. С. 6.

автором, так или иначе сопряжены с интеллектуальными поисками лингвистов (социо-, этно-, психо- и др.), литературоведов, изучающих, анализирующих, систематизирующих и описывающих литературные произведения с учетом их культурно-исторической ценности, культурологов, работающих в области междисциплинарных исследований специфической характеристики бытия человека. Моя уверенность о необходимости такого проекта для нас и для жизни ПТП основана на внимательном изучении книги крупнейшего учёного нашей страны и широко известного далеко за её пределами академика.

Желание, не откладывая написать рецензию, не воплощалось в письменной форме от осознания недостаточной профессиональной компетенции. Казалось, что мнение рядового профессора-филолога, преимущественно лингвиста, высказывающегося о труде известного в мировом масштабе специалиста в области этнологии и социально-культурной антропологии, лауреата двух Государственных премий за вклад в науку (2001, 2014) и Демидовской — признанной отечественным научным сообществом самой почётной неправительственной премией, обладателя Большой золотой медали Русского географического общества, научного руководителя Института этнологии и антропологии Российской академии наук — будет выглядеть дилетантским. И не только непрофессиональным, любительским, но и дежурным — как порой выглядит рецензия на вышедшее в свет научное издание, которое необходимо было его автору для «галочки», так же как и рецензия.

Можно было бы написать рецензию или статью на отдельный раздел монографии, тем более что она оформлена таким образом, что каждая из пяти её частей может расцениваться как самостоятельная, как отдельный сегмент целого текста. Но воздержалась потому, что одновременно каждая из частей онтологически спаяна с последующей горизонтальной смысловой связью и отчетливо выраженной авторской позицией. Каждое обращение к книге подводило к выводу о том, что представленный труд не есть сухая материя научного текста с жесткой заданностью на формулирование строго объективных данных. Возвращения к отдельным частям книги, связанным с категориями «этнос», «этничность», «этническая идентичность», «языковая политика» и др., прежде всего провоцировали любопытство к образу её автора, его субъектности, к процессу реализации профессионального и личностного его бытия.

Образ автора научного текста, как полагаю, актуален для каждого критически осмысляющего свое бытие коллеги, по крайней мере причастного к ПТП. Отнюдь не малому количеству членов редколлегии и наших авторов приходит мысль о ревизии своего пройденного исследовательского маршрута. Во всяком случае, вынуждена признать то, что на протяжении своего маршрута не раз случалось «давать петуха» и «раздавать тумачи» тем, кто предпочитает блуждать коллективно, потому что так безопаснее. Отталкиваясь от предложенного проекта, для провоцирования интереса к нему, почина его считаю необходимым здесь поделиться собственными размышлениями, сложив-

шимися на данный момент об образе автора предлагаемого к обсуждению научного текста.

Некоторые филологи могли бы сказать, что литературоведческую и лингвистическую категорию *образ автора* следует применять только при анализе автобиографического, лирического произведения, где личность автора — собственно — тема и предмет. Но монография В.А. Тишкова представляется мне вполне автобиографической. В данном случае автор научного исследования — реальный человек с его убеждениями, мировоззрением, жизненным опытом — автор биографический. Включение в научную книгу важных событий, связанных с образованием, работой, достижениями, невозможно не отнести к фактам личной жизни. К таковым отношу обвинение в адрес учёного как о въехавшем в институт на белом коне и якобы упразднившим понятие «этнос»⁴. Не влияют ли на личную жизнь — на бытие человека вызывающие эмоциональное напряжение и сохраняющиеся в памяти В.А. Тишкова нелицеприятные обвинения в политизированности научных позиций⁵, лицемерие демонстративного пикета у здания Института этнологии и антропологии РАН членов Молодежного евразийского союза с черными знаменами и плакатами типа «Тишков – американский шпион!», «Тишков против русского народа!», «Гумилев против Тишкова!»⁶, получение грозного предупреждения от неонациста М.С. Марцинкевича (прозвище — Тесак), включение фамилии в список «100 врагов русского народа»⁷ и др.? Не характеризует ли субъекта научного исследования категорическое неприятие позиций других коллег (в монографии под «серьезную раздачу» попадает Л.Н. Гумилев)? Ответ очевидный.

Появление ряда филологических работ, в частности О.И. Валентиновой и её учеников (Ван Лэлэ и др.), позволяет расценивать категорию образа автора научной книги в качестве визитной карточки личности учёного, характеризующей саму личность и углубляющей представления об объекте, изучаемом этим учёным:

«О чём учёные предпочитают писать на завершающей стадии своей карьеры: это или мемуары, или отложенные замыслы, которые хотелось бы реализовать. В любом случае присутствует и мотив утверждения собственных научных достижений и посрамления критиков. И редко кому хватает духа писать о заблуждениях или слабостях своих публикаций и неадекватности действий в среде научного сообщества. Однако из оправдательных текстов также можно многое узнать и понять, как развивалась та или иная наука и какой была жизнь научного института»⁸.

⁴ *Тишков В.А.* Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик. Москва : Наука, 2025. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. С. 4.

Это признание, особенно в части смелости «писать о заблуждениях или слабостях своих публикаций», уже привлекает меня — читателя и исследователя. Можно сказать, что этим замечанием В.А. Тишков априори превращает читателя из потребителя знания в собеседника, настроенного уважительно слушать даже те выводы, которые идут вразрез с его позицией. Признание собственных исследовательских промахов, думаю, не предполагает завершение тишковского нелинейного нарратива и подлинности бытия научно-творческой личности — экзистенциальной состоятельности автора — гражданина, его способности быть открытым миру полностью.

Взаимодействующие в деятельностном опыте В.А. Тишкова историк, этнолог, социальный антрополог предстают передо мной отнюдь не в собирательном образе «классического бонза» и назидательного учителя с упорядоченностью подаваемых знаний, но в образе субъекта научного текста с неповторимым индивидуальным опытом, свободного как перед выбором реакции на внешние события и отношения к себе и другим, так и пониманием ответственности, стоящей за этой свободой, за последствия, за то, как его «слово отзовется». Так мне думается сейчас.

Экзистенциальная исполненность — это осмысленность человеком жизни, его способность бытовать с внутренним согласием, соответствовать своим решениям, действиям, поступкам. Она проявляется в том, как человек отвечает на экзистенциальные вызовы. Одним из таких вызовов является вопрос, выдвинутый автором на последней странице монографии: «Как нам жить в российском обществе?» и скромный ответ: «...кое-что было высказано в моей книге»⁹. Так вот, не навязывает ли автор свои ответы, не считает ли свои выводы и утверждения полностью объективными? Способствует ли поиску наших собственных ответов?

Хочется надеяться, что интеллектуальное любопытство своих коллег мне удалось подогреть и наш проект состоится. Рабочее название своей статьи в четвертый номер ПТП сформулировала: «Какой „родной язык“ у нерусской россиянки». Проект состоится и уже потому, что за этой книгой Тишкова, выход в свет которой обусловлен не только новыми идеями и наработками, но «мотивом запоздалых разъяснений»¹⁰ и рефлексией «на недостатки доминирующей теории социального конструктивизма» в этнологическом и антропологическом знании — живое лицо. За этой книгой исследователь-субъект, автор-гражданин с небеспристрастным полемичным голосом, признанием своей вины из-за «резкого и даже вызывающего формата научной ревизии» в некоторых публикациях¹¹, поиском истины и тревогой за настоящий и завтрашний день своей страны, надеждой на понимание узловых, судьбоносных для науки и для страны вопросах.

⁹ Тишков В.А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик. Москва : Наука, 2025. С. 264.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 6.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE IN PROCESS

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-20-29

EDN: GEAZOQ

Research article / Научная статья

B. Barber's "Jihad vs. McWorld" in Contemporary Transcultural Realities

Vladimir P. Sinyachkin¹, Anton A. Lavitski²¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation² Vitebsk Branch of the International University "MITSO," Vitebsk, Republic of Belarus anton_lavitski@mail.ru

Abstract. This study critically analyzes the ideas of American political scientist B. Barber, presented in his book "Jihad vs. McWorld." The scholar attempts to substantiate the concept of the struggle between two forces shaping the world order: *Jihad* and *McWorld*. The former is presented as a movement oriented toward the establishment of a society of radical national-cultural isolation — the demarcation of ethnonational living space from the influence of the outside world. The latter implements globalization approaches to create a unipolar world of unified and uniform cultures, which ultimately should lead to the formation of a common transnational personality. According to B. Barber's predictions, the radical confrontation between *Jihad* and *McWorld* should end with the victory of the latter, that is, the complete blurring of intercultural boundaries. The relevance of *McWorld's* "cultural pressure" in recent decades is confirmed by the vocabulary of modern language, where foreign borrowings, typically international in nature, are displacing lexemes representing an ethnocultural worldview. Examples of contemporary cultural realities objectify the emergence of a form of interethnic relations development different from that proposed by B. Barber — regionalization. Regionalization, when applied to a cultural context, represents a natural process of countering the tendency to erase cultural and ethnic boundaries. Thus, formally, it appears to be in opposition to globalization (*McWorld*) and the related ideas of *Jihad*. However, it is consistently demonstrated that the doctrine of regionalization has a symbiotic basis: despite its focus on preserving national-ethnic identity, it implements transcultural diffusion through the assimilation of borrowed cultural elements. Examples of "cultural assimilation" in the literary process, the film industry, science, and even the catering industry are cited as supporting examples. Regionalization is realized in its natural form as an individual's independent desire to escape cultural assimilation, and in extreme forms, as a shift toward cultural separatism. Artificial regionalization is viewed as a subject of national discourse and is found in ideologically oriented communication flows aimed at obtaining, maintaining, or developing statehood. A conclusion is drawn about the expanding manifestations of cultural regionalization based on the principles of ethno-genealogical connections, adjusted for the contemporary political map of the world.

© Sinyachkin V.P., Lavitski, A.A., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Key words: regionalization, globalization, “Jihad,” “McWorld,” culture, national-ethnic identification, transculture

Article history: received 01.11.2025; accepted 02.01.2026.

Authors’ contribution: *Sinyachkin V.P.* — research concept, literature review, compilation of the bibliographic list, translation into English; *Lavitsky A.A.* — literature analysis, processing of the material, writing of the text, conclusions. Both authors are familiar with the final version of the article and approved it.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Sinyachkin V.P., and A.A. Lavitski. 2026. “Barber’s ‘Jihad against McWorld’ in Contemporary Transcultural Realities.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 20–29. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-20-29> EDN: GEAZOQ

«Джихад против Макмира» Б. Барбера в современных транскультурных реалиях

В.П. Синячкин¹, А.А. Лавицкий²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь

 anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Критически проанализированы идеи американского политолога Б. Барбера, представленные в книге «Джихад против МакМира». Ученый предпринимает попытку обосновать концепцию борьбы двух сил формирования миропорядка: *Джихада* и *МакМира*. Первое представляется как движение, ориентированное на становление общества радикальных национально-культурных изоляций — демаркации этнонационального жизненного пространства от влияния внешнего мира. Второе движение реализует подходы глобализации для создания однополярного мира унифицированных и единообразных культур, что в конечном счете должно привести к формированию общего транснационального характера личности. В предсказаниях Б. Барбера радикальное противостояние *Джихада* и *МакМира* окончится победой последнего, то есть полным размытием межкультурных границ. Актуальность «культурного давления» *МакМира* последних десятилетий подтверждается словарным составом современного языка, где иноязычные заимствования, имеющие обычно интернациональный характер, вытесняют лексемы, репрезентующие этнокультурную картину мира. На примерах современных культурных реалий объективизируется становление иной от предложенных Б. Барбером формы развития межнациональных отношений — регионализации. Регионализация в преломлении к культурному контексту являет собой естественный процесс противостояния тенденциям стирания культурных национально-этнических границ, то есть по формальным признакам представляется оппозицией по отношению к глобализации (*МакМир*) и родственной идеям *Джихада*. Однако последовательно доказывается, что доктрина регионализации имеет симбиотическую основу: несмотря на ориентацию на сохранение национально-этнической идентичности, она реализует транскультурную диффузию посредством ассимиляции заимствованных культурных элементов. В качестве подтверждающих примеров приводятся факты «культурной ассимиляции» в литературном процессе, киноиндустрии, науке и даже сфере общественного питания. Регионализация реализуется в естественной форме как самостоятельное желание личности уйти от культурной ассимиляции, а в крайних формах — перейти к культурному сепаратизму. Искусственная регионализация рассматривается как предмет национального дискурса и обнаруживается в коммуникативных потоках идеологической направленности, ориентированных на получение, сохранение или развитие государственности. Сделан вывод о расширении проявлений культурной регионализации по принципам этногенеалогических связей с поправкой на современную политическую карту мира.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, «Джихад», «МакМир», культура, национально-этническая идентификация, транскультура

История статьи: поступила в редакцию 01.11.2025; принята к печати 02.01.2026.

Вклад авторов: *Синячкин В.П.* — концепция исследования, обзор литературы, составление библиографического списка, перевод на английский язык; *Лавицкий А.А.* — анализ литературы, обработка материала, написание текста, заключения. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Синячкин В.П., Лавицкий А.А.* «Джихад против Макмира» Б. Барбера в современных транскультурных реалиях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 20–29. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-20-29> EDN: GEAZOQ

Introduction

In 1995, American political scientist Benjamin Barber's book "Jihad vs. McWorld" was published. Barber began publishing excerpts from his work in 1992. Incidentally, it was that year that Francis Fukuyama, one of the most renowned philosophers and proponents of globalization, also published his book "The End of History and the Last Man" [1]. However unlike Fukuyama's work, few immediately paid attention to Barber's work, let alone its overall narrative, which ran counter to the concept of mass consciousness, which had entrenched the idea of "democratic world" as a concept of international security [2. P. 102] and the recognition of the greatness of victory over the resurgence of the imperial spirit which is Russian communism [3. P. 127].

Even in his very first article, B. Barber predicted nothing good for the future of the world. The discussion revolved around the imminent clash of two forces, which he referred to as *Jihad* and *McWorld*. These forces, according to B. Barber, have already begun to operate, and both are equally productive: the first "recreates ancient subnational and ethnic boundaries from within," while the other "erodes national boundaries from outside" [4]. In other words, Barber's *Jihad* is a policy of demarcating ethnonational living space from the influence of the outside world. *McWorld*, on the contrary, advocates the formation of a common transnational character through the unification of perceptions of the external world, adhering to uniform stereotypical situations of interpersonal and interethnic contacts.

Frankly speaking, it should be noted that in his programmatic article, B. Barber presents the concept of *Jihad* in an emphatically radical sense, which this word acquired in the mass consciousness of people familiar with the culture of Muslim East only through news narratives, statements by individual politicians, social media posts, and ordinary kitchen-table discussions. In the modern interpretation by the followers of B. Barber's ideas, *Jihad* is a manifestation of "identity politics and multiculturalism," which is reflected in the desire of society to freely express its diversity. In Arabic, *jihad* (الجهاد) means 'zeal', and in a religious context it is

understood as “striving on the path of Allah, the struggle for faith.”¹ Thus, according to B. Barber, *Jihad* movement is, first of all, a cultural phenomenon: “a return of huge human masses to the tribal communities” [4].

Speaking of *McWorld*, B. Barber writes: “We are being confronted by economic and ecological forces that demand integration and uniformity, captivating the world with fast music, fast computers, and the fast food of MTV, Macintosh, and McDonald’s, drawing countries into a single, commercially homogeneous global network: one *McWorld*, linked by technology, ecology, communications, and trade” [5. P. 37]. Strange as this may sound today, but *McWorld* functions according to the principles of imperialism found in Marxist and Leninist theory: the constant pursuit of resource, trade, financial, and production markets will inevitably “force nation-based capitalist countries to blur national boundaries in search of an international economic empire” [4].

Both *Jihad* and *McWorld*, for B. Barber, have their own set of virtues. The former is attractive by its national identity, community and unity, tribal solidarity. *McWorld* opposes any narrow-mindedness and isolation, fragmentation and confrontation in any form. But in his conclusions, B. Barber is categorical: “Jihad may be the last deep breath before *McWorld*’s eternal yawn” [4].

Discussion

In his radical descriptions of *Jihad* and *McWorld*, B. Barber reached an equally sweeping conclusion about imminent victory of the latter. However, he himself apparently later realized that predictions about the development of world order cannot be so categorical. Thus, already in 2003, in his other book, “Empire and Fear,” he no longer mentions *McWorld*’s eternal yawn, and, moreover, states that “No state ... can justify its policy with arguments that are unacceptable to others” [6. P. 101], that is, he points out the absence of even the prospect of forming a unified political and cultural center. One gets the impression that the scales of B. Barber’s preferences are already tilted in the opposite direction towards *Jihad*: “The most important value of democracy is actually tolerance” [6. P. 172]. And then we find an even deeper disappointment in the global world and the statement that nothing can be exported to a national culture, that is, brought in from outside, if it has not come to this on its own [6. P. 172]. This formulation also reveals a modification of B. Barber’s view on *Jihad*. This is no longer an attempt to “preserve” national-cultural communities within the system of their own customs and traditions, linguistic and spiritual contacts. Rather, it is about the possibility of adapting cultural realities brought in from outside, integrating them meaningfully.

---

¹ “Jihad”. In *Islam: An Atheist’s Dictionary*. 1988. A.V. Avksentyev, O.F. Akimushkin, G.B. Akiniyazov, et al.; edited. by M.B. Piotrovsky, S.M. Prozorov. Moscow: Politizdat Publ. P. 68.

A little over 30 years have passed since the publication of “Jihad vs. McWorld,” and 20 years since “Empire and Fear.” It isn’t a long time in historical perspective. “But, oddly enough, we can already see whether Barber’s predictions are coming true. And we believe the answer is clearly negative. Neither in his first attempts to scientifically predict human development, nor in his subsequent U-turn on this issue, did Barber even admit the idea that the confrontation between two radically opposed forces would give birth to a new concept of world order — regionalization, which embodies the ideas of national-cultural identification that would integrate elements of the globalized *McWorld*.”

The world has never been homogeneous, and transcultural processes have accompanied human civilization, apparently, from the very first steps of the development of interethnic contacts. Even in ancient times, a number of authors (Gnaeus Naevius, Titus Maccius Plautus, Quintus Ennius, Publius Terentius Afer, and others) adapted literary works by Greek authors for the Roman theater stage; the technique of contamination, that is, the combination of several plays, was widely used.² While the phenomenon of the “crossbreeding” of elements of Eastern and Greek culture went down history as the concept of Hellenism. But these and other historical ideas in the late 20th — early 21st centuries were interpreted quite differently — as humanity’s globalist aspirations for a unipolar world. Moreover, it was culture that was to become the first step in the centralization of society. This could be partially believed in, given the rapid manifestations of globalization in this direction. One need only to look through the dictionaries of national languages, which even today continue to be largely filled with echoes of Western culture (primarily English-language culture). For example, the Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation, included by the Russian government into the list of standard dictionaries, reference books, and grammars that define the norms of modern Russian literary language, is replete with such lexemes: from *avuary* and *bitcoin* to *hedging* and *emitent*. However, the dictionary does not include words such as “*boyar*,” “*kulebyaka*,” “*raspekot*” (to scold), “*repa*” (turnip), and so on.

In the rush of mass adoption of new cultural and regional realities, only a small number of experts paid attention to the fact that globalist tendencies entail global cultural shifts. For example, proponents of the concept of European integration actively promoted the idea of Spanish philosopher and sociologist José Ortega y Gasset about the nation state as the “worst of all dangers.” In his book, “The Revolt of the Masses,” he wrote: “When for the first time a European stumbles upon national borders, he senses how incommensurate his economic, political, and intellectual demands — that is, his life opportunities, his scope of life — are with the collective body in which they languish” [7. P. 146]. At the same time, globalists seemed to ignore, or simply ignored, Ortega y Gasset’s other conclusions. For example, that

² *Translation Theory: a Textbook*. 2025. U.M. Bakhtikireeva, A.A. Lavitski, T.N. Petrashka, G.T. Khukhuni. Minsk: RIVSH Publ., p. 49.

“it is not blood and language that create a national state — on the contrary, it is the state that equalizes the composition of red blood cells and the articulation of sounds [7. P. 146]. Without entering into lengthy discussions about the truth or falsity of such a statement, we suggest considering just one question: is Ortega y Gasset so wrong, if we recall that in the paragraph above we mentioned an explanatory dictionary, which has the *legal* status of a standard norm of the literary language?”

More obvious is the scholar’s assertion that in the future, the average European will be “mentally healthier and stronger than their predecessors, but also spiritually poorer,” since “as they rapidly erupt to the surface of history, they will not have time to be imbued with traditional culture.” It was only more than half a century later that the first attempts to conceptually analyze and understand this very idea of Ortega y Gasset’s, as it relates to reality, appeared in scientific and popular discourse.

Critics of the era of globalization, predicting the inevitable collapse of the idea of a unified cultural code, remained on the fringes of public discourse for almost the entire 20th century. Yet history has seen failed attempts at “cultural grafting,” the intended result of which was to unite peoples under a single cultural umbrella. One can recall, for example, the Roman Empire, whose collapse led to the death of Latin, once the most widespread global language.

Unifying the worldview doesn’t necessarily mean creating a unified sense of the world. It is this formula that works with national-ethnic identity. The effectiveness of harmonizing social relations will always be inversely proportional to social and cultural contacts, which are based on the culture in which an individual was born and raised, as well as the ethnogenetic experience of many previous generations. Individuals turn to the voices of these generations whenever they feel that newly imposed rules and standards push them beyond their “cultural comfort zone.” The search begins for a new “religion of life,” one that preserves everything that a) is subjectively necessary to inherit from cultural ancestors and b) has already been integrated into the modern cultural environment and become “their own.” In today’s reality, such a philosophical approach corresponds to the ideas of regionalization.

Regionalization is a reaction to globalization (the transition period between them is most often called *glocalization*). Regionalization most obviously fits into our philosophical and anthropological reality, which, as it was perspicaciously noted by O.A. Valikova, U.M. Bakhtikireeva and V.P. Sinyachkin, consists of an attempt to rethink the classical philosophical imperative “Know thyself” [8. P. 254]. Regionalization is a desire to put the interests of an ethnocultural group or related ethnic groups above the symbols of internationalism and cultural integration. Regionalization is objectified by several factors. Firstly, as A.M. Buttaeva writes, a multicultural society is not harmonious by definition; it quickly becomes rigid and conflict-ridden if different cultural groups clash within its borders, their situation aggravated by social inequality [9. P. 85]. Secondly, faced with the abyss of the disappearance of one’s own ethnic group, people themselves come to the desire to

escape cultural assimilation, and in extreme forms, to move to cultural separatism. Thirdly, the gap between the cultural realities of the past and present is so great that it is incompatible within a single linguistic culture (it's difficult to imagine someone who would sincerely admire the works of Tchaikovsky, Chopin, Shostakovich, Schubert, and contemporary rap music).

Artificial regionalization can also be productive. It is realized as a subject of *national* discourse, meaning it is found primarily in ideologically oriented communication flows. The political and ideological platform of regionalization is one possible path to achieving, maintaining, or developing statehood.

In the late 20th century, Lev Nikolaevich Gumilev attempted to prove that the “national path” of development lies not in borrowing from foreign ethnic groups and imposing one's skills and ideas on neighbors, but in self-awareness. But human history shows that this is not entirely true. Clearly, the process of cultural regionalization can no longer proceed disregarding the results of globalization. Today, there are no “refined” (“pure”) cultures. We live in a transcultural space. New cultural realities (products of *McWorld*), absorbed by national self-awareness, are integrated into its deepest subsystems. But at the same time, the content changes. Thus, regionalization consistently strives to eliminate the prefix “trans” in the name of culture, but only formally. In fact, we live on a planet of transcultures. For example, the once-phenomenon of children's literature, Harry Potter, largely spawned a new series of adventure fantasy novels in various national languages: Oleg Roy's “Fantasy Patrol” and Natalia Shcherba's “Chasodei” in Russian, Katja Brandis's “Children of the Forest” and Martina Baumbach's “I'm Transforming” in German, and Elisenda Roca Palet's “The Adventures of a Little Sorceress” in Spanish. This constitutes national literature, and no one wants to call it transliterature. The sitcom, which originated in the Western world, has been “nationalized” in its plot and, therefore, is not alien to any culture developing its own cinema. Even fast food restaurants have acquired a national flavor in recent decades (the Russian “Teremok,” the Kazakh “Bauyrdaq Qazaq,” the Belarusian “Khutka-smachna,” and others). Thus, despite the diffusion of cultural phenomena, the cultures themselves are contrasted in the concept of regionalization.

The transition to a new era is a complex process of social transformation. Like any global change, regionalization entails many potential threats, caused by the still absent system of relationships between all its subjects. In the mid-1990s, Samuel Huntington wrote in his book *The Clash of Civilizations* that “... the most large-scale, important and dangerous conflicts will occur not between social classes, rich and poor, but between peoples of different cultural identifications. Within civilizations, there will be intertribal wars and ethnic conflicts” [10. P. 67]. The latter, in our view, is connected with the fact that “any culture and nation is to a large extent heterogeneous, consisting of many interweavings” [11. P. 289]. Today, these are definitely transcultures. It is difficult not to draw a parallel here with Barber's *Jihad*.

However, the first, also known as “tectonic,” “cultural rifts” will still occur (or are already occurring) along the West-East and South-North axes. These geographic coordinates, whether coincidental or not, represent formal hypercultural centers (the culture of the East, the culture of the West, etc.). Then, the globalist ties between Slavs and Germans, Turks and Mongols, Celts and Romans, etc., will weaken. Further, the movement of regionalization will most likely follow a genealogical path, adjusted for the political map of the world. Clifford Geertz, the founder of symbolic-interpretive anthropology, substantiates this, but only comes to his conclusion “from the opposite”: “... when you see such organizing concepts as “country,” “people,” “society,” and, of course, “state”; they all seem to be drowning in the concept of “nationalism,” as if it were some kind of strange magnet. The strength and significance of the former are lost or weakened as they become interchangeable with the latter and with each other...” [12. P. 4]. We believe that K. Geertz here means civic nationalism, not ethnic nationalism. Although A.M. Buttaeva points out that ignoring the ideas of civic nationalism inevitably leads to radical consequences: “Ethnic processes — a surge of national consciousness, a sharp transformation of people’s social and political activity into a nationalist form in the form of a spectrum of national-political movements, ethno-religious ideological currents and social and political organizations, etc. — have an objective internal logic of development, which, if ignored, leads to increased political extremism and political violence” [9. P. 89].

It should be immediately noted that the presented forecast is not a scenario for a global cultural apocalypse. Besides, it is not about national marginalization or, even worse, separatism or Nazism. Regionalization is, rather, a nation's immune response to attempts at viral cellular level restructuring. That is, it is a defense mechanism aimed at preserving one’s own identity, the cytoplasm of which, however, has already been rebuilt by globalism. This identity should be called national-cultural and detailed in ethno-historical, religious, linguistic, axiological, and other aspects. However, in fact, *national-cultural* here means *state-based*. Naturally, we do not equate these concepts. But the modern institution of statehood appears to be based on a national foundation. According to the philosopher and cultural historian V.M. Mezhuev it is rather convincingly confirmed: “A nation, unlike an ethnic group, is ... something that is given to me not by the fact of my birth, but by my own efforts and personal choice. I do not choose an ethnic group, but I do choose a nation, I can choose it ... A nation is the state, social, and cultural affiliation of an individual, and not his anthropological and ethnic definition” [13. P. 12]. In this context we can refer to S. Huntington: “Without having determined their identity, people cannot use politics to pursue their own interests” [10. P. 16].

Consequently, cultivating ideas of national identity, self-sufficiency, and cultural richness is a key instrument for the political unification of a nation in the form of its own statehood. It is no coincidence that countries with strong intra-

national ethnic differences are more likely to suffer from political instability. Conversely, in states where the dominant position of the titular nation is obvious and unquestioned, the vertical power structure functions more smoothly.

Regionalization manifests itself in actions to protect national sovereignty and preserve identity. A start has already been made. This is exemplified by changes in the legal system, whereby the norms and principles of national legislation are recognized as superior even to ratified international legal acts. Some countries have enshrined this provision in their constitutions. Others apply it as the *status quo*. In Russia, the Young Guard's Speak Russian Project is actively developing; one of its goals is to use Russian words instead of borrowed foreign ones. Here, we will also omit linguistic discussions about the original Russian vocabulary, but instead focus on the idea itself — an effort to avoid the blurring of lexical boundaries and to affirm the idea of the self-sufficiency of the Russian language.

Let's look at a few more localized (= regionalized) examples. In 1992, a landmark year for our research, one might have assumed that a scholarly journal on Tuvan studies was only possible as a run-of-the-mill local publication, nothing more. But today, there are no global scientometric databases that don't index the journal "New Studies of Tuva." Looking at the archive of our beloved journal "Polylingualism and Transcultural Practices," we see that this year, two thematic issues have already been published, dedicated to Chuvash humanities and the language, culture, and traditions of the Mari. Before that, there were special issues on the languages and cultures of the peoples of the Volga Region, the Urals, and the North Caucasus. Isn't this regionalization in action?

Conclusion

Of course, one could argue that the arguments and examples presented so far are not entirely historically relevant, and that the conclusions are "adapted" to the actual state of affairs, which is determined not by obvious trends but by the situation. Indeed, we have already noted that, historically speaking, too little time has passed to draw completely objective conclusions. However, one cannot deny that regionalization is most likely what awaits us. Without regionalization, the future scenario of our lives appears more dramatic: ignoring the processes of making national identity relevant could develop into more radical movements of national-political, religious, and extremist character.

As we see, in its essential embodiment, modern regionalization is a natural process, which has so far been most clearly explicated from the national-cultural side. This is society's desire to remain within a system whose coordinates are determined by its internal interests and needs, identified as unique, while new cultural realities are verified for their conformity with these needs and interests and are substantively unique. Regionalization is not an evil that seeks to destroy a unified world. Firstly, because the world has never been uniform. Secondly,

because regionalization does not declare the superiority of one culture over another, does not elevate one ethnic group above another; it advocates for tolerant trans-culturalism. Thirdly, it can be assumed that regionalization marks the beginning of a change in the historic era. The Middle Ages lasted 1,000 years, the Modern Era lasted 500, and the Contemporary Era may need a little more than 100 years to transform into the Supermodern Era.

References

1. Fukuyama, F. 2010. *The End of History and the Last Man*. Moscow: ACT Publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-17-059140-4 EDN: QOKXGP
2. Livtsov, V.A., and A.N. Balashov. 2024. "The concept of 'world empires' in Russian and foreign scientific discourses: a comparative analysis." *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, vol. 19, no. 3, pp. 87–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-87-108> EDN: PCZVSR
3. *Dialogue of Civilizations in the Era of the Formation of Global Culture*. 2012. Edited N.A. Khrenov. Moscow: State Institute of History. (In Russ.)
4. Barber, B. 2007. "Jihad vs. McWorld." *The Atlantic Monthly*, 29 Jan 2007, <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1992/03/jihad-vs-mcworld/303882/>.
5. Barber, B. 1995. *Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism*. New York: Times Books.
6. Barber, B. 2003. *Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy*. New York, London: W.W. Norton & Co.
7. Ortega y Gasset, H. 1997. *Selected Works*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.)
8. Sinyachkin, V.P., U.M. Bakhtikireeva, and O.A. Valikova. 2018. "Intercultural communication in the artistic dimension." In *Text of culture and culture of text. Proceedings of the IV International Pedagogical Forum* (Sochi, October 16–17, 2017). St. Petersburg: ROPRYAL Publ., pp. 253–258. (In Russ.)
9. Buttaeva, A.M. 2011. "The Choice between Multiculturalism and Nationalism as a Problem of a Multiethnic Society." *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*, no. 42, pp. 84–90. (In Russ.). EDN: OOOVVP
10. Huntington, S.F. 2024. *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST Publishing House.
11. Levandovskaya, E.N. 2013. "From 'Culture' to 'Transculture' — to the Question of the Status of 'National Culture' in Modern Society." *Studiaculturæ*, no. 16, pp. 286–293. EDN: QZCNZD
12. Geertz, C. 1997. "Thoughts on Researching Nationalism." *Workshop on Understanding Nationalism*, Institute for Advanced Studies. 4–6 December. Princeton: Princeton University Print.
13. Mezhuev, V.M. 1992. "The idea of a national state in historical perspective." *Polis*, no. 5–6, pp. 10–16. EDN: EQVPOR

Bio notes:

Vladimir P. Sinyachkin is Doctor of Philology, Professor, Professor, Head of the Russian Language and Intercultural Communication, Department of Institute of the Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2098-6298, Scopus ID: 57192938803, eLibrary SPIN 8057-9562. E-mail: word@list.ru

Anton A. Lavitski is PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines, Vitebsk branch of the International University "MITSO", 8A M. Shagal St, Vitebsk, 210015, Republic of Belarus. ORCID: 0000-0002-9102-4440, Researcher ID: M-2526-2018, eLibrary SPIN-code: 7318-7002. E-mail: anton_lavitski@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-30-42

EDN: GEQNDS

Research article / Научная статья

Migrants' Polyidentity Structure: On the Example of Digital Narratives

Tatiana V. Poplavskaia^{ORCID}, Tatiana I. Svistun^{ORCID}✉

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Belarus

✉ tess17@mail.ru

Abstract. The existence of numerous personal identity theories and the diversity of identity studies show a never-ending interest in this phenomenon in both science and public life. The unique nature of the identification process is that its subject can be an individual, a group, an organization, a brand, or a territorial entity. Identity is found in each subject in different types simultaneously and can transform from one type to another under the influence of circumstances. This paper explores the phenomenon of polyidentity as a set of various types of identity based on an individual's inclusion in the communicative space of more than one social group. The multidimensionality of polyidentity allows us to distinguish between a core and a periphery within its structure. The content analysis of migrants' digital narratives in Russian and English reveals linguistic means (ethnonyms, toponyms, names of professions and family ties, code-switching, etc.) that embody various types of identity. This fact allows us to assert that the structure of migrants' polyidentity is represented by a whole spectrum of identity types: national/ethnocultural, territorial, linguistic, professional, political, racial, age, gender, religious, identification with family and friends, legal/social status, and period of residence in the host country. The most linguistically representative types are national/ethnocultural, territorial, professional, and linguistic identities, indicating their particular significance in the process of self-defining and adaptation of migrants. These identity types form the core of the structure. On the semi-periphery are those identities based on legal/social status and time of residence in the host country, while on the periphery are political, racial, age, religious, gender, and sexual orientation identities. Thus, the structure of polyidentity is a unique construct for each individual at a particular period of their life, characterized by specific linguistic markers that help the individual express their identity and help others decode it.

Key words: types of identity, polyidentity, migrant, narrative, toponym, names of professions and family ties, ethnonym, code operations

Article history: received 01.11.2025; accepted 02.01.2026.

Authors' contribution: *Poplavskaia T.V.* — research concept, literature review, bibliography, and conclusion; *Svistun T.I.* — data collection and processing, writing, and translation into English. Both of the authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Poplavskaia, T.V., and T.I. Svistun. 2026. "Migrants' Polyidentity Structure: On the Example of Digital Narratives." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 30–42. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-30-42> EDN: GEQNDS

© Poplavskaia T.V., Svistun T.I., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Структура полиидентичности мигрантов: на материале цифровых нарративов

Т.В. Поплавская , Т.И. Свистун

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Беларусь,
 tess17@mail.ru

Аннотация. Наличие многочисленных теорий идентичности личности и разнообразие идентитарных исследований свидетельствует о стабильном интересе к феномену идентичности как в науке, так и в общественной жизни. Специфика процесса идентификации проявляется в том, что ее субъектом может стать как индивид, группа, так и организация, бренд и территориальное объединение. Идентичность представлена в каждом субъекте в разных видах одновременно и может трансформироваться из одного вида в другой под действием обстоятельств. В работе в качестве объекта исследования выделен феномен полиидентичности как совокупности различных видов идентичности на основе вхождения индивида в коммуникативное пространство более одной социальной группы. Многомерность полиидентичности дает возможность выделить ядро и периферию в ее структуре. В результате контент-анализа англо- и русскоязычных цифровых нарративов мигрантов выделяются языковые средства (этнонимы, топонимы, наименования профессий, родственных связей, вкрапления, переключение кода и т.д.), реализующие различные виды идентичности. Данный факт позволяет утверждать, что структура полиидентичности мигрантов представлена целым спектром видов идентичности: национальной/этнокультурной, территориальной, языковой, профессиональной, политической, расовой, возрастной, гендерной, религиозной, идентификацией с семьей и друзьями, юридическим/социальным статусом, периодом проживания в принимающей стране. Наиболее репрезентативными в языковом плане видами выступают национальная/этнокультурная, территориальная, профессиональная и языковая идентичности, что указывает на их особую значимость в процессе самоопределения и адаптации мигрантов. Эти виды идентичности составляют ядро. На полупериферии находятся идентичность по юридическому/социальному статусу и времени проживания в принимающей стране, а на периферии — политическая, расовая, возрастная, религиозная, гендерная идентичности и идентичность по сексуальной ориентации. Таким образом, структура полиидентичности — это уникальный конструкт для каждого индивида в определенный период его жизни, имеющий определенные языковые метки, которые помогают индивиду выразить свою идентичность, с одной стороны, а окружающим — декодировать это, с другой стороны.

Ключевые слова: виды идентичности, полиидентичность, мигрант, нарратив, топоним, наименования профессий и семейных связей, этноним, кодовые операции

История статьи: поступила в редакцию 01.11.2025; принята к печати 02.01.2026.

Вклад авторов: Поплавская Т.В. — концепция исследования, обзор литературы, составление библиографического списка, заключение; Свистун Т.И. — сбор и обработка материала, написание текста, перевод на английский язык. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поплавская Т.В., Свистун Т.И. Структура полиидентичности мигрантов: на материале цифровых нарративов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-30-42> EDN: GEQNDS

Introduction

More than 100 years ago, M. Scheler wrote that ‘over the last ten thousand years of history, we are the first era in which man has become completely ‘problematic;’ when he no longer knows what he is, but at the same time knows that he does not know’ [1. P. 70]. This statement fully reflects the current situation. Indeed, the changing conditions of human society undoubtedly entail changes in the process of self-identification. Discussions about the appropriateness of using the pronouns *they/them* to refer to single individuals, the revision of employee rights and responsibilities following the emergence of zoomers in the labour market, and the arrival of former migrants in key positions in public administration are just some of the issues related to the essence of such types of identity as gender, professional and ethnocultural. In addition, the specificity of the identification process is manifested, firstly, in the fact that its subject can be an individual, a group, an organisation, a brand, or a territorial entities. Secondly, identity is represented in each subject in different forms simultaneously. Thirdly, it is exposed to changes under the influence of various circumstances and can transform from one type to another. All these properties of identity make it a noticeable social phenomenon, interest in which is steadily growing. For example, a Google search for the phrase ‘*identity studies*’ returns 570 million results.

The theoretical foundations for studying identity are presented in many scientific paradigms and schools. The existence of numerous theories of personal identity and the diversity of identity studies testify to the significance of this phenomenon in science. Some of the theories arose at the intersection of social sciences and humanities and came from philosophy and logic, and in the 20th century became firmly established in sociology, psychology, anthropology, and communication studies. E. Erikson’s theory of psychosocial development considers eight stages of identity formation, from infancy to old age. The theory is based on the premise that identity undergoes various transformations throughout life [2]. In psychology and intercultural communication, the theory of social identity by G. Tajfel and J. Turner has also gained popularity. It focuses on how social groups influence categorisation mechanisms: ‘Social categorisations are conceived here as cognitive tools that segment, classify, and order the social environment, and thus enable the individual to undertake many forms of social action... They create and define the individual’s place in society’ [3. P. 40]. Finally, S. Stryker, defining identity within the framework of identity theory, believes that identity presents itself as ‘parts of a self composed of the meanings that persons attach to the multiple roles they typically play in highly differentiated contemporary societies’ [4. P. 284]. One of the authors of cultural identity theory, M.J. Collier, developing it in subsequent works, also pointed to the dynamic nature of identity, emphasising that identity manifests itself in a whole range of forms of communication ‘including conduct of groups of people, discourse in public texts, mediated forms, artistic expressions,

commodities and products, and individual accounts and ascriptions about group conduct' [5. P. 237]. T.V. Poplavskaya, combining both the cultural and communicative nature of identity, interprets multicultural identity as 'an individual's entry into the communicative space of more than one culture and the awareness of belonging to them' [6. P. 214].

The current stage of development of identity studies has revealed a trend indicating the growing interdisciplinarity of the use of the concept of 'identity'. Technological progress, the digitisation of many aspects of human activity, active migration and social transformations contribute to this. As a result, the peculiarities of the process of identification are considered in sociology and sociolinguistics, psychology, ethnopsychology and anthropology, political science and imageology, communication management and many other fields. Linguist' interest in the phenomenon of identity is realised, firstly, through attention to culturally marked units that show the inseparable connection between language and culture [7–9], and secondly, to certain types of identity (national, professional, age, gender, etc.). Some studies are devoted to the linguistic explication of ethnic and national identity [10–12], regional identity [13], and professional identity [14]. In the work of P.G. Astashkina, for example, linguistic markers of identity were fixed at the grammatical, lexical, conceptual, and evaluative-conceptual levels when comparing Russian- and German-language media texts [15]. And in the works of I.V. Privalova, based on a comprehensive analysis, linguistic phenomena were identified that explicate the national and cultural specificity of the linguistic consciousness of representatives of Russian and American linguocultures using material from lexicographic publications, texts of various genres, and the results of a psycholinguistic associative experiment [11]. In the work of A.Yu. Bagiyan, an attempt was made to linguistically model professional identity based on the analysis of the cognitive-discursive matrix [14]. Scientists are also particularly interested in the linguistic expression of bilingual writers who use both the language of the titular nation and that of minority communities in their work [16], showcasing multiple linguistic identities. In general, addressing the linguistic component of various types of identity will help to systematically approach the study of the identification process, single out and describe the main linguistic phenomena that appear as verbal representatives of identity.

The aim of this study is to establish the specifics of linguistic representation of various types of identity in migrants' digital narratives in order to identify the structure of polyidentity. Thus, polyidentity is the object of study. The subject of the study is its structure as a combination of different types of identities (national/ethnic, gender, professional, religious, age, etc.) and the linguistic means of its realisation as facts of discourse that can be fixed in texts. The research material consisted of YouTube videos in Russian and English in which migrants talk about their lives in a new country. At the first stage of the research, 40 YouTube videos were selected and scripts were compiled either using YouTube's audio-to-text

conversion feature or by the author of the work creating texts based on what was heard. The total length of the video clips was about 800 minutes. The geography in the narratives under consideration is undoubtedly determined by the two languages of the study: Russian and English. Accordingly, the countries of origin of the migrants are mainly China, Israel, Lithuania, Germany, Russia, Ukraine, Tajikistan, the USA, Syria, Kazakhstan and Turkmenistan, while the host countries are Belarus, New Zealand, Canada, Australia, Portugal, Montenegro, the United Kingdom and Norway. In the second stage of the study, various linguistic means singled out through which migrants described either their own identity or the identity of other migrants. Descriptions of representatives of the titular nation were not taken into account. The fixed linguistic means were then grouped according to their lexical and semantic characteristics (toponyms, names of languages, occupations, etc.). In the third stage, the most standard combinations of types of identity (ethno-cultural, territorial, professional, etc.) were defined, which formed the basis for characterising the structure of migrants' polyidentity.

Discussion

Analysis of the linguistic means used by migrants in their narratives allows us to determine the social group to which the migrant belongs and, accordingly, to define the type of identity. Our material recorded linguistic means that realise the following types of identity:

1. National/ethnocultural.
2. Linguistic.
3. By profession or occupation.
4. Family and friendship ties.
5. Territorial.
6. By length of residence in the new country.
7. By legal/social status.
8. Age.
9. Racial.
10. Political.
11. By sexual orientation.
12. Gender.
13. Religious.

Let us consider the groups of linguistic means that made it possible to define the listed types of identity. The linguistic means of expressing national/ethnocultural identity are ethnonyms, i.e. single-word lexical units that refer to people by their affiliation with a nation or state: ... *I am actually **American**; I am half **Norwegian** and half **German*** (quote is originally in English). As a rule, migrants indicate this type of identity by their country of origin rather than their country of residence. National or ethnocultural identity is also indicated through culturally

specific concepts and items (names of dishes, holidays): *So I've had a lot of growing up on **baboki** and some other kind of **Slovak meals** which I feel **make me** somewhat **connected** to that* (quote is originally in English); *When it was **Nowruz**, I was invited to an event...; **plov** is our national dish, but it is not only prepared by Turkmen* (quote is translated from Russian); *Once I went to visit someone. They were cooking **borsch** and **draniki**, which were very tasty* (quote is translated from Russian). Migrants give examples of interesting traditions that surprised them in their new country: *Belarusians **cook national dishes in the forest**, unlike in China* (quote is translated from Russian). A connection with the country and culture of origin can be traced when contacts with compatriots are mentioned: *Before that, I didn't know about **the national community**... After I got to know **the community council**, I said that I wanted to join too... I felt an **Asian** vibe... that's how my active life outside of school began; Turkmen people often visit each other, and today we have friends over* (quote is translated from Russian).

The vast majority of narratives contain information about the language or languages spoken by the migrant, so the name of the language and sometimes the level of proficiency indicate this: *Naturally, all **Russian speakers** who live here complain every year; There is also an interesting point about **the Russian language**. It becomes your intimate family language; This is such a cool moment in the life of a **Russian-speaking** migrant in an **English-speaking** country* (quote is translated from Russian); *I did speak a little bit of **Norwegian** when I came to Norway. I had some **basic Norwegian skills**, but I did not understand what was said on **TV** or what was written in the **newspapers**, which was way **too advanced**, and I did not understand all the **dialects*** (quote is originally in English). Migrants do not always need to learn the local language. Here are some examples to prove this point: *...a bloke who has been living in Budva for five years still **hasn't learned the language** and works remotely in Russia* (quote is translated from Russian); *In Portugal, everyone speaks English, and **there is no need to learn Portuguese**... I mean, it would be great, but for everyday communication, there is no problem communicating in English at all* (quote is translated from Russian); *They **didn't care** that I was **speaking English**. Kids here in Norway **understand English** ... it **doesn't matter if I speak Norwegian or not**, it was no problem* (quote is originally in English). Some narratives note that the level of proficiency in the language of the host country determines whether a migrant will become 'one of the natives' in their new environment: *No matter how **perfect your English is**, the locals have such a keen sense of accents that as soon as you start speaking, **they will** instantly **recognise you as an impostor**, and impostors are not trusted here; **not everyone manages to become one of their own** here* (quote is translated from Russian); *Almost everyone can speak English here, but there is still some **language barrier** because, like, the bigger the group you're around, the more they're just going to **speak Norwegian to each other*** (quote is originally in English); *I have always had*

a good command of Russian, and it has helped me a lot in life, including in Belarus (quote is translated from Russian).

It should also be noted that the language of narration itself is characterised by a significant number of code operations, ranging from switches to insertions. Since video fragments were under study, it was not possible to evaluate the graphic side of code-switching operations, but it was possible to evaluate the pronunciation and morphological characteristics of the lexical units used. In the following example the name of the profession is given in English, i.e. this is a code switch, and the unit *в гринлистах* is an occasional borrowing that has received the plural prepositional case ending: *Моя профессия — это **construction project manager**. Соответственно, Денис сразу сказал: ‘Ну, ты, дружище, ты в гринлистах...’*¹ In general, the use of English words with Russian endings in the appropriate number, case or declension was recorded quite often in the narratives of Russian-speaking migrants who had moved to English-speaking countries: *триггерит* (*‘triggerit’*) from English *trigger*, *ассайменты* (*‘assaymenty’*) from English *assignment*, *хитпампы* (*‘hitpampy’*) from English *heatpump*, *два джопофера* (*‘dva djopofera’*) from English *job offer*, *в даунтауне* (*‘v dauntaune’*) from English *downtown*, *на хайвеях* (*‘na khayveyakh’*) from English *highway*. Code operations based on other languages were much less common: *cepelinai* Lith. ‘cepelinai,’ *памяркоўны* Bel. ‘judicious, easy-going,’ Douyin Chinese. 抖音 (Chinese Tik Tok). For the most part, migrants are an example of multiple linguistic identity with a vivid asymmetry towards the dominant position of the titular nation’s language, since interaction in the context of study and work is carried out in that language. The exception was migrants living in countries where English, in addition to the official languages, is also one of the languages of communication (Portugal, Norway).

Identification by profession or occupation is achieved through the use of job titles or generalised terms such as *specialist, professional, or qualified*: *И каким-то чудом через нетворкинг мне удалось найти работу и прямо сразу же **construction project-менеджером**; Новая Зеландия — это страна иммигрантов из разных стран и иммигрантов **квалифицированных**; То есть сюда едут специалисты, которые могут здесь устроиться...;*² *I have a bachelor’s degree in dance and I am a **dance teacher***. It should be noted that the names of professions in Russian-language narratives are usually given in the original language, i.e. they are insertions from English: *чтобы здесь начать работу в качестве **flight dispatcher** в авиакомпании.*³ Occasionally, companies and

¹ My profession is a construction project manager. Accordingly, Denis immediately said: ‘Well, my friend, you’re on the greenlists...’

² And somehow, through networking, I managed to find a job as a construction project manager right away; New Zealand is a country of immigrants from different countries and qualified immigrants; that is, specialists who can find work here come here...

³ To start working here as a **flight dispatcher** for an airline.

organisations are mentioned: *I was a full-time cosplayer and collaborated with the Norwegian **tech start-up Cosgear other** (quote is originally in English); today I hold the position of Chief Rabbi of the **Jewish Religious Association in the Republic of Belarus** (quote is translated from Russian); This is my institute, **the University of Culture and Arts** (quote is translated from Russian). In some cases, there is a decline in expectations of finding work in one's profession, and migrants agree to any unskilled labour: *I saw a Slovakian couple post on a job forum looking for work: one had a master's in education, and the other had a mechanical engineering degree. But after no luck in those fields, they were expecting and open to any work in **hospitality, house cleaning or factories** (quote is originally in English); I was able to find a job right away, **even if it wasn't the same one I had had there, not as an accountant. Oh well, I work as a salesperson at the "Euroopt" store** (quote is translated from Russian). Not all authors of narratives are employed in the labour market. Some of them are students. They describe themselves as follows: *I came to Belarus from China to study.***

Identification with the nuclear family is expressed through the names of family relationships: *In previous videos, I have already talked about where I lost my IT specialist **husband** (quote is translated from Russian); **my son** is already receiving his visa on the basis of **my wife's** visa, which is called a Dependent Child Student Visa, and he has the right to study for free at a New Zealand school (quote is translated from Russian). At the same time, there are also references to relatives who fall under the concept of extended family: ***My uncle** helped me with advice when I was applying to university (quote is translated from Russian). **My grandmother**, when she was a child, I believe she came from Czechoslovakia when it was actually a country, she had moved over to the United States (quote is originally in English); my husband's contract and visa were coming to an end. So he had suggested that maybe I go to Norway with him; in winter, **my cousin** came to visit our family with her **husband** (quote is originally in English). In rare cases, migrants mention friendships ties: *I found it more **difficult to make friends here** than in other countries that I had lived in before, but the **friends that I did make here**, well, only two of them are British; My **boyfriend** turned in the application for me in Norway; I'm able to keep in touch with **my dad and friends** fairly well. I'm still part of the **friend group chat**, which really helps me feel included. They emphasise the importance of socialising with friends: *Today, my friends and I gathered at this cosy café called Dushanbe. We **often meet here, eat and feel at home...** We **have been friends for more than three years**. During this time, we **have become closer, almost like brothers** (quote is translated from Russian).****

Identification with a territory in linguistic terms is achieved through the use of toponyms that refer to various geographical objects: *That is, it is incorrect to compare a two-room flat somewhere **in Irkutsk**, my hometown... (quote is translated from Russian); I want to develop dancing in our city, the city **of Lida**; I live in the*

city of **Cascais in Portugal**. To be more precise, in Estoril, but that is also, so to speak, **Cascais** (quote is translated from Russian); *I'm from a very small town in **Germany** and now I live in a very big city, **London*** (quote is originally in English). It is also worth mentioning that names of places vary from a country and city to a district, street and local landmark: *And people who come from some **European countries**, from there, I don't know, from **Israel**...* (quote is translated from Russian); *So that you don't get bored, I will show you a walk around the district or **suburb of** in italics (New Zealand) called **Lincoln**, where I live. I'll show you how everything works here* (quote is translated from Russian); *Today we won't be enjoying the sunset over **the Bay of Kotor** (Boka Kotorska, Montenegro)* (quote is translated from Russian); *I loved walking along **Independence Avenue*** (quote is translated from Russian). Although there are also references to continents and large regions: *I moved across the planet from **North America** all the way to **Northern Europe*** (quote is originally in English).

The length of time migrants lived in their host country is often reflected in their narratives. Most often, a specific number of years is given: *a brief summary of my **eleven years** in Canada* (quote is translated from Russian); *I have been living in Portugal for over **two years** now* (quote is translated from Russian); *I have also been raising a family here for **over six years*** (quote is translated from Russian); *I have lived in the UK for almost **11 years*** (quote is translated from Russian); *I have been living here for **25 years**...* (quote is translated from Russian); *I came here as a **teenager**, finished school here and got a higher education* (quote is translated from Russian); ***Six** years ago, I moved to the Republic of Belarus and live in the beautiful city of Grodno* (quote is translated from Russian); *I have been living and working in Belarus for **16 years**. I came to a foreign country when **I was young*** (quote is translated from Russian).

References to the legal and/or social status of migrants are found in all narratives. Not only is the status of the author of the narrative described, but also that of their environment: *immigrant, refugee, resident, citizen, permanent residence permit holder, temporary student, etc.*: *I have acquaintances who obtained **residence permits for study**, who obtained **residence permits under a work contract**, who obtained **residence permits as digital nomads*** (quote is translated from Russian); *... a guy who moved from Venezuela to Italy once he got his **Italian citizenship*** (quote is originally in English); *my **skilled worker visa** was... ..rejected* (quote is originally in English). The narratives often note that the social status of migrants declines when they move to a new country: *many immigrants, honestly, in any country, will also experience a **subjective loss of social status*** (quote is originally in English). However, there are also many migrants whose status was low in their country of origin: *immigrants, especially **refugees**, are **uneducated*** (quote is originally in English); *And there are **immigrants** who are, let's say, unskilled, who have arrived and do not add any value to this society; quite a few **people with***

criminal pasts and many fake refugees have arrived (quote is translated from Russian);

Identification with race was recorded in only a few cases related to the fact that race can be a cause of discrimination: *I benefit from being fair-skinned. I obviously pass visually, so I don't get the day-to-day issues* (quote is originally in English).

The authors of the narratives rarely mention their age. Usually, age identity is expressed not by stating the number of years, but by referring to a period of life (youth, adulthood). If age is mentioned, it is only as a starting point for relocation: *I moved to Norway when I was 20 years old, so I have spent most of my adult life in Norway* (quote is originally in English); *And people, accordingly, choose Australia, including young people and professionals*. The exact age was mentioned only once: *I will satisfy your curiosity and gladly tell you how Zhenya, who was 23 at the time and is now 27, earned enough money for this move without her mum, dad, loans or husband* (quote is translated from Russian).

Political identity was encountered in few cases. Here is an example: *I am not a Democrat and I'm not a Republican. I have been registered through the Green Party because I think I had to put in what I was registered when I was 18. I never went and switched anything out* (quote is originally in English).

Identification by sexual orientation is implicitly realised through the opposition of *they and us*, where *they* are representatives of the LGBT community,⁴ and we are those who share traditional values and do not attend gay pride parades: *Here, people of the same sex can get married... even in church... and sometimes there are pride parades... Well, to be honest, it's hard to call it a parade. ... I've never been to one, to be honest... it triggers a lot of people, oh dear, how our values are being undermined... So, think about it, if you have more conservative views, traditional family values and all that are more important to you...* (quote is translated from Russian).

Since the research material consisted of YouTube videos in which viewers could define the gender of the narrator based on their appearance, there were virtually no linguistic means indicating this type of identity. The exceptions were the names of family members and friends that have components of 'male/female gender' in their lexical meaning: *mum, uncle, husband, wife, son, boyfriend*. Religious identity was also not reflected in the research corpus, with the exception of mentions of the profession of *rabbi* and *the Jewish religious association*, as well as the Muslim holiday of *Nowruz*.

Considering the phenomenon of identity depending on the social group with which the subject identifies, we can distinguish such types of identity as gender, ethnic, national, professional, territorial, digital, etc. During the content analysis of the selected material, the most and least representative combinations of types of identity were determined. It is known that in the course of their life, individuals

---

⁴ An extremist organization banned in the Russian Federation.

belong to several social groups at the same time, i.e. they describe themselves as having several types of identity. Many authors emphasise the multifaceted nature of identity. For example, J. Côté writes about multidimensionality as a property of identity, specifying that its manifestations must be analysed on three levels: the subjectivity of the individual, behaviour patterns specific to the person, and the individual's membership in societal groups [17. P. 8]. In our opinion, it is appropriate to use the term 'polyidentity' when discussing the results of our analysis and the types of identity we have identified, as well as the ways in which it is expressed at the level of the subject, in our case the migrant. We define polyidentity as a phenomenon that encompasses a spectrum of identities based on an individual's entry into the communicative space of more than one social group.

The multidimensionality of polyidentity allows us to distinguish between the core and periphery of its structure. As the research material shows, the most common combination of identity types is a combination of national/ethnocultural, linguistic, professional and territorial identity. This combination is found in all narratives, which indicates its central position and significance. It constitutes the core of polyidentity. Less represented types of identity are the ones based on legal/social status and length of residence in the host country, i.e. these types of identity are on the semi-periphery. In few cases, migrants realise political, racial, age, religious, gender and sexual orientation identities, which suggests that these types are on the periphery of the phenomenon of 'polyidentity.'

Conclusion

The results of the analysis of digital narratives showed that the structure of migrants' polyidentity is represented by a whole spectrum of types of identity: national/ethnocultural, territorial, linguistic, professional, political, racial, age, gender, religious, identification with family and friends, legal/social status, period of residence in the host country, and sexual orientation. However, the most representative types are national/ethnocultural, territorial, professional and linguistic identities, which indicates their particular importance in the process of self-identification and adaptation of migrants. Certain types of identity remain little or completely unrealised (political, religious, age, race, sexual orientation, gender). The linguistic means of expressing various types of identity are ethnonyms, toponyms, names of professions, family ties, languages, code-switching, lexical borrowing, etc. It should be emphasised that the structure of polyidentity is a unique construct for each individual at a certain period of their life, the awareness of who you are here and now, which has certain linguistic means of expression, peculiar markers that help the individual to express their identity, on the one hand, and for those around them to 'read' it, on the other. And, naturally, when certain internal (moving, marriage, birth of a child, obtaining an education, a new profession, etc.) and external (political situation, military conflict, media position towards migrants

in general and a specific group in particular) life circumstances change, the polyidentity of a particular individual may receive new development.

While paraphrasing D.B. Gudkov's statement that, when studying linguistic consciousness in its individual forms, we refer to that invariant part of the structure of each linguistic personality that is common to all members of the linguistic and cultural community and serves for the self-identification of the latter [18. p. 40], we can conclude that the analysis of linguistic means of explicating the identity of migrants allows us to reach a new level of generalisation and reveal the structure of their polyidentity, highlighting its most significant components.

References

1. Scheler, M. 1994. *Selected Works*: trans. from German. Moscow: Gnosis publ. (In Russ.).
2. Erikson, E. 1996. *Identity: Youth and Crisis*; trans. from English. Moscow: Progress publ. (In Russ.).
3. Tajfel, H., and J.C. Turner. 1979. "An integrative theory of intergroup conflict." In *The social psychology of intergroup relations*. Edited by W.G. Austin, S. Worchel. Belmont, CA: Wadsworth, pp. 33–47.
4. Collier, M. 2005. "Theorizing cultural identifications: Critical updates and continuing evolution." In *Theorizing about intercultural communication*. Edited by W.B. Gudykunst, pp. 235–256.
5. Stryker, S., and P.J. Burke. 2000. "The past, present, and future of an identity theory." *Social Psychology Quarterly*, no. 63(4), pp. 284–297. <https://doi.org/doi.org/10.2307/2695840>. EDN: HAJCFV
6. Poplavskaya, T.V. 2019. "Polycultural Identity in the Context of the Urban Landscape." *Russian studies*, vol. 17, no. 2, pp. 214–228. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-213-228> (In Russ.). EDN: XVPNOK
7. Telia, V.N. 1996. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture. ISBN: 5-88766-047-3 (In Russ.). EDN: SUMHNJ
8. Karasik, V.I. 2007. *Language Keys*. Volgograd: Paradigma publ. (In Russ.).
9. Duktova, L.G. 2024. "Cultural Codes in Epic Works of Belarusian Literature at the Turn of the Twentieth and Twenty-first Centuries." *Philology: Scientific Research*, no. 6. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.6.71045> EDN: ITAETU
10. Mosyagina, M.S. 2021. "The Problem of Ethnic Identity and Its Reflection in English-Language Media Discourse." In *Actual Problems of Translation Studies and Lingvodidactics in the Context of Intercultural Interaction: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Bryansk, pp. 155–160. (In Russ.). EDN: ZBGGBT
11. Privalova, I.V. 2006. *Linguistic Consciousness: Ethnocultural Markedness: A Theoretical and Experimental Study*: Dissertation... Doctor of Philology: 10.02.19. Moscow. (In Russ.). EDN: MFERBV
12. Svistun, T.I. 2025. "Components of National Identity (in the Media Discourse of Belarus)." *Bulletin of BSUFL. Series 1. Philology*, no. 2 (2), pp. 53–59. (In Russ.).
13. Ilyicheva, I.L. 2022. "Semiotic resources of identity expression in the media cluster of the Brest region." *Terra Linguistica*, vol. 13, no. 2, pp. 47–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.13205> EDN: DGDYJ
14. Bagiyani, A.Yu. 2024. *Cognitive-discursive space of professional identity: a systematic approach to linguodesign*. Pyatigorsk: PSU Publishing House. (In Russ.).
15. Astashkina, P. G. 2016. "Speech representation of national identity in the media: a comparative aspect." *Scientific notes of Novgorod State University*, no. 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/rechevaya-reprezentatsiya-natsionalnoy-identichnosti-v-media-sopostavitelnyy-aspekt (date of access: 08.10.2025). EDN: WXDPER

16. Bakhtikireeva, U.M. 2009. *Creative bilingual personality (Russian text features of a Turkic author)*. Astana: Publishing house “TsBO i MI” publ. ISBN: 9965-513-82-1 EDN: QUTUFT. (In Russ.).
17. Côté, J. 2006. “Identity Studies: How Close Are We to Developing a Social Science of Identity? An Appraisal of the Field James.” *Identity: an international journal of theory and research*, no. 6(1), pp. 3–25.
18. Gudkov, D.B. 2003. *Theory and Practice of Intercultural Communication*. Moscow: Gnosis publ. (In Russ.).

Bio notes:

Tatiana V. Poplavskaia is a Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Speech Practice and Theory of Communication, Belarusian State University of Foreign Languages. 21 Zakharov St, Minsk, 220034, Belarus. ORCID: 0000-0002-3228-7750. E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

Tatiana I. Svistun is an Associate Professor, Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and Practice of English, Belarusian State University of Foreign Languages. 21 Zakharov St, Minsk, 220034, Belarus. ORCID: 0000-0001-9512-0686. E-mail: tess17@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-43-53

EDN: GFMRAG

Научная статья / Research article

Английский язык в межличностном официальном и неофициальном общении в сфере образования Исламской Республики Пакистан

Е.А. Гурбик¹, Л.В. Рычкова²¹ Университет Файсалабада, *Файсалабад, Исламская Республика Пакистан*,² Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, *Гродно, Республика Беларусь*, rychkova@grsu.by

Аннотация. Цель исследования — выявить функции английского языка, выполняемые им в межличностном устном общении в ситуациях вне школьных/университетских занятий в учреждениях среднего и высшего образования Исламской Республики Пакистан, в которых английский является языком обучения. Новизна исследования обусловлена, прежде всего, практически полным отсутствием исследований, направленных на выбор коммуникативных функций при использовании английского языка в межличностном устном общении. Методология исследования включала исчисление коммуникативных ситуаций на основе функциональных ролей адресантов и адресатов и обобщение социолингвистических данных, полученных методом непосредственного скрытого наблюдения в трех университетах и двух учреждениях среднего образования Пакистана. Результаты исследования отражают примерный паритет в использовании английского языка и урду. Английский язык чаще, чем урду, используется в двух из четырнадцати наблюдаемых коммуникативных ситуаций, которые являются наиболее официальными: общение преподавателя университета с несколькими преподавателями либо с группой студентов. Урду превалирует в общении как учителей, так и преподавателей университетов с родителями обучаемых. Оба языка, как английский, так и урду, способны выполнять три из шести функций, обозначенных Р. О. Якобсоном: фатическую, конативную, референтивную (когнитивную). В то же время английский язык лишь ограниченно выполняет метаязыковую функцию. В случаях, если в коммуникации используется комбинация английского языка и урду, наблюдается дифференциация функций между языками: английский язык чаще выполняет фатическую функцию, а урду — референтивную. Полученные данные подтверждают ограниченность использования английского языка как средства межличностного общения в Исламской Республике Пакистан, поскольку паритет английского языка и урду наблюдается даже в таком традиционном для использования английского языка социальном институте страны, как сфера высшего образования.

Ключевые слова: образовательная языковая политика, межличностное общение, коммуникативные функции, урду, функции языка

История статьи: поступила в редакцию 10.01.2026; принята к печати 11.01.2026.

© Гурбик Е.А., Рычкова Л.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: *Рычкова Л.В.* — разработка методологии исследования, написание текста; *Гурбик Е.А.* — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных. Авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Гурбик Е.А., Рычкова Л.В.* Английский язык в межличностном официальном и неофициальном общении в сфере образования Исламской Республики Пакистан // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 43–53. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-43-53> EDN: GFMRAG

English in Interpersonal Formal and Informal Communication in the Sphere of Education in the Islamic Republic of Pakistan

Katsiaryna A. Hurbik¹, Liudmila V. Rychkova²

¹ The University of Faisalabad, *Faisalabad, Pakistan*,

² Yanka Kupala State University of Grodno, *Grodno, Belarus*,

 rychkova@grsu.by

Abstract. The aim of the article is to identify the functions of the English language performed by it in interpersonal oral communication in situations outside of school/university classes in secondary and higher educational institutions of the Islamic Republic of Pakistan, where English performs the role of the language of instruction. The novelty of the study is due, first of all, to the almost complete absence of studies aimed at the choice of communicative functions when using this language in interpersonal oral communication. The research methodology includes the choice of communicative situations based on the functional roles of addresser and addressee and the generalization of sociolinguistic data obtained through the direct covert observation in three universities and two secondary educational institutions of Pakistan. The results of the study reflect approximate parity in the use of English and Urdu, which is the official language of the country, in interpersonal formal and informal communication in the field of education. English is used more often than Urdu in two the most formal communicative situations of the fourteen observed, namely communication of a university lecturer with several colleagues or with a group of students. Urdu prevails in communication with parents of both teachers and university lecturers. Both English and Urdu are capable of performing three of the six functions identified by R.O. Jakobson: phatic, conative, referential (cognitive). At the same time, English only partially performs the metalinguistic function. In cases where a combination of English and Urdu is used in communication, a differentiation of functions between the languages is observed: English more often performs the phatic function, and Urdu — the referential one. The data obtained confirm the limited use of English as a means of interpersonal communication in the Islamic Republic of Pakistan, since parity between English and Urdu is observed even in such a traditional for the use of English social institution as the sector of the tertiary education.

Key words: Educational language policy, interpersonal communication, communicative functions, Urdu, language functions

Article history: received 04.03.2025; accepted 06.05.2025.

Authors' contribution: *Rychkova L.V.* — research methodology development, writing of the text; *Hurbik K.A.* — collection and processing of the materials, analysis of the obtained data. The authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Hurbik, K.A., and L.V. Rychkova. 2026. “English in Interpersonal Formal and Informal Communication in the Sphere of Education in the Islamic Republic of Pakistan.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 43–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-43-53> EDN: GFMRAG

Введение

Признание плюрицентричности английского языка обусловило особый интерес к его вариантам, относящимся ко второму («внешнему») и к третьему («расширяющемуся») кругам по функциональной концепции Б. Качру, причем сам Б. Качру подчеркивал размытость границы между вариантами этих кругов и не исключал общности их характеристик [1]. Отмеченная Б. Качру общность характеристик вариантов английского языка, не относящихся к первому («внутреннему») кругу, не исключает их социокультурного своеобразия и специфики тех институциональных функций, которые выполняют варианты английского языка в различных регионах мира. Расширению географии распространения английского языка, без сомнения, способствует его использование в качестве языка образования (EMI = English-medium instruction) в тех странах, где английский не является первым языком абсолютного большинства населения [2].

Английский язык в качестве трансплантированного идиома был наследован Пакистаном при отделении этого государства от Индии в 1947 г. Среди населения Пакистана приобрело популярность высказывание на урду, которое можно перевести как «англичане ушли, но английский язык остался». Тем не менее английский не стал языком общенационального общения в Пакистане, несмотря на то, что он, без сомнения, является в стране «языком власти и престижа» (language of power and prestige = P language) [3]. Т. Рахман в своей монографии, посвященной английскому языку в Пакистане, определяет его как «институциональный неродной язык» и исчисляет фонетические, грамматические и лексические отличия четырех его разновидностей [4]. Тем не менее даже владение на начальном уровне — «разновидность D», или «базилект» в терминологии Т. Рахмана, — возможно только в том случае, если человек грамотный и изучал английский язык хотя бы на уровне средней школы, но в Пакистане до сих пор значительная доля населения безграмотна. Сдерживает распространение английского языка в стране и многоязычие полиэтнического населения страны, культурная и классовая разрозненность населения, а также доминирование ислама в религиозной сфере.

Тем не менее именно сфера образования играет особую роль в распространении и упрочении английского языка в Пакистане. Так, в частных элитных школах английский язык не только преподавался как предмет, но и, несмотря на политику урдуизации, которая проводилась в стране вплоть до 1987 г., выступал в качестве языка преподавания. Т. Рахман отмечает, что языковая политика Пакистана в сфере образования всегда отличалась биполяр-

ностью государственного и частного секторов, независимо от смены правительства [5. С. 5–6]. В 1987 г. правительство во главе с премьер-министром Беназир Бхутто объявило о введении английского языка в качестве обязательного предмета в государственных школах. Принятие такого решения, как считает Т. Рахман, мотивировалось предоставлением равных возможностей менее привилегированным социальным классам [6. С. 241]. В 2017 г. была принята Национальная политика в образовании, в которой была указана значимость английского как языка международных отношений и, следовательно, необходимость владения им населением Пакистана для успешного развития страны¹. В соответствии с этой политикой предполагалось не только повсеместное обучение английскому языку, но и использование именно этого языка для обучения математике и предметам естествознания в государственных и частных школах всех провинций страны, начиная с четвертого класса. Выбор урду либо английского в качестве языков преподавания предоставлялся школам лишь до 4–5 классов².

Впрочем, как отмечается в многочисленных исследованиях, посвященных языковой политике в сфере среднего образования Пакистана, по-прежнему наблюдается существенная дифференциация в степени владения английским языком учениками в различных типах школ. Тенденции и вызовы, связанные с англоязычным обучением в школах Пакистана, отмечает Ф. Шамим [7], а С.А. Манан называет мифом обучение английскому языку в недорогих частных школах [8] и, позднее, совместно с соавторами обосновывает необходимость разработки устойчивой языковой политики в сфере среднего образования многоязычной страны [9]. Глубокий анализ языковой политики в государственных школах Пакистана дает в своей работе Л.А. Чанна [10]. Наконец, С. Первез обосновывает появление нового типа дорогих англоязычных частных школ, ориентированного не на элиту, а на средний класс [11].

Вышеизложенным во многом объясняется выбор для проведения исследования, результаты которого представлены в данной статье, именно института образования среди других социальных институтов Исламской Республики Пакистан, где английский язык выполняет инструментальные функции. Поскольку в престижных частных школах Пакистана, включая школы вооруженных сил, как уже отмечалось выше, с самого начала их существования английский язык не только преподавался как один из предметов, но и был языком преподавания, то можно предположить, что именно в таком типе школ в повседневном общении между учащимися и учителями используется английский язык. В отличие от среднего образования высшее образование в Пакистане предоставляется, и изначально предоставлялось, на английском языке

---

¹ National education policy 2017. Islamabad : Ministry of Federal Education and Professional Training, Government of Pakistan, 2017.

² Ibid. P. 28.

во всех университетах страны. Исключением могут служить такие факультеты университетов, как факультеты урду, персидского, арабского и региональных языков, ислама и исламской юриспруденции. На таких факультетах языком преподавания всех предметов является урду. Таким образом, наибольшая вероятность использования английского языка в межличностном общении в сфере образования существует в частных элитных школах и в университетах.

Цель исследования — выявить функции английского языка, выполняемые им в межличностном устном общении в учреждениях среднего и высшего образования Исламской Республики Пакистан, в ситуациях вне школьных/вузовских занятий. Таким образом, представленное в данной статье исследование находится в русле одной из проблем функциональной социолингвистики, которую Л.П. Крысин обозначил как проблему «коммуникативного выбора языковых средств в разных условиях общения» [12. С. 28].

Новизна исследования обусловлена, во-первых, недостаточным знанием о специфике английского языка в Пакистане, в отличие от индийского варианта этого языка, а во-вторых, практически полным отсутствием исследований, направленных не на выявление системно-структурных отличий пакистанского варианта английского языка от британской нормы, а на выбор коммуникативных функций при использовании этого языка в межличностном устном общении. При определении коммуникативных функций использовалась терминология, предложенная Р.О. Якобсоном [13].

Методология исследования включала исчисление коммуникативных ситуаций на основе ролей адресантов и адресатов и обобщение социолингвистических данных, полученных методом непосредственного скрытого наблюдения.

Обсуждение

Площадками для сбора данных путем проведения социолингвистического скрытого наблюдения послужили следующие университеты и учреждения среднего образования Пакистана: Университет Лахора (The University of Lahore) в городе Лахор, Университет Файсалабада (The University of Faisalabad) в городе Файсалабад, Национальный университет современных языков (National University of Modern Languages) в городе Исламабад, частная Сити школа (The City School) в городе Файсалабад и Дивизионный государственный колледж (Divisional Public College) в городе Исламабад. Непосредственное скрытое наблюдение проводилось одним из соавторов статьи — Е.А. Гурбик как преподавателем, работавшим в вышеназванных университетах, и ею же в качестве одного из родителей двух детей, проходивших обучение в целевых учреждениях среднего образования.

Известно, что наблюдение, в том числе и такой его вид, как скрытое непосредственное наблюдение, — это один из самых сложных методов полевых

исследований в социолингвистике, а под непосредственным наблюдением принято понимать регистрацию «событий, явлений, фактов очевидцами в соответствии с заранее установленными задачами и порядком их фиксации»³. В проведенном исследовании в качестве задачи было определено выявление функций английского языка в межличностном устном общении в учреждениях среднего и высшего образования, в ситуациях вне школьных/университетских занятий. Данная задача потребовала изначального определения типичных ситуаций такого рода общения с учетом функциональных ролей участников коммуникации в сфере образования, а также определения репертуара самих функций, в терминах которых будут рассматриваться коммуникативные коды.

Как уже отмечалось выше, при определении репертуара функций использовалась терминология, предложенная Р.О. Якобсоном, который справедливо считал, что «язык следует изучать во всем разнообразии его функций», и отмечал, что «различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной из функций, а в их различной иерархии» [13. С. 198]. Отмечая тот факт, что референтивная (когнитивная) функция «является центральной задачей многих сообщений», ученый подчеркивал, что в процессе коммуникации, помимо нее, реализуются и другие функции языка: конативная (апеллятивная), ориентированная на адресата, эмотивная (экспрессивная), сосредоточенная на адресанте и имеющая «своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит» [13. С. 198], поэтическая, фатическая и метаязыковая функции [13. С. 198–203].

Исходя из положения коммуникантов в системе образования, были выделены семь типов коммуникативных ситуаций, каждый из которых включал два подтипа. Первый тип ситуаций связан с общением между студентами вузов. В данном типе выделены следующие подтипы коммуникативных ситуаций: студент (адресант) — студент (адресат); студент (адресант) — студенты (адресат). Второй тип охватывает общение между университетскими преподавателями. Здесь также выделяются два подтипа коммуникативных ситуаций: преподаватель (адресант) — преподаватель (адресат); преподаватель (адресант) — преподаватели (адресат). Третий тип представлен двумя подтипами, отражающими общение между студентами и преподавателями университетов: студент (адресант) — преподаватель (адресат); преподаватель (адресант) — студент (адресат). Четвертый тип, также охватывающий два подтипа, включает общение между учащимися школ: учащийся (адресант) — учащийся (адресат); учащийся (адресант) — учащиеся (адресат). Пятый тип касается общения между учителями школ и включает следующие подтипы коммуникативных ситуаций: учитель (адресант) — учитель (адресат); учитель

---

³ Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. Москва : Институт языкознания РАН, 2006.

(адресант) — учителя (адресат). Шестой тип отражает общение между учителями и учащимися школ и включает следующие подтипы: учитель (адресант) — ученик (адресат); учитель (адресант) — ученики (адресат). Наконец, седьмой тип коммуникативных ситуаций касается общения учителей школ либо преподавателей университета с родителями учащихся/студентов. Этот тип также представлен двумя подтипами коммуникативных ситуаций в зависимости от функционального типа адресантов и адресатов, а именно: преподаватель (адресант) — родитель(и) (адресат); учитель (адресант) — родитель(и) (адресат).

Лонгитюдное наблюдение показало, что во всех учреждениях образования, в которых проводился сбор данных, помимо английского языка, в качестве кодов коммуникации не использовались этнические языки многоязычной страны, кроме урду, имеющего конституционально закрепленный статус официального языка и являющегося первым идиомом ярко выраженного лингвистического меньшинства. Это является косвенным подтверждением того, что в учреждениях образования Пакистана, как на уровне среднего, так и высшего образования, повсеместно принят официальный стиль общения, что во многом объясняет набор тех функций, которые реализуются в каждой из коммуникативных ситуаций.

Для наглядного представления степени использования английского языка и урду в каждой из выделенных в рамках семи типов коммуникативных ситуаций и функций, которые реализует каждый из языков в процессе коммуникации, была построена таблица, отражающая результаты непосредственного скрытого наблюдения (табл.). Первый столбец таблицы содержит номер коммуникативной ситуации. Второй столбец — краткое отражение сути ситуации путем номинации пар коммуникантов, причем первый член пары соответствует роли адресанта, а второй — адресата. Третий и четвертый столбцы отражают степень использования английского языка и урду в каждой из ситуаций: знак «+» означает, что в данной ситуации используется только этот язык; знак «±», стоящий одновременно в третьем и четвертом столбцах, означает, что в данной ситуации может использоваться каждый из языков либо их комбинация, а стоящий в одном из этих столбцов при наличии знака «+» в другом — допустимость использования комбинации двух идиом при преимущественном использовании одного из них в соответствующей коммуникативной ситуации. В пятом столбце приведены функции, выполняемые каждым из двух языков в конкретной коммуникативной ситуации. Знак «/» означает, что оба языка могут выполнять каждую из функций и наблюдается паритет в их использовании.

Данные, приведенные в таблице, демонстрируют примерный паритет в использовании английского языка и урду. Так, оба языка примерно в равной степени используются в ситуациях 1–3; 5; 9–12.

Использование английского языка и урду и выполняемые ими функции в ситуациях межличностного общения

№ п/п	Коммуникативные ситуации	Язык		
		Английский	Урду	Функции
1.	Студент — студент	±	±	Английский: фатическая Урду: референтивная
2.	Студент — студенты	±	±	Английский: фатическая Урду: референтивная и конативная
3.	Преподаватель — преподаватель	±	±	Английский / урду: фатическая / референтивная
4.	Преподаватель — преподаватели	+	±	Английский / урду: фатическая / референтивная / конативная
5.	Студент — преподаватель	±	±	Английский: фатическая Урду: референтивная
6.	Преподаватель — студент	+	±	Английский: фатическая / конативная Урду: референтивная
7. 8.	Учащийся — учащийся Учащийся — учащиеся	±	+	Английский: фатическая Урду: референтивная / фатическая и референтивная
9.	Учитель — учитель	±	±	Английский / урду: фатическая / референтивная
10.	Учитель — учителя	±	±	Английский / урду: фатическая / референтивная / конативная
11. 12.	Учитель — учащийся Учащийся — учитель	±	±	Английский / урду: фатическая / референтивная / конативная
13.	Учитель — родители	±	+	Английский: фатическая Урду: референтивная / урду: фатическая и референтивная
14.	Преподаватель — родители	±	+	Английский / урду: фатическая / референтивная / урду: фатическая и референтивная

Источники: составлено Е.А. Гурбик, Л.В. Рычковой.

В остальных ситуациях на выбор языка влияет не только уровень образования, но и степень официальности общения. Так, английский язык чаще, чем урду, используется при общении преподавателя университета с преподавателями (ситуация 4) и со студентами (ситуация 6). Очевидно, что именно эти ситуации обладают наибольшей степенью официальности. В то же время урду превалирует в общении с родителями как учителей, так и преподавателей университетов (ситуации 13–14). Отметим, что, несмотря на устный модус коммуникации, ни в одной из ситуаций не встретилось случаев использования иных языков, кроме двух, имеющих в стране конституционный статус.

Use of English and Urdu and their functions in interpersonal oral communication

No.	Types of communication	Language		
		English	Urdu	Functions
1.	Student to student	±	±	English: phatic Urdu: referential
2.	Student to students	±	±	English: phatic Urdu: referential & conative
3.	Lecturer / professor to lecturer / professor	±	±	English / Urdu: phatic / referential
4.	Lecturer / professor to lecturers / professors	+	±	English / Urdu: phatic / referential / conative
5.	Student to lecturer / professor	±	±	English: phatic Urdu: referential
6.	Lecturer / professor to student	+	±	English: phatic / conative Urdu: referential
7. 8.	Pupil to pupil Pupil to pupils	±	+	English: phatic Urdu: referential / phatic and referential
9.	Teacher to teacher	±	±	English / Urdu: phatic / referential
10.	Teacher to teachers	±	±	English / Urdu: phatic / referential / conative
11. 12.	Teacher to pupil Pupil to teacher	±	±	English / Urdu: phatic / referential / conative
13.	Teacher to parents	±	+	English: phatic Urdu: referential / Urdu: phatic & referential
14.	Lecturer / professor to parents	±	+	English / Urdu: phatic / referential / Urdu: phatic & referential

S o u r c e: compiled by A.K. Hurbik, L.V. Rychkova.

Заключение

Оба языка, как английский, так и урду, способны выполнять три из шести функций, обозначенных Р.О. Якобсоном: фатическую, конативную, референтивную (когнитивную). Наблюдение, которое проводилось *вне* университетских/ школьных занятий, показало, что ни в одной из ситуаций ни английский язык, ни урду не реализуют эмотивную и поэтическую функции, что во многом обусловлено официальностью выбранной для наблюдения сферой. В то же время именно урду зачастую выполняет метаязыковую функцию, поскольку его чаще, чем английский язык, используют для объяснения англоязычных слов, значения которых не известны собеседнику. Такого рода случаи

мы относили к общению на английском языке и не рассматривали их как использование комбинации этого языка и урду в коммуникации. Особый интерес представляют случаи транслингвальных практик коммуникации, когда в одной и той же ситуации используются оба языка. В таких случаях наблюдается дифференциация функций между языками: английский язык чаще всего выполняет фатическую функцию, а урду — референтивную.

Полученные данные подтверждают ограниченность использования английского языка как средства межличностного общения в Исламской Республике Пакистан, поскольку паритет английского языка и урду наблюдается даже в таком традиционном для использования английского языка социальном институте страны, как сфера высшего образования.

References

1. Kachru, B. B. 1985. “Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle.” In *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Edited by R. Quirk and H.G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30.
2. Gülle T., Kurt Ya., and Ya. Bayyurt. 2024. “Exploring cultural and linguistic diversity in the English-medium instruction university.” In *World Englishes*. Published by John Wiley & Sons Ltd., pp.1–19. <https://doi.org/10.1111/weng.12707> EDN: JIDTMW
3. Mesthrie, R. 2024. “Towards a model of world Englishes and multilingual variation.” In *World Englishes*. Published by John Wiley & Sons Ltd., pp. 1–14. <https://doi.org/10.1111/weng.12690> EDN: ZVDOMY
4. Rahman, T. 2022. *Pakistani English. The Linguistic Description of a Non-Native Variety of English*. Graz. Berlin: PCI-Press.
5. Rahman, T. 2004. “Language policy and localization in Pakistan: Proposal for a paradigmatic shift.” In *Crossing the digital divide*, SCALLA Conference on computational linguistics. Kathmandu: SCALLA Conference on Computational Linguistics, pp. 1–19.
6. Rahman, T. 1997. *Language and politics in Pakistan*. Oxford: Oxford University Press.
7. Shamim, F. 2008. “Trends, issues and challenges in English language education in Pakistan.” *Asia Pacific Journal of Education*, no. 28(3), pp. 235–249. <https://doi.org/10.1080/02188790802267324>
8. Manan, S.A. 2019. “Myth of English Teaching and Learning: A Study of Practices in the Low-Cost Schools in Pakistan.” *Asian Englishes*, vol. 21, no. 2, pp. 172–189. <https://doi.org/10.1080/13488678.2018.1503041>
9. Channa, L.A., S.A. Manan, and M.K. David. 2021. “Global aspirations versus local resources: planning a sustainable English teaching policy in Pakistan.” *Asian Englishes*, vol. 23 no. 3, pp. 294–312. <https://doi.org/10.1080/13488678.2020.1780778> EDN: LTGXFL
10. Channa, L.A. 2017. “English in Pakistani Public Education: Past, Present, and Future.” *Language Problems and Language Planning*, 41, no. 1, pp. 1–25. <https://doi.org/10.1075/lplp.41.1.01cha>
11. Pervez, S. 2025. “Problematising school classifications in Pakistan: the case of English-medium private schools.” *International Journal of Multilingualism*, vol. 22, no. 3, pp. 1179–1201. <https://doi.org/10.1080/14790718.2024.2347946>
12. Krysin, L.P. 2010 “Functional sociolinguistics: status, problems and perspectives of research.” In *Language and Society in Present-day Russia and other Countries*. Reports and communications of International conference, Moscow, June 21–24, 2010. Edited by V.A. Vinogradov and V.Yu. Mikhal’chenko. Moscow: Institute of Linguistics RAS publ., pp. 27–29. (In Russ.)

Крысин Л.П. Функциональная социоллингвистика: статус, проблемы, перспективы исследований // *Язык и общество в современной России и других странах : международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.) : доклады и сообщения / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко.* Москва : Институт языкознания РАН, 2010. С. 27–29.

13. Jakobson, R. 1975 “Linguistics and Poetics.” In *Structuralism: Pros and Cons: Collection of Articles*. Edited by E.Ya. Basina and M.Ya. Poliakova. Moscow: Progress publ., pp. 198–230. (In Russ.)

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М. Я. Полякова.* Москва : Прогресс, 1975. С. 198–230.

Сведения об авторах:

Гурбик Екатерина Александровна — кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка и литературы, факультет социальных наук, Университет Файсалабада, 5th km Sarghodha Road, 38000 Faisalabad, Pakistan. ORCID: 0009-0004-8011-5816. E-mail: khurbik.eng@tuf.edu.pk

Рычкова Людмила Васильевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, факультет истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, д. 22, Республика Беларусь, 230023, Гродно. ORCID: 0000-0002-0907-022X; eLibrary SPIN-код 3694-7620. E-mail: rychkova@grsu.by

Bio notes:

Katsiaryna A. Hurbik is a PhD, Professor at the Department of English Language and Literature, Faculty of Social Sciences, The University of Faisalabad, 5th km Sarghodha Road, 38000 Faisalabad, Pakistan. ORCID: 0009-0004-8011-5816. E-mail: khurbik.eng@tuf.edu.pk

Liudmila V. Rychkova is a PhD, professor at the Department of Translation and Intercultural Communication, Faculty of History, Communication, and Tourism, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko St, Grodno, 230023, Belarus. ORCID: 0000-0002-0907-022X; eLibrary SPIN-code 3694-7620. E-mail: rychkova@grsu.by

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-54-63

EDN: GGCFLN

Краткий обзор / Brief overview

Актуальные вопросы русистики Кыргызстана: по материалам периодических изданий

Е.В. Васильева

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация,

✉ katherine_v.v@mail.ru

Аннотация. Научные журналы объединяют в себе несколько важных функций: источника информации, площадки для дискуссий и индикатора основных тенденций. Анализируя научные журналы, можно в том числе исследовать положение русистики в странах СНГ: определить место того или иного направления, выявить наиболее актуальные темы и вопросы. Автором предложен обзор двух ключевых изданий кыргызской русистики: «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» и «Русское слово в Кыргызстане». Они много лет играют значимую роль в деле продвижения русского языка в этой стране. Журнал «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» выпускается с 1958 года. Как и в советский период, издание стремится объединять преподавателей-русистов и отражать последние тенденции в педагогике. «Русское слово в Кыргызстане» издается Кыргызско-Российским Славянским университетом в Бишкеке. Этот журнал широко освещает последние мероприятия и научные разработки в области русистики, в том числе размещает исследования, которые проводят сотрудники Института русского языка им. А.О. Орусбаева. Представлен анализ истории журналов и их современного состояния. На страницах обоих изданий часто публикуются материалы по таким актуальным для Кыргызстана темам, как диалог культур и билингвизм. Предложен краткий обзор исследований, посвященных лингвокультурологическому подходу в преподавании, проблеме языковой личности, бытованию русского языка в Кыргызстане, а также изучению творчества А.С. Пушкина и Ч.Т. Айтматова.

Ключевые слова: диалог культур, билингвизм, пушкинистика, Большая энциклопедия русистики Евразии, лингвокультурологический подход в образовании.

История статьи: поступила в редакцию 20.02.2025; принята к печати 21.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта по созданию «Большой энциклопедии русистики Евразии», который проводится в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Для цитирования: *Васильева Е.В.* Актуальные вопросы русистики Кыргызстана: по материалам периодических изданий // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 54–63. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-54-63> EDN: GGCFLN

© Васильева Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Current Issues of Russian Studies in Kyrgyzstan: On Materials from Periodicals

Ekaterina V. Vasileva^{ORCID}

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

✉ katherine_v.v@mail.ru

Abstract. Scientific journals combine several important functions: a source of information, a platform for discussions, and an indicator of the main trends. By analyzing scientific journals, one can, among other things, study the position of Russian studies in the CIS countries: determine the place of a particular direction, identify the most relevant topics and issues. The article offers an overview of two key publications of Kyrgyz Russian studies: “Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan” and “Russian Word in Kyrgyzstan”. They have been playing a significant role in promoting the Russian language for many years. The journal “Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan” has been published since 1958. As in the Soviet period, this journal seeks to unite teachers specializing in Russian and reflect the latest trends in pedagogy. “Russian Word in Kyrgyzstan” is published by the Kyrgyz-Russian Slavic University in Bishkek. This journal most widely covers the latest events and scientific developments in the field of Russian studies, including research conducted by employees of the A.O. Orusbaev Institute of Russian Language. The pages of both periodicals often publish materials on such topics that are relevant to Kyrgyzstan as dialogue of cultures and bilingualism. The study examines the history of these two journals and their current status, offers a brief overview of the research on the linguacultural approach to teaching, the problem of linguistic personality, the existence of the Russian language in Kyrgyzstan, and also the study of the works of Alexander Pushkin and Chinghiz Aitmatov.

Key words: dialogue of cultures, bilingualism, Pushkin studies, “Great Encyclopedia of Eurasian Russian Studies”, linguacultural approach in education

Article history: received 20.02.2025; accepted 21.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgements. This article was prepared as part of the project to create the “Great Encyclopedia of Eurasian Russian Studies,” which is being conducted at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vasileva, E.V. 2026. “Current Issues of Russian Studies in Kyrgyzstan: On Materials from Periodicals.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 54–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-54-63> EDN: GGCFNL

Введение

Кыргызстан входит в число стран СНГ, где все еще высокий процент населения, знающего русский язык. В 2023 г. в стране был принят закон о государственном языке, согласно которому русский язык получил статус официального. Результаты переписи населения в 2022 г. показали, что почти 38 % людей свободно говорит на русском языке, 24 % знают его хорошо, 19,2 % — достаточно¹.

---

¹ Уровень знания кыргызского и русского языков в регионах КР — результаты переписи. URL: <https://ru.sputnik.kg/20230929/uroven-znaniya-kyrgyzskogo-russkogo-yazykov-regionah-kr-1079010702.html?ysclid=тбмсссфворр979531087> (дата обращения: 01.02.2025).

Современный житель Кыргызстана существует в билингвальном пространстве. Для большей части населения родной язык — кыргызский, на нем говорят в семье, это язык государства. При этом русский язык держит устойчивые позиции в научно-образовательной среде и в цифровом пространстве.

Тесная связь двух языков обусловлена историческими причинами. Кыргызская письменность, которая сначала формировалась на основе арабского алфавита, а затем латиницы, в итоге перешла на кириллицу. Активное преподавание русского языка в школах Киргизской автономной области началось в 1925 г. [1. С. 52]. Пик популярности русского языка пришелся на 1960–1980-е гг. Это время стало периодом расцвета кыргызской филологии и русистики. В университетах Кыргызстана преподавали и проводили исследования такие ученые, как Г.С. Зенков, П.И. Харакоз, Л.А. Шейман, Е.К. Озмитель, А.О. Орусбаев. Своей научной и педагогической деятельностью они подготовили не одно поколение выдающихся русистов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена высокими позициями, которые русский язык и исследования в области русистики занимают в Кыргызстане. С учетом факторов, изложенных выше, в современной киргизской русистике можно выделить такие направления исследований, как билингвизм и диалог культур. Цель исследования — рассмотреть, как эти направления отражаются в республиканских периодических изданиях, посвященных проблемам изучения и бытования русского языка.

Методы и материалы. Посредством анализа научных журналов, можно определить не только наиболее актуальные темы и подходы, но и положение тех или иных направлений в науке. Мы остановимся на двух ключевых изданиях современной кыргызской русистики: «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» и «Русское слово в Кыргызстане». «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» — первый русскоязычный журнал, который уже более 65 лет освещает проблемы школьного преподавания русского языка и литературы. «Русское слово в Кыргызстане» издается Кыргызско-Российским Славянским университетом им. Б.Н. Ельцина, одним из наиболее популярных вузов страны. Издание пристально следит за тенденциями и дает наиболее полное представление о научных исследованиях и мероприятиях, связанных с кыргызской русистикой.

Русский язык и литература в школах Кыргызстана

В ноябре 2024 г. в Бишкеке прошла международная научно-практическая конференция «Выдающиеся русисты Кыргызстана», посвященная 100-летию со дня рождения Л.А. Шеймана и Г.С. Зенкова. Лев Аврумович Шейман — доктор педагогических наук, выдающийся пушкинист, ученый и методист, заложивший основы методики преподавания русской литературы, которая используется в кыргызских школах по сей день.

Шейман разработал целый ряд концепций и направлений по филологии и преподаванию русского языка и литературы. Например, принципы этнокультуроведения, и в частности лингвоэтнокультуроведения, которое предполагает изучение культурно-языковых особенностей нации через литературные тексты. Ученый был последовательным противником жесткого аналитического подхода в обучении русскому языку и видел проблему в том, что в школах ученики осваивают чужой язык по «дежурным» фразам, которые отражают только строение слова и его роль в предложении [2. С. 4]. Он считал, что на уроках русской литературы важно обучать нерусского ученика навыкам активного использования слов, а сама словарная работа должна прививать способность с помощью языка лучше разбираться во внутреннем мире человека [3].

Можно предположить, что аналитический подход в обучении русскому языку был своеобразным способом справиться с трудностями, с которыми столкнулись школы в национальных республиках СССР. Не было качественной учебной и методической литературы, квалифицированных педагогов. При этом уже в 1930-е гг. учащиеся после окончания семи классов должны были свободно и грамотно выражать мысли на русском языке в устной и письменной форме. Это стимулировало педагогов искать новые подходы к обучению нерусских школьников разговорной речи, работе с их словарным запасом.

До конца 1950-х гг. единственным периодическим изданием, которое освещало проблемы учителей-русистов, было «Мугалимдерге жардам» («В помощь учителю») [1. С. 52]. Этот журнал на кыргызском языке издавался с 1928 г. У его истоков стояли виднейшие представители кыргызской интеллигенции: К. Тыныстанов, Т. Айтматов, Э. Арабаев. Здесь учителя и филологи могли дискутировать и совместными усилиями повышать качество преподавания русского языка и литературы в школах.

В 1958 г. Л.А. Шейман инициировал создание журнала «Русский язык в киргизской школе», изначально как приложение к «Мугалимдерге жардам» [1. С. 51]. Это было первое периодическое издание в Кыргызстане для преподавателей на русском языке. Его название менялось несколько раз: с 1979 г. — «Русский язык и литература в киргизской школе», с 1992 г. — «Русский язык и литература в школах Кыргызстана». Журнал должен был стать площадкой, где ученые и преподаватели могли обмениваться опытом и разработанными методиками по обучению русскому языку и литературе. Первый номер журнала открывался статьей А.Е. Супруна «Значение русского языка» и был полностью посвящен аспектам преподавания русского языка и литературы в школе.

Благодаря Шейману в роли главного редактора к работе над журналом присоединились виднейшие ученые-филологи Кыргызстана: П.И. Харакоз, И.А. Батманов, А.О. Орусбаев, М.А. Рудов и др. В рубрике «Из опыта братских республик» (сейчас — «Из ближнего и дальнего зарубежья») публиковали свои статьи русисты из других республик, например Ю.М. Лотман. Нередко,

по инициативе Шеймана, журнал становился площадкой для дискуссий, которые отражали развитие тех или иных направлений в филологии, новейшие концепции и методики. Наконец, в журнале публиковали статьи виднейшие деятели культуры Кыргызстана: Ч. Айтматов, Т. Сыдыкбеков, А. Токомбаев.

В 1990-е гг., когда Кыргызстан стал независимым государством, перемены сильно повлияли на журнал. На первый план вышли изменения в образовательной системе страны: количество часов на изучение русского языка в кыргызских школах сильно снизилось, возникли проблемы с актуальной учебной литературой. Шейману удалось удержать журнал на плаву, в том числе благодаря тому, что вопросы двуязычия и диалога культур всегда оставались ключевыми для издания. Ученый возглавлял журнал вплоть до своей кончины в 2005 г.

Сейчас «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» остается одним из основных изданий, освещающих методические проблемы преподавания русского языка. Чаще всего в нем публикуются статьи, посвященные билингвизму (в первую очередь детскому), цифровым технологиям в обучении, повышению интереса к русскому языку и литературе. Одна из наиболее обширных рубрик журнала — «Олимпиады, конкурсы, семинары». Здесь, как и в советское время, преподаватели школ и вузов делятся методическими работками, публикуются интервью с педагогами — победителями профессиональных конкурсов. Журнал пристально следит за изменениями в образовательной системе, публикует разборы учебных планов, отзывы и рекомендации по работе с новыми учебниками и методическими материалами.

В разделе «Лингводидактика. Литературодидактика» также публикуются статьи с методическими рекомендациями, преимущественно филологов-русистов. Можно отметить статью М.Б. Каменевой в последнем номере журнала за 2024 г., которая посвящена обучению русскому языку студентов-нефилологов [4]. Каменева с практической точки зрения рассматривает проблему, как работать со студентами-билингвами на факультете архитектуры, дизайна и строительства в условиях ограниченного количества часов, отведенных на изучение языка.

Постоянные и наиболее популярные рубрики журнала: «Научный отдел» (статьи ученых-филологов из Кыргызстана и других стран), «Хроника» (заметки о ключевых научных и культурных мероприятиях, посвященных кыргызской русистике), «Наши раритеты» (здесь публикуются статьи прошлых лет).

Часто можно встретить материалы, посвященные творчеству Пушкина и Айтматова — гениев, объединяющих Россию и Кыргызстан. В свое время Л.А. Шейман внес огромный вклад в развитие кыргызской пушкинистики. В трудах «Пушкин и киргизы» (1963), «Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина» (в соавторстве с Г.У. Соронкуловым, 1996) ученый разрабатывал тему исследований востока в жизни и творчестве Пушкина. Произведения русского писателя позволяют лучше понять особенности рус-

ской культуры, поэтому Шейман брал их в качестве примера, чтобы обосновывать принципы этнокультуроведения — способности разобраться в картине мира другого народа с помощью его литературы.

Этнокультуроведческую линию, разработанную Шейманом, продолжают современные ученые-русисты, статьи которых носят прикладной характер. К примеру, статья Д.А. Крутикова «Своеобразие гуманистических идеалов в творчестве А.С. Пушкина: к постановке вопроса» посвящена аксиологии писателя и предлагает подходы для разбора темы ценностей на уроке русской литературы [5].

Творчество Чингиза Айтматова — ярчайший образец билингвальной картины мира и один из самых популярных объектов филологических исследований. К произведениям великого кыргызского писателя часто обращаются как учителя, так и ученые. Национальный характер, особенности двуязычия, ценностный мир писателя — ключевые темы. Например, в статье Сардарбек кызы Н. «К изучению ценностных доминант художественного мира Ч.Т. Айтматова (На материале романов „И дольше века длится день“, „Плаха“») предлагается разговор о базовых ценностях с использованием понятий «концепт» и «концептосфера» [6].

Журнал выходит ежеквартально. С 2018 г. главным редактором журнала является доктор филологических наук Гульжигит Умарович Соронкулов. По его словам, сейчас «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» теряет свои прежние позиции среди учителей, поскольку на изучение русского языка и литературы в школах выделяется все меньше часов². Тем не менее журнал остается ключевым научно-педагогическим изданием в Кыргызстане на русском языке.

Русское слово в Кыргызстане

Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ) выпускает научно-практический и информационно-аналитический журнал «Русское слово в Кыргызстане» с 2011 г. Этот журнал появился в других общественно-политических условиях, нежели его предшественник. Инициатором и первым редактором стал доктор филологических наук, литературовед, поэт-переводчик Михаил Александрович Рудов. В первом номере журнала он говорил об изменениях, которые произошли за 20 лет в Кыргызстане: сократилось число русскоговорящего населения, русский язык фактически исчез из СМИ и официальных документов. «...Реальная языковая ситуация сдерживает функционирование кыргызского языка как универсального средства межэтнического общения не только между кыргызами и русскими, но и среди тюркоязычного населения. Нужен второй язык. И этим языком в силу исторической, геопо-

---

² Нестерова Д. Я русский бы выучил, или Лев Шейман и его детище. 28.05.2024. URL: <https://slovo.kg/politika/ja-russkij-by-vyuchil-ili-lev-shejman-i-eg/> (дата обращения: 02.02.2025).

литической и культурной определенности остается и по сей день русский язык. Так сложилась в республике позиция билингвизма» [7. С. 17]. Ученый опирается на точку зрения Чингиза Айтматова: «Двуязычие надо рассматривать как новый исторический феномен, как культурное достижение конца XX в. Культура билингвизма даст новые потенциальные возможности в духовном развитии наших народов. Это будет как два крыла у птицы...» [7. С. 16].

Сейчас «Русское слово в Кыргызстане» издается Институтом русского языка им. А.О. Орусбаева (ИРЯ), который функционирует в составе КРСУ. Главный редактор — Мамед Джыкыпович Тагаев, доктор филологических наук, лингвист, директор ИРЯ. Ученый последовательно выступает за права тюркской кириллицы как «медиума... цивилизационного котла, в недрах которого знания и ценности мировой культуры перевариваются и адаптируются к условиям и потребностям постсоветского евразийского пространства» [8. С. 22].

«Русское слово в Кыргызстане» публикует ключевые научные исследования, печатает разработки, а также освещает мероприятия, связанные с деятельностью ИРЯ, КРСУ и продвижением в стране русского языка. У издания несколько основных рубрик. В рубрике «Наша родина — Кыргызстан» публикуются интервью с официальными лицами, информационные заметки о событиях. «Жизнь в пространстве русского языка и литературы» содержит сведения о мероприятиях и конкурсах, посвященных русскому языку, статьи и интервью с учеными-русистами. В рубриках «Гость номера» и «Литературная гостиница» размещаются интервью с известными деятелями культуры, а также с кыргызскими и зарубежными писателями.

«Билингвизм и диалог культур» — одна из наиболее обширных рубрик журнала. Как уже говорилось, обе темы, вынесенные в название, остаются наиболее актуальными для кыргызской русистики. В рубрике преимущественно публикуются статьи кыргызских ученых о проблемах двуязычия, в том числе адресованные педагогам. Много внимания уделяется разработкам в области когнитивной лингвистики. К примеру, У.Дж. Камбаралиева в статье «Теоретические подходы к формированию межкультурной языковой личности» анализирует понятия первичной и вторичной языковой личности с целью установить, как они взаимодействуют в процессе обучения иностранному языку. По словам ученого, «межкультурная трансформация языковой личности, которая происходит при усвоении других языков, должна быть нацелена на формирование межкультурной полиязыковой, толерантной личности и ни в коем случае не должна приводить к утрате ее национально-культурной специфики и отказу от своей идентичности» [9. С. 60].

В рубрике также публикуются результаты научных исследований, которые проводит ИРЯ. В 2024 г. сотрудники института провели социолингвистическое исследование за пределами Бишкека, чтобы выяснить, какое положение занимает русский язык в других регионах Кыргызстана. Исследователи опросили людей в возрасте от 15 до 40 лет и сравнили результаты с данными

за 2021 г. По итогам анкетирования удалось выявить, что у большей части населения билингвизм по-прежнему формируется в период обучения в школе или вузе [10. С. 107]. Позиции русского языка усилились среди пользователей интернета, при этом большая часть опрошенных предпочитает читать книги на кыргызском языке. В пользу билингвизма говорит количество кыргызов, которые пользуются русским и кыргызским языками на встречах и собраниях: 48 и 44 % [10. С. 108]. За три года увеличилось число тех, кто считает, что русский язык способствует расширению функциональных возможностей кыргызского: с 36 до 46 %. При этом 33 % ответили, что языки развиваются автономно [10. С. 111]. Подобные качественные исследования позволяют получить более полное представление о том, какое место русский язык занимает в жизни кыргызов и как можно популяризировать его изучение.

КРСУ регулярно проводит совместные мероприятия с Институтом русского языка Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН) и выпускает материалы. В 2024 г. вышел специальный выпуск журнала, адресованный педагогам-русистам Кыргызстана. Преподаватели и филологи обеих стран делились исследованиями и разработками в области РКИ. Большое внимание филологи уделили вопросам применения цифровых технологий и формирования русско-кыргызских связей, в частности речевому этикету и культурным стереотипам.

Номер открывался статьей З.Ч. Алтыбаевой о детском билингвизме в дошкольных учреждениях Бишкека [11]. С помощью анкетирования детей, педагогов и родителей исследователи выяснили, что в образовательном процессе преимущественно используется русский язык, а кыргызский выступает как вспомогательный. Также удалось выявить, что важную роль играют родители, которые позитивно относятся к билингвизму и мотивируют ребенка говорить на двух языках.

М.Дж. Тагаев и Н.А. Шалыгина в статье о лингвокультурологическом подходе в преподавании говорят о необходимости вкладывать в обучение неродному языку больше, чем просто грамматику. Необходимо учить школьников и студентов «мыслить на изучаемом языке», т. е. «уметь слушать, говорить, читать и писать на нем, не пытаясь опереться на какие-либо языковые модели, правила и не обращаясь к родному языку» [12. С. 126]. Для этого следует использовать особую учебную единицу, концепт — «весь комплекс знаний о вещи, сложившийся в данной культуре» [12. С. 126]. Методика способствует тому, что учащиеся больше узнают о культуре изучаемого языка и легче его усваивают.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что оба республиканских журнала выполняют важную миссию и остаются площадками для диалога и дискуссий. Журналы стабильно и широко освещают такие актуальные темы кыргызской

русистики, как билингвизм и диалог культур. Сокращение количества часов на русский язык и литературу в школах стимулирует преподавателей искать новые подходы в обучении, оптимизировать прежние методики. «Русский язык и литература в школах Кыргызстана», старейшее научно-педагогическое издание республики на русском языке, вопреки трудностям стремится сохранять позиции и объединять педагогов и филологов. «Русское слово в Кыргызстане» публикует передовые материалы о кыргызской русистике и результаты исследований, посвященных различным аспектам существования русского языка в Кыргызстане.

Материал о деятельности ведущих журналов русистики Кыргызстана и выдающихся русистах найдет свое место в интегрированном электронном ресурсе «Большая энциклопедия русистики Евразии», работа над которым ведется в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

Список литературы

1. *Кулдашева Д.* Кыргызский педагогический журнал о преподавании русского языка (1928–1941 гг.) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2023. № 3. С. 51–60. EDN: JXYNNP
2. *Зултукаров К.З.* Литературовед, методист Л.А. Шейман и проблемы языкознания // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2024. № 2. С. 3–9. EDN: CTGCPA
3. *Шейман Л.А.* Слово на уроке литературы (Пути словарной работы на уроках русской литературы в киргизской школе) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2014. № 3. С. 26–41. EDN: SLLWTS
4. *Каменова М.Б.* Обучение студентов-нефилологов русскому языку и культуре речи в условиях билингвизма (На примере факультета архитектуры, дизайна и строительства КРСУ) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2024. № 4. С. 42–46. EDN: XTHWLL
5. *Крутиков Д.А.* Своеобразие гуманистических идеалов в творчестве А.С. Пушкина: к постановке вопроса // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2024. № 3. С. 45–56. EDN: LNGEMV
6. *Сардарбек кызы Н.* К изучению ценностных доминант художественного мира Ч.Т. Айтматова (На материале романов «И дольше века длится день», «Плаха») // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2024. № 2. С. 41–50. EDN: IAVXZG
7. *Рудов М.А.* На крылах двуязычия // Русское слово в Кыргызстане. 2011. № 1. С. 15–17. EDN: DZCEKU
8. *Тагаев М.Дж.* Культурный код и когнитивные функции тюркской кириллицы // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (2). С. 18–25. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-086> EDN: ZDTSKT
9. *Камбаралиева У.Дж.* Теоретические подходы к формированию межкультурной языковой личности // Русское слово в Кыргызстане. 2024. № 1. С. 56–60. EDN: QSQGJV
10. *Чинлода М.С.* Социолингвистическое исследование положения русского языка в Кыргызстане // Русское слово в Кыргызстане. 2024. № 2. С. 104–113. EDN: ZLLYWG
11. *Алтыбаева З.Ч.* Состояние и проблемы развития детского билингвизма (на материале дошкольных учреждений столицы Кыргызстана) // Русское слово в Кыргызстане. 2024. № 3. С. 2–8. EDN: LRVENH
12. *Тагаев М.Дж., Шальгина Н.А.* Лингвокультурология в практике обучения русскому языку в киргизской школе // Русское слово в Кыргызстане. 2024. № 3. С. 123–131. EDN: WLCCGF

References

1. Kuldashaeva, D. 2023. “Kyrgyz pedagogical journal on teaching Russian language (1928–1941).” *Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan*, no. 3, pp. 51–60. (In Russ.). EDN: JXYNNP
2. Zulpukarov, K.Z. 2024. “Literary scholar, methodologist L.A. Sheiman and the problems of linguistics.” *Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan*, no. 2, pp. 3–9. (In Russ.). EDN: CTGCPA
3. Sheiman, L.A. 2014. “Word in literature lesson (Ways of vocabulary work in Russian literature lessons in Kyrgyz school).” *Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan*, no. 3, pp. 26–41. (In Russ.). EDN: SLLWTS
4. Kameneva, M.B. 2024. “Teaching non-philology students the Russian language and speech culture in the context of bilingualism (Based on the example of the Faculty of Architecture, Design and Construction of KRSU).” *Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan*, no. 4, pp. 42–46. (In Russ.). EDN: XTHWLL
5. Krutikov, D.A. 2024. “The peculiarity of humanistic ideals in the works of A.S. Pushkin: formulation of the problem”. *Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan*, no. 3, pp. 45–56. (In Russ.). EDN: IAVXZG
6. Sardarbek kyzy, N. 2024. “Towards the study of value dominants of the artistic world of Ch.T. Aitmatov (on the material of the novels “And the Day Lasts Longer than a Century” and “Plakha”).” *Russian Language and Literature in Schools of Kyrgyzstan*, no. 2, pp. 41–50. (In Russ.).
7. Rudov, M.A. 2011. “On the wings of bilingualism.” *Russian Word in Kyrgyzstan*, no. 1, pp. 15–17. (In Russ.). EDN: DZCEKU
8. Tagaev, M.D. 2019. “Cultural code and cognitive functions of Turkish Cyrillic.” *Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 4 (2), pp. 18–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.17516/2311-3499-086> EDN: ZDTSKT
9. Kambaralieva, U.D. 2024. “Theoretical approaches to the formation of an intercultural linguistic personality.” *Russian Word in Kyrgyzstan*, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.). EDN: QSQGJV
10. Chinloda, M.S. 2024. “Sociolinguistic study of the situation of Russian language in Kyrgyzstan: comparative analysis of materials from 2021 and 2024.” *Russian Word in Kyrgyzstan*, no. 2, pp. 104–113. (In Russ.). EDN: ZLLYWG
11. Altybaeva, Z.Ch. 2024. “The condition and problems of development of children’s bilingualism (based on preschool institutions of the capital of Kyrgyzstan).” *Russian Word in Kyrgyzstan*, no. 3, pp. 2–8. (In Russ.). EDN: LRVEHM
12. Tagaev, M.D., and N.A. Shalygina. 2024. “Linguocultural studies in the practice of teaching Russian in Kyrgyz schools.” *Russian Word in Kyrgyzstan*, no. 3, pp. 123–131. (In Russ.). EDN: WLCCGF

Сведения об авторе:

Васильева Екатерина Валерьевна — независимый исследователь. ORCID: 0009-0000-9685-5932. E-mail: katherine_v.v@mail.ru.

Bio note:

Ekaterina V. Vasileva is an Independent Researcher. ORCID: 0009-0000-9685-5932. E-mail: katherine_v.v@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-64-75

EDN: GGIBXT

Научная статья / Research article

Архетип как способ осмысления окружающего мира этнокультурной языковой личностью

М.Ч. Шогенова^{id}

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,

Нальчик, Российская Федерация

✉ shog-marina@yandex.ru

Аннотация. Актуальность представленной проблемы обусловлена научным интересом к рассмотрению и пониманию специфики языкового сознания титульных народов Кабардино-Балкарии, обладающих уникальной и самобытной культурой. Цель исследования — выявить и описать особенности мировосприятия этнокультурной языковой личности кабардинцев и балкарцев через призму архетипических представлений, интегрированных в основу их коллективного бессознательного. Предметом исследования стали репрезентированные в пословицах, фразеологизмах, текстах художественной литературы архетипические представления в языковом сознании кабардинцев и балкарцев. В статье рассмотрена система ценностей и представлений о мире, формирующая идентичность кабардинского и балкарского народов, воплощенных в архетипах «*Тау Адет*» (балк.) («Горский обычай») и «*Адыгэ Хабзэ*» (каб.) («Адыгские обычаи»). Выявлены ключевые архетипы, релевантные для кабардинской и балкарской культуры. Особое внимание уделено архетипу *Хабзэ* (каб.) и архетипу *Горец* (балк.). В частности, отмечено, что *Хабзэ* является важнейшей когнитивной составляющей языковой картины кабардинского народа, регулирующей этические нормы, моральные ценности, обычаи и обряды; акцентируется мысль о том, что в архетипе *Хабзэ* выделяются множество образов (*Мать, Воин (герой) Старший, Гость, Мудрец* и др.), через которые утверждаются уникальные особенности и предпочтения кабардинского народа; подчеркивается, что трансформация архетипических представлений о *Хабзэ* в современном сознании, десемантизация этнокультурного смысла влияет на тенденции развития культурного пространства. Анализ языковых репрезентаций архетипа *Горец* позволяет заключить, что это мощный символ, синтезирующий исторический опыт, этнокультурные и нравственные принципы балкарского народа; актуализируется архетипическая синхронизация концептов *Намыс* (честь и достоинство), *Конакъ* (гость), *Сёз* (верность обещанному слову), *Гора, Камень* с архетипом *Горец*. Выявлено, что рассмотренные кабардинские и балкарские архетипы обладают богатым пластом культурных знаний, традиций и представлений, воплощают культурный код, через которые формируются мировоззрение и поведение представителей титульных народов Кабардино-Балкарии; показано, что обращенность к архетипам дает возможность носителям языка и культуры не только сохранять их устойчивую значимую роль в сознании этнокультурной языковой личности, но и учитывать динамику трансформации в современном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: архетип, коллективное бессознательное, языковая личность, этнокультурная языковая личность, языковое сознание, этнокультурные концепты

© Шогенова М.Ч., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 12.12.2025; принята к печати 02.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Шогенова М.С. Архетип как способ осмысления окружающего мира этнокультурной языковой личностью // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 64–75. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-64-75> EDN: GGIBXT

Archetype as a Way of Understanding the Surrounding World by an Ethnocultural Linguistic Personality

Marina Ch. Shogenova

Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, *Nalchik, Russian Federation*

✉ shog-marina@yandex.ru

Abstract. The relevance of this problem stems from scholarly interest in examining and understanding the specific linguistic consciousness of the titular peoples of Kabardino-Balkaria, who possess a unique and distinctive culture. The aim of this study is to identify and describe the worldview characteristics of the ethnocultural linguistic identity of Kabardians and Balkars through the prism of archetypal representations integrated into the foundation of their collective unconscious. The subject of this study is the archetypal representations in the linguistic consciousness of Kabardians and Balkars, represented in proverbs, phraseological units, and literary texts. This study examines the system of values and worldviews that shape the identity of the Kabardian and Balkar peoples, embodied in the archetypes of “Tau Adet” (Balkarian) (“Mountain Custom”) and “Adyghe Khabze” (Kabarian) (“Adyghe Customs”). The study identified key archetypes relevant to Kabardian and Balkarian culture. Particular attention is paid to the Khabze archetype (Kabardin) and the Highlander archetype (Balkarian). Specifically, it is noted that Khabze is a crucial cognitive component of the Kabardian people’s linguistic landscape, regulating ethical norms, moral values, customs, and rituals. It is emphasized that the Khabze archetype encompasses a variety of images (Mother, Warrior (Hero), Elder, Guest, Sage, etc.), which affirm the unique characteristics and preferences of the Kabardian people. It is emphasized that the transformation of archetypal representations of Khabze in modern consciousness and the desemantization of ethnocultural meaning influence the development trends of the cultural space. An analysis of linguistic representations of the Highlander archetype suggests that it is a powerful symbol synthesizing the historical experience, ethnocultural, and moral principles of the Balkar people. The archetypal synchronicity of the concepts of Namys (honor and dignity), Konak (guest), Söz (faithfulness to a promise), Mountain, and Stone with the Highlander archetype is actualized. It is revealed that the Kabardian and Balkarian archetypes examined possess a rich reservoir of cultural knowledge, traditions, and ideas, embodying a cultural code that shapes the worldview and behavior of representatives of the titular peoples of Kabardino-Balkaria. It is shown that an emphasis on archetypes enables speakers of language and culture not only to maintain their stable and significant role in the consciousness of the ethnocultural linguistic personality but also to consider the dynamics of transformation in the modern communicative space.

Key words: archetype, collective unconscious, linguistic personality, ethnocultural linguistic personality, linguistic consciousness, ethnocultural concepts

Article history: received 12.12.2025; accepted 02.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 45).

For citation: Shogenova, M.Ch. 2026. “Archetype as a Way of Understanding the Surrounding World by an Ethnocultural Linguistic Personality.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 64–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-64-75> EDN: GGIBXT

Введение

Несмотря на уникальные и оригинальные свойства и признаки каждой этнической культуры, главной ценностью, доминирующим признаком, важным идентифицирующим средством этничности, характерным показателем принадлежности человека к определенному этнокультурному сообществу является язык. Будучи средством отражения духовной части жизнедеятельности народа, в нем как культурном явлении находит реализацию философская система жизни народа, его морально-нравственные позиции и взгляды, совокупность их мыслей, чувств, представлений и т.п. Этническая культура воплощается в народной философии, устном творчестве, художественной литературе, традициях, в которых запечатлевается идеологический путь этноса при помощи языка. Именно в языке надежно хранятся значимые для этноса культурные единицы, отражающие духовные ценности народа. Языковая личность приобретает определенные знания и опыт, трансформирует их в этнические константы, которые формируют картину мира, включая и языковую картину мира. Значимую роль в ее создании играют архетипы как образы, выступающие частью коллективного бессознательного и раскрывающие структуру человеческой психики. Они обуславливают особый способ восприятия, эмоциональное проживание и поведенческие реакции на разные жизненные события. Архетипы становятся объектом осознания в процессе формирования личности, зрелой самооценки, гармонизации межличностных отношений и преодоления сложных периодов. Согласно теории К.Г. Юнга, в психической структуре личности выделяют три компонента: эго, личное бессознательное и коллективное бессознательное, из которых Эго — сознательная часть личности, тогда как личное бессознательное включает индивидуальные переживания, а коллективное бессознательное включает в себя «...все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» [1. С. 115], то есть будучи универсальным слоем психики, содержащим архетипы и общие паттерны поведения, унаследованные личностью от предшественников и проявляющиеся у всех представителей этноса. А каждое знание — это результат осмысления явлений и процессов действительности, который развивает человеческую культуру. Коллективное бессознательное выступает неотъемлемой составляющей структуры личности, регулирует специфику ее мышления, ценностные ориентации и установки. Социальный опыт, в котором формируются и развиваются уникальные характеристики конкретного народа, воплощается в этнокультурных архетипах как

базовых прообразах, детерминирующих специфику мироощущения. Архетипы создаются на основе опыта предков, связаны с культурной традицией, определяют поведение и нормы, ценности и верования личности, служат основой для создания мифов, легенд, сказок, религиозных учений, смысловая нагрузка которых формирует культурную идентичность.

Архетип — фундаментальный элемент в процессе осмысления окружающей действительности этнокультурной языковой личностью, определяет структурный вектор ее развития, определяет самосознание, мотивацию и межличностные отношения, а его актуализация — «...это не только возвращение к архаическим качествам духовности, но и проекция в будущее, ибо этнокультурные архетипы выражают как опыт прошлого, так и стремление к будущему, мечту народа» [2. С. 18].

Цель исследования — рассмотрение архетипа как способа осмысления мира этнокультурной языковой личностью, объект изучения — языковая личность, предмет — архетипические представления в языковом сознании кабардинцев и балкарцев.

Теоретическую основу статьи составили труды К.Г. Юнга [1], который в рамках психоаналитической парадигмы предложил первоначальный анализ архетипа, исследования отечественных лингвистов, в частности Ю.С. Степанова, в исследованиях которого концепт — культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании [3]; В.И. Карасика, который ввел в научный обиход термин «архетипический концепт» [4]; А. Вежбицкой, в трудах которой рассмотрены семантические универсалии, «естественный язык» для описания культурных смыслов) [5], а также исследователей архетипа в области кавказоведения З.А. Кучуковой [6], Л.Ф. Хараевой [7], И.И. Маремшаовой [8], М.А. Хакушаевой [9], А.Д. Тлеуж [10], А.Т. Шортанова [11].

Эмпирическим материалом послужили пословицы и фразеологизмы кабардинского и балкарского народов, художественные произведения кабардинских и балкарских писателей К. Мечиева, К. Кулиева, С. Мафедзева.

Обсуждение

Архетипы — это элементы культуры, которые формируют константы духовной жизни этноса. Как утверждает Н.П. Моница, они «...проходят „красной нитью“ по вертикали культуры (от момента ее зарождения до современного состояния) и по ее горизонтали (эксплицируясь во все виды и формы народного творчества и искусства)» [12. С. 291]. Вербальные единицы, в которых воплощены прообразы, являются весьма важными для любого этноса. В речевых продуктах, созданных языковой личностью, они выступают ключевыми механизмами традиционной самооценки, национально-культурного самопредставления, так как репрезентируют неповторимые, оригинальные

черты, свойства, характеристики мировоззрения, ценностно-смысловые образы этнического коллектива. Архетипы «...знаменуют собой начало формирования ментальной базы культуры», понимаемой как «факт преобразования человеком мира естественного (природного) в культурный» [13. С. 82]. Архетипы, репрезентируя универсальные паттерны мышления и поведения, детерминируют формирование коллективной идентичности. Заложенные в основу этнической культуры, они «создают общие символы и образы, которые проникают в искусство, религию, литературу и другие сферы культуры... пронизывают традиции и обычаи общества... задают рамки для повседневной жизни, включая обряды, праздники, обычаи... [14. С. 53].

Архетипические представления, зафиксированные в языке, безусловно, не являются чем-то неизменным. Они в зависимости от образа жизни, социальной деятельности людей могут претерпевать воздействие внешних, внутренних факторов, утрачивать некоторые свойства, трансформироваться. Подобные тенденции обуславливает явление, связанное с утратой первоначального значения, коннотации, коррелирующие с культурными традициями, то есть десемантизацией этнокультурного смысла. Десемантизация в контексте этнической культуры представляется многоаспектным процессом, обусловленным комплексом факторов и оказывающим влияние на динамику культурного пространства. Так, по мнению исследователей, «результатом процесса десемантизации считается редукция или полная утрата, или приращение этнокультурного смысла той или иной вещи или явления, что в свою очередь ведет к трансформации семантики этнокультурного пространства в целом, развитию новых смыслов и форм этнокультуры» [15. С. 342].

Однако ядро культуры народа, совокупность ценностных предпочтений, поведенческих установок в целом остаются неизменными, так как обуславливают целостность духовности этноса, что обеспечивает сохранение базовых архетипов. Так, в духовной жизни кабардинского и балкарского народов ценностное значение имеет нравственно-духовный опыт, определяющий нормы поведения в разных жизненных ситуациях и выступающий детерминантом формирования речевых норм. Данный пласт в истории народа находит свою репрезентацию в архетипе *Адыгэ Хабзэ* (каб.) («Адыгские обычаи») как одной из самых важных когнитивных составляющих кабардинской языковой картин мира. Будучи существенной социокультурной составляющей, многомерным, полиаспектным, достаточно сложным, неоднородным культурно-языковым явлением, *Хабзэ* на протяжении длительного периода развития этноса сформировал этнокультурный образ кабардинцев. Сегодня *Хабзэ* представляет собой свод правил и законов, охватывающих практически все стороны жизни человека:

1) этические нормы, утверждающие правила поведения человека в различных ситуациях (*хабзэм тету* (каб. — в соответствии с *хабзэ*), то есть упорядочение того, что, с одной стороны, является нормой в поступках и делах (*ар*

хабзэи (каб.) — так должно быть), с другой — осуждение действий, которые противоречат принципам *хабзэ* (*ар хабзэкьым, хабзэниэи* (каб.);

2) моральные принципы, основанные на понятиях чести, достоинства, гостеприимства, уважения к старшим и т.д., которые в кабардинской культуре выступают архетипическими базовыми правилами, лежащими в основе этикетных предписаний и норм, например, *лыгьэ зилэр цхьэцыгум пылэ зыщыгыралым, хабзэ зезыхьэраи* (каб.) — честью, мужеством (достоинством) обладает не тот, у кого высокая шапка на голове, а тот, кто следует нормам *Хабзэ*; *хабзэм тету гьэхьэцлэн* (каб.) — проявить гостеприимство согласно *Хабзэ*; *хабзэм тету нэхьыжьым пицлэ хуэцлын* (каб.) — проявить уважение к старшим в соответствии с *Хабзэ* и т.д.;

3) традиционные нормы взаимоотношений в обществе, правила поведения в семье, роду — архетип *Хабзэ* регламентирует социальную организацию, поддерживает устоявшиеся традиции и сохраняет культурные ценности (*хабзэ зезыхьэм и цхьэр теклыркьым* (каб.) — тот, кто соблюдает *хабзэ*, голову не теряет, то есть способность или умение следовать традициям и правилам *Хабзэ* оберегает человека, защищает его от ошибок);

4) сохранение обычаев и обрядов (календарные и семейные праздники, похоронные обряды и ритуалы и т.д.) — архетип *Хабзэ* охватывает все традиционные мероприятия и утверждает его обязательность, а потому и значимость этнокультуры для представителя народа (*хабзэр кьэзыухьурейр хабзэниэ мэху* (каб.) — кто нарушает *хабзэ*, тот лишается *хабзэ*, то есть несоблюдение принципов *хабзэ*, в том числе и обряды, ритуалы, оценивается в координате отрицательной оценки;

5) утверждение этнического мировоззрения, то есть определенной системы ценностей и представлений о мире, которая формирует и утверждает идентичность адыгского народа (*хабзэр зыхьумэм и цлэр цылэи, хабзэр зыгьэклудыжым и цлынальэр мэклуэд* (каб.), — тот, кто соблюдает принципы *хабзэ*, навсегда остается в памяти, а тот, кто не соблюдает, теряет родину, народ, свою культуру.

Как видно, *Хабзэ* — это не только свод правил, но и архетип, в котором зафиксированы традиции, обычаи, нравственно-духовный опыт народа, сохраняющего свою культуру и историю. Интересным представляется и тот факт, что в архетипе *Хабзэ* выделяются архетипические образы как воплощение специфики мировосприятия и мироощущения кабардинского народа (архетип Воина, архетип Матери, архетип Старшего, архетип Гость, архетип Мудрец и др.). Так, возможно рассмотреть образ воина (*лыхьужь* (каб. — зрелый мужчина) — *Лы зэрытым цлынальэ егьацлэ* (каб.) — мужественный человек, воин прославляет свою землю. В этом контексте показательным представляется героический нартский эпос, в котором запечатлены культ силы, умение владеть оружием, уважение к военному делу ради защиты родины и поддержание социального порядка. Так, герой нартского эпоса, образ воина на коне,

в кабардинской культуре представлен как положительный, правильный человек с воинским характером: «...*нартыжь и щыкIэу, моуэ иувыкIи Бийм я нэхейкIэ бжъэ кыуатар гэщIей!*»¹ (каб.) // как нарт, выйди и выпей назло врагам; «...*шагъдий мыгъасэмIи гъащIэр Шууейхэм Iэсэ ящIыф... Ауэ пху-аIыгъыну уи шхуэIур* (каб.)² // если даже жизнь как необузданный конь, всадники смогут ее обуздать..., но смогут ли его удержать»; «... *Хуэмышур алъп ушэсын плъэкIами, дауэ уанэгум Уэ укъимыхуу уисын?*»³ (каб.) «Будучи ленивым, сможешь сесть на коня, но сможешь ли усидеть, когда он вознесет тебя на небо?». Архетипическое содержание образа воина закрепляется в легендах о героях-богатырях как защитниках своих земель, родины, семьи, мужественных и справедливых, верных долгу и своим принципам.

В архетипе *Хабзэ* образ Матери (Анэ (каб.) занимает одно из центральных мест и наделяется насыщенным смысловым культурным содержанием, так как в образе *Анэ* воплощены образ родителя, символика дома, семьи, хранительницы рода, очага, воспитателя поколений, олицетворение мудрости, милосердия и духовности. Образ святой женщины-матери, глубоко укоренившийся в кабардинской культуре, наделен целой системой ценностей, определяющих особенности поведения в обществе, специфику сохранения рода и семьи, а потому уважение и почитание матери (анэ) является одним из ключевых принципов *Хабзэ* (*Анэм и макъыр — гъащIэщ* (каб.) — голос матери — это жизнь); *Анэ зыщымыгъуицэр лыи хахуэмэху* (каб. — тот, кто не забывает мать, становится достойным (мужественным)). Таким образом, очевидно то, что архетип *Хабзэ* является отражением вековых традиций, обычаев, преемственности поколений, неразрывно связан с фольклором, языком, литературой.

Архетипы, как универсальные модели поведения, пронизывают и нарративы, определяя идейно-тематическое содержание современных произведений. В связи с этим разделяем мысль исследователя М.А. Хакуашевой, по мнению которой архетипические матрицы в дальнейшем обретают творческое преломление и продуктивное развитие в художественных произведениях писателей Северного Кавказа [9. С. 344]. Наглядный архетипический образ идеальной женщины создается в притче (*хъыбар*), о которой читаем в романе С. Мафедзева «Гъыбзэ хуэфашэт» (каб.): «...*АтIэ, зыпху сиIэти цхъэгъусэу уэстынут*». — *Уи нэмыс нэхъ лъагэ уху, сэ сыпIцхъэгъыншэщ, ар лъэIу сытми*». *Ар лъэIуц. Си пхъур нэфц... Си пхъур бзагуэщ... езыр-езыру кыкIуфыркъым. Здэбгъэувым щытыну аращ... Это означает: «Ар тхъэIуху-дэм кыыщынэртэкъым, иужькIэ кызыэрэщIэкIамкIэ. И лыыр зыхуэмей, абы игу иримыхъ имылгагъуу ар нэфт, зыхуэмей зэхимыхуу ар дэгут, Iэсэт, жыIэдалуэти — хъэр псафэ пхуишэнт, бзэ IэфIти — блэр и гъуэм къришынт.*

¹ Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик : Эль-Фа, 1995. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 10.

*Унагъуэм зиужьынуми, и унагъуэбжэр хуишьыжынуми унэгуащэм зэрельытар абы фЫ дьдэу ицІэрт. Абы япэ зыри къэтэджыртэкъым, яужь зыри гъуэлъыжыртэкъым. ЛЫр лЫ зыцІыр апхуэдэ цхьэгъусэц. Жылэм ягъэпуда лЫр фызым къыдыхыжыффри, фызым игъэпуда лЫр жылэми къыдахыжыфыркъым, жаІэ адыгэхэм ижъыж лъандэрэ»⁴. История-притча — рассказ о выборе жениха. Отец, который собирается выдать дочь замуж говорит: «*Си пхъур нэфц*» — «Моя дочь слепая»; «*Си пхъур бзагуэц*» — «Моя дочь немая»; «*...езыр-езыру къыкІуфыркъым... Здэбгъэувым цытыну арац*» — «Сама ходить не может... будет стоять там, куда поставишь». В таком метафоричном образе девушки автор репрезентирует мудрость, послушание дочери как качества женщины, будущей матери.*

Система ценностей и представлений о мире, формирующая идентичность балкарского народа, зафиксирована в этническом кодексе «*Тау Адет*» (балк.) — «Горский обычай» как архетип, утверждающий идеал Горца, живущего в гармонии с природой, обществом и своими предками. Кодекс «*Тау Адет*» также основывается на своде правил, которые регулируют взаимоотношения в обществе, утверждают традиционные ценности, включающие понятия чести, достоинства, уважения к старшим, гостеприимства, транслируют систему норм поведения, передаваемую из поколения в поколение, систему взглядов на мир и т.п. Архетип «*Тау Адет*» утверждает образ идеального горца, мужественного, честного, уважающего традиции и обычаи прошлого, защищающего честь своей семьи и народа: *акъыллы таулу миллетни атын чыгъарыр, акъылсыз таулу бетин жоар* (балк.) — мудрый горец прославит свой народ, глупый горец запятнает его честь; горца, приверженного устоявшимся обычаям, традициям, чтившего память предков: *Ёлген атынгы унутма, ёлген жигитингы унутма* (балк.) — Не забывай павшего коня, не забывай погибшего джигита. Таким образом, в архетипе Горца утверждается ценность памяти о предках как основа сохранения культуры и традиций; идеальный Горец должен обладать духовной чистотой, следовать моральным принципам, не допускать совершения каких-либо ошибок и пороков (*Акъ таш да джерде къара болады* (балк.) — И белый камень на земле становится черным), то есть даже достойный человек может совершить плохой поступок, а потому важно соблюдать принципы горца.

Архетип *Горца* также представляется многослойным по коннотации концептом, содержание которого выходит далеко за рамки географического определения, так как в этом образе — сложное сочетание исторического опыта и традиций, этнокультурных ценностей и нравственных принципов. Будучи сложным и многогранным архетипом, он вмещает в себя культурное содержание и других архетипических образов и понятий. Так, это могут быть архетип *Намыс* (честь и достоинство), архетип *Къонакъ* (гость), архетип *таматагъа*

⁴ Мафедзев С.Х. Достойны печальной песни. Нальчик : Эльбрус, 1991. С. 58. (на каб. яз.).

сий (уважение к старшим), архетип *Съз* (слово, обещание), архетип *Камень*, архетип *Гора* и др. Эти архетипы представляют собой важнейшие пласты этнокультуры народов Кавказа и являются большим исследовательским материалом в этнокультурной парадигме языковой личности. Например, глубокий анализ архетипа *Камень* представлен в работе З.А. Кучуковой, которая справедливо пишет: «Богатейший спектр архетипических значений камня в карачаево-балкарской художественной культуре не поддается до конца научному учёту и систематизации из-за тотальной пронизанности мотивом камня всех уровней горского бытия» [6. С. 153].

Значимым в этом отношении представляется и архетип *Гора* как могущественное и вечное природное начало в карачаево-балкарской языковой картине мира. В культуре балкарского народа Гора — это не только природное явление, но и особый символ духовных качеств как неотъемлемое свойство балкарского народа. В частности, образ *Гора* в этнокультурном понимании народа воспитывает терпение, формирует умение достойно переносить тяготы жизни, стойкость, мужество: *Тауларынгча чыдамлылла жашларынг...* (балк.): «Как горы устойчивы, нерушимы сыновья»; «*Боранла уралла. Къарла жауалла, Таула барына да чыдап туралла. Къыйынла халъкъым, сен да алай чыда Барына да, — къыйынлыкъ кеп дунияда!*»⁵ (балк.); «Бьет буран, идет снег, Но горы выдерживают их. Бедный мой народ, ты тоже так терпи — ведь на земле много трудностей»; «*Тау жоллары къоркъуулудула. Жаным, мынды эрликге юйрен!*»⁶ (балк.) // «Дороги в горах страшны. Моя душа, ты здесь учись мужеству». Горы воспринимаются как самое ценное в контексте родины, родных мест: «*Къар башларын кёрмей къалсам таулары, Мени ючюн да иги тенгим кёрсюн, Жалан кёрмесин кёзлери жаулары...*»⁷ (балк.) // «Когда я не увижу снежные вершины, Вместо меня пусть мой хороший друг увидит их, Однако пусть их не увидят глаза врагов».

Архетипическое осмысление *горы* конкретизируется и аксиологической (ценностной) координатой *богатый – бедный*: «*Манга: „Тауларынгсыз жаша да, алтын Къала да ишлербиз, сюербиз сени“, — Деселе, кюльорме, жюрегим айтыр: „Этмегиз патчах саулай де жерде, Жашау беригиз бийик тауларында!.. Къушха ариулукъу не? Батырлыкъ керек, Алтын угъай, таула керек тауулагъа...“*» (балк.)⁸ // «Если мне скажут: „Поживи без гор, Построим золотой дворец, полюбим мы тебя“, Я засмеюсь, и сердце мое скажет: „Не делайте меня правителем всей земли, Дайте жизнь в моих *высоких* горах... Что нужно орлу? Отвага нужна, Не золото, горы нужны балкарцам“». Из при-

⁵ Мечиев К.Б. Собрание сочинений : в 2 томах. Т. 2. Нальчик : Эльбрус, 1989. С. 125 (на балк. яз.).

⁶ Там же. С. 87 (на балк. яз.).

⁷ Кулиев К.Ш. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Нальчик : Эльбрус, 1981. С. 139 (на балк. яз.).

⁸ Там же. С. 143 (на балк. яз.).

веденных примеров очевидно, что архетипы функционируют в языковом сознании личности, языковой картине мира человека, служат основой активной интерпретации окружающего мира при помощи языка. Архетипы формируют ассоциации, которые передаются от поколения к поколению.

Анализ эмпирического материала показал, что кабардинские и балкарские архетипы отличаются глубоким этнокультурным содержанием, обеспечивающим самобытность, приоритетные жизненные установки народов, а результаты исследования дают основание сформулировать следующие положения:

- вербализация архетипов актуальна для сохранения трансляции уникальных культурных особенностей;
- актуальный процесс десемантизации обуславливает изменения этнокультурного смысла, однако базовые архетипы сохраняются благодаря устойчивости ядра этнической культуры;
- базовые архетипы кабардинского и балкарского народов сосредоточены в нравственных кодексах «*Адыгэ Хабзэ*» (каб.) — «Адыгские обычаи» и «*Тау Адет*» (балк.) — «Горские обычаи», в которых представлена совокупность правил и ценностей, регулирующих нравственное поведение кабардинцев и балкарцев соответственно;
- актуализируется архетипическая синхронизация концептов *Мать*, *Воин (герой)*, *Старший*, *Гость*, *Мудрец с архетипом Хабзэ*, *Намыс* (честь и достоинство), *Конакъ* (гость), *Сѣз* (верность обещанному слову), *Гора*, *Камень* с архетипом *Горец*, через которые выражаются ключевые аспекты культурной самобытности кабардинцев и балкарцев;
- архетипы — трансляторы культурных ценностей, в которых заложены установки, формирующие основу культурной идентичности людей через передающиеся из поколения в поколение обряды, обычаи, устное народное творчество, морально-этические кодексы, которые в совокупности влияют на мировоззрение языковой личности.

Заключение

Архетипы в целом — это укорененные и утвержденные культурные идеалы, которые отпечатываются в сознании языковой личности, являются доминирующими, приоритетными идеями, в которых аккумулируются и транслируются особенности мировосприятия и мироощущения народа. Они, безусловно, отражают невидимые, порой еще не осознаваемые, масштабы освоения окружающего природного мира человеком. Будучи первичным культурным слоем, они закладывают константные модели, которые определяют духовную культуру этноса и обнаруживаются, прежде всего, «... в дискурсивных практиках, что свидетельствует о способности носителей языка как субъектов культуры языка и культуры воспроизводить в речевой деятельности знания, принадлежащие разным эпохам миропознания, „оживляя“ их актуаль-

ность в контексте современного времени» [13. С. 45]. Язык аккумулирует культурные слои, которые возникают в процессе познания и осмысления человеком окружающего мира, а архетипические элементы играют основополагающую роль в формировании этнического аспекта. Несмотря на то, что они несут в себе печать архаичности, многие утверждающиеся в них ценности и представления актуальны в современности, в определенной степени проецируют идеальные, желаемые признаки, важные компоненты для сохранения своеобразия, уникальности этнической культуры, репрезентированной в языке, поддерживают этническую идентичность. Следовательно, обращение к элементам архетипического этнического осмысления мира в духовной культуре обуславливает его существенность в структуре языковой личности.

Список литературы

1. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / пер. М.В. Сапарова. Москва : Канон, 1994. 317 с.
2. Данилова А.И. Культурный архетип: к вопросу об определении понятия // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Э.В. Фомина. Чебоксары, 2021. С. 17–19.
3. Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
4. Карасик В.И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39–52.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. А.Д. Шмелев, Т.В. Булыгина. Москва : Языки русской культуры, 1999. 790 с.
6. Кучукова З.А. Актуализация архетипических значений «камня» в карачаево-балкарском фольклоре // Bulletin of the KIN of the RAS, 2017. Vol. 31. Issue 3. P. 152–161.
7. Хараева Л.Ф., Кучукова З.А. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик : Издат. типография «Принт Центр». 2018. 192 с.
8. Маремшаова И.И. Архетипы кавказской ментальности в межэтническом диалоге // Кавказ сквозь призму тысячелетий. Парадигмы культуры : материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. 10–13 мая 2004. Нальчик, 2004. С. 125–127.
9. Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик : Ин-т гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2007. 378 с.
10. Глеуж А.Д. Этнокультурные архетипы адыгского народа: опыт философско-культурологического осмысления : автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01. Краснодар, 2007. 42 с.
11. Шортанов А.Т. Нартский эпос адыгов // Нарты. Адыгский героический эпос / пер. А.И. Алиевой. Москва : Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 8–35.
12. Моница Н.П. Культурный архетип: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2. (27). С. 289–291.
13. Зыкова И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое. Москва : Либроком, 2011. 368 с.
14. Иткулова У.А., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Культурные импульсы в контексте этнокультурных архетипов в мировоззрении народа // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 48–55. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.12.5>
15. Бахтикиреева У.М., Баишева С.К. Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 339–353. <https://doi.org/h10.25178/nit.2025.2.16>

References

1. Jung, K.G. 1994. *Collected works. Psychology of the unconscious*. Translated by M.V. Saparov. Moscow: Canon publ. (In Russ.).
2. Danilova, A.I. 2021. “Cultural archetype: on the question of defining the concept.” *Cultural studies, art criticism and philology: current issues*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Edited by E.V. Fomin. Cheboksary, pp. 17–19. (In Russ.).
3. Stepanov, Yu.S. 1997. *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience*. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 824 p. (In Russ.).
4. Karasik, V.I. 2003. “Archetypal concepts in communication.” *Direct and indirect communication*. Saratov, pp 39–52. (In Russ.).
5. Vezhbitskaya, A. 1999. *Semantic universals and language description*. Translated by A.D. Shmelev, T.V. Bulygina. Moscow: Languages of Russian Culture publ. (In Russ.).
2. Kuchukova, Z.A. 2017. “Actualization of archetypal meanings of ‘stone’ in Karachay-Balkarian folklore.” *Bulletin of the KIN of the RAS*, vol. 31, iss. 3, pp. 152–161. (In Russ.).
1. Kharaeva, L.F., and Z.A. Kuchukova. 2018. *Gender and ethnogender (based on Kabardian women’s prose)*. Nalchik: Print Center Publishing House. (In Russ.).
3. Maremschayeva, I.I. 2004. “Archetypes of Caucasian mentality in interethnic dialogue.” *Caucasus through the prism of millennia*. Paradigms of culture. Materials of the First International Scientific and practical Conference. May 10–13, Nalchik, 2004, pp. 125–127. (In Russ.).
4. Hakuasheva, M.A. 2007. *Literary archetypes in the artistic works of Adyghe writers*. Nalchik: Institute of Humanitarian Studies of the Government of the CBD and KBSC RAS. (In Russ.). <https://doi.org/h10.25178/nit.2025.2.16>
5. Tleuzh, A.D. 2007. *Ethnocultural archetypes of the Adyghe people: the experience of philosophical and cultural understanding*: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophy: 24.00.01.Krasnodar. (In Russ.).
6. Shortanov, A.T. 1974. “The Nart epic of the Adygs.” In *Sleds. The Adyghe heroic epic*. Translated by A.I. Aliyeva. Moscow: The Main Editorial Office of Oriental Literature, pp. 8–35. (In Russ.).
7. Monina, N.P. 2011. “Cultural archetype: modern approaches to understanding the phenomenon.” *The world of Science, culture, and Education*, no. 2, pp. 289–291. (In Russ.).
8. Zykova, I.V. 2011. *Culture as an information system: spiritual, mental, and material-symbolic*. Moscow: Librocom publ. (In Russ.).
9. Itkulova, L.A., A.V. Lukyanov, and M.A. Pushkareva. 2023. “Cultural impulses in the context of ethnocultural archetypes in the worldview of the people.” *Society: philosophy, history, culture*, no. 12, pp. 48–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2023.12.5>
10. Bakhtikireeva, U.M., and S.K. Bashieva. 2025. “The ethnocultural meaning of the artifacts of the Karachay-Balkarian wedding: the processes of desemantization and increment.” *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 339–353. (In Russ.). <https://doi.org/h10.25178/nit.2025.2.16>

Сведения об авторе:

Шогенова Марина Чашифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. ORCID: 0000-0002-4873-7795. E-mail: shog-marina@yandex.ru

Bio note:

Marina Ch. Shogenova is a Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and General Linguistics; Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, 173 Chernyshevskogo St, Nalchik, 360004, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4873-7795. E-mail: sho-gmarina@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-76-88

EDN: GGOPHY

Научная статья / Research article

Оловянное молоко памяти: референция, модальность и темная экология в стихотворении Елены Шварц «Ветер дохнул, и вдруг...»

А.В. Марков^{ID}

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация,

✉ markovius@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью применения инструментария аналитической философии языка к поэтическому тексту для выявления его скрытой эпистемологической структуры. Стихотворение Елены Шварц представляет собой герменевтический вызов, который не исчерпывается традиционными методами анализа. Автором дана интерпретация стихотворения через призму теорий референции (С. Крипке), натуральных видов (Х. Патнем) и индетерминизма перевода (У.В.О. Куайн), а также концептов «темной экологии» (Т. Мортон) и акселерационизма (Н. Ланд). В основе методологии лежит применение аппарата аналитической философии языка и «темных» теорий для анализа цепочки метаморфоз в стихотворении как индетерминизма референции. Фигура Павла I рассматривается как «жесткий десигнатор», а образ «оловянного молока» — как извращенный «натуральный вид». Анализ показывает, что стихотворение инсценирует эпистемологический сбой, при котором референция терпит крах, уступая место спектральной причинности. Павловский парк предстает не как место памяти, а как активный агент-«гиперобъект», производящий гибридные сущности («утки-солдаты», «речка-богиня») под действием безличной, акселерационистской машины истории, персонифицированной в фигуре императора. Стихотворение Шварц оказывается исследованием того, как историческая травма, функционирующая как «жесткий десигнатор», деформирует реальность, разрушая семиозис и делая нестабильными фундаментальные категории природы и культуры.

Ключевые слова: аналитическая философия, жесткий десигнатор, Ник Ланд, историческая память, поэтика, Павловский парк

История статьи: поступила в редакцию 25.11.2025; принята к печати 06.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Марков А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Марков А.В. Оловянное молоко памяти: референция, модальность и темная экология в стихотворении Елены Шварц «Ветер дохнул, и вдруг...» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 76–88. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-76-88> EDN: GGOPHY

Tin Milk of Memory: Reference, Modality, and Dark Ecology in Elena Shvarts’s Poem “The Wind Breathed, and Suddenly...”

Alexander V. Markov^{ORCID}

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ markovius@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is driven by the need to apply the tools of analytical philosophy of language to a poetic text to reveal its hidden epistemological structure. Elena Shvarts’s poem presents a hermeneutic challenge that cannot be exhausted by traditional methods of analysis. The aim of the article is to interpret the poem through the lens of reference theory (S. Kripke), natural kinds (H. Putnam), and the indeterminacy of translation (W.V.O. Quine), as well as the concepts of “dark ecology” (T. Morton) and accelerationism (N. Land). The methodology is based on the application of analytical philosophy of language and “dark” theories to analyze the chain of metamorphoses in the poem as an indeterminacy of reference. The figure of Paul I is considered as a “rigid designator,” and the image of “tin milk” as a perverted “natural kind.” The analysis shows that the poem stages an epistemological failure where reference collapses, giving way to spectral causality. The Pavlovsk Park appears not as a site of memory but as an active “hyperobject”-agent that produces hybrid entities (duck-soldiers, river-goddess) under the influence of an impersonal, accelerationist machine of history, personified in the figure of the emperor. Shvarts’s poem proves to be an investigation of how historical trauma, functioning as a “rigid designator,” deforms reality, destroying semiosis and destabilizing the fundamental categories of nature and culture.

Key words: analytical philosophy, rigid designator, Nick Land, historical memory, poetics, Pavlovsk Park

Article history: received 25.11.2025; accepted 06.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Markov, A.V. 2026. “Tin Milk of Memory: Reference, Modality, and Dark Ecology in Elena Shvarts’s Poem “The Wind Breathed, and Suddenly...”” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 76–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-76-88> EDN: GGOPHY

Введение

Стихотворение Елены Шварц (2008) представляет герменевтический вызов для интерпретатора. Его поверхностный слой — импрессионистская зарисовка павловского пейзажа — мгновенно осложняется насильственной мифологизацией и историческими призраками. Критики [1–3] часто отмечают в творчестве Шварц сплав барокко и метафизики, однако существующие прочтения не исчерпывают его философского потенциала.

Утки в Павловске

Ветер дохнул, и вдруг
Речка Славянка
Обратилась
В Диану Эфесскую:
Бугорками пошла,
Мелкой грудью заволновалась,
Из каждого сверкающего соска
Утки пьют молоко как младенцы.

Птицы, вскормленные осенним
Оловянным молоком,
Солдатами когда-то были,
Игральным павловским полком.

Всё ждут — вернётся повелитель,
И, скинув перья свои серые,
Мундиры синие наденут,
Как будто горлышки у селезней.
И будет он наш вечный зритель.
Как скучно было в утках жить!

2008¹

Стихотворение содержит «отброшенный ключ» [4] — отсылку к статуе Актеона и Аполлона в Павловском парке, которая не названа явно, но, по замыслу автора, должна быть учтена. Этот ключ не просто добавляет аллюзий, но радикально меняет онтологический статус описываемого пространства. Традиционные методы мифологического и историко-литературного анализа оказываются недостаточными для объяснения механики этого сдвига.

Утки — сравнительно недавние пришельцы парка: «Водоплавающие — экологическая группа птиц, на примере которой, пожалуй, наиболее ярко проявились изменения в составе орнитофауны Павловского парка за последнее столетие. Несмотря на то, что водоемы на территории парка представлены не только рекой Славянкой, пересекающей парк в меридиальном направлении, но и такими крупными прудами, как Розовопавильонный пруд в районе Парадное поле, Круглый пруд в Долине реки Славянки, а также системами более мелких прудов в районе Большой Звезды и в Долине Прудов, водоплавающие птицы стали активно вселяться на его территорию лишь во второй половине XX — начале XXI века» [5].

Мы утверждаем, что стихотворение моделирует ситуацию, в которой референция терпит крах, уступая место модуляциям модальности. Ландшафт

---

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений. URL: https://eshvarts.com/texts_516/ (дата обращения: 26.11.2025).

парка становится местом столкновения жестких десигнаторов (Крипке) [6] и [7], натуральных видов (Патнем) [8] и индетерминированных переводов (Куайн) [9; 10], управляемых спектральной причинностью фигуры Павла I. Этот процесс может быть описан в терминах «темной экологии» Тимоти Мортон [11; 12] и «акселерационистской» логики А. Аванесяна и Ника Ланда [13–15] как вторжение безличного Символического/Технологического в порядок природного.

В исследовании мы ставим целью проанализировать цепь метаморфоз в стихотворении как индетерминизм референции (Куайн). Это позволяет нам ввести и обосновать концепт «жесткого десигнатора» применительно к фигуре Павла I и рассмотреть образ «оловянного молока» как точку сборки для «натурального вида» (Патнем) с противоестественными свойствами. Итогом становится интерпретация ландшафта как «гиперобъекта» (Тимоти Мортон) или интерфейса для спектральной (призрачной) причинности (Ник Ланд).

Методы

В основе методологии лежит применение аппарата аналитической философии языка к поэтическому тексту, что позволяет выявить его скрытую эпистемологическую структуру. Концепт «жесткого десигнатора» из референциальной теории Сола Крипке используется для анализа фигур Павла I и Дианы Эфесской как имен, которые во всех возможных мирах, где они существуют, отсылают к одному и тому же объекту, тем самым обладая модальной устойчивостью. Семантика натуральных видов Хилари Патнема позволяет анализировать «оловянное молоко» как пародийную версию «воды» или «молока» как натурального вида, чья внутренняя структура (скрытая сущность) извращена исторической травмой. Индетерминизм перевода Уилларда ван Ормана Куайна становится основным для описания цепи метаморфоз (речка → Диана; утки → младенцы; птицы → солдаты). Мы утверждаем, что в мире стихотворения не может быть никакого «правильного» перевода этих состояний, но они сосуществуют в режиме радикальной онтологической неопределенности.

Не-философия и темная экология Ника Ланда и Тимоти Мортон позволяют описать историю не как совокупность человеческих действий, а как безличную, акселерационистскую машину («Механика Потустороннего» Ланда), чьи эффекты проявляются в биологическом и семиотическом регистрах. Парк понимается как «гиперобъект» (Мортон), непостижимый целиком, порождающий гибриды и спектральные сущности.

Результаты и обсуждение

Метаморфозы. Первая же метаморфоза — «Речка Славянка / Обратилась / В Диану Эфесскую» — знаменует не просто метафору, а референциальный коллапс. «Диана Эфесская» выступает как жесткий десигнатор, отсылаю-

щий не к абстрактному понятию, а к конкретному мифологическому образу с фиксированными свойствами (многогрудость). Однако ее «воплощение» в речке Славянке — месте, где физически отсутствует ее статуя (но присутствует статуя Актеона, ее жертвы), — создает модальный парадокс. Жесткий десигнатор оказывается прикрепленным к пустоте, к месту травмы (наказания Актеона). Это порождает цепную реакцию индетерминизма по Куайну: если речка — это Диана, то рябь на воде — это «бугорки» на ее теле, а утки, пьющие воду, — это «младенцы, пьющие молоко». Ни один из этих «переводов» не является привилегированным, они сосуществуют в состоянии когнитивного диссонанса.

Образ «оловянного молока» становится центральным узлом этой дисфункции. Согласно Патнему, значение терминов натуральных видов (например, «вода») определяется не их чувственными свойствами, а их скрытой внутренней структурой (H₂O). «Молоко» речки-Дианы, изначальный символ жизни и питания, обнаруживает свою «скрытую сущность» — оно «оловянное». Олово — металл тусклый, неблагородный, ассоциирующийся с солдафонством (оловянные солдатики) и мертвенностью. Таким образом, натуральный вид понятия «молоко» оказывается извращен, его внутренняя структура заменена на историко-технологическую: это субстанция, произведенная не природой, но военно-бюрократической машинерией павловской России.

Фигура «повелителя», Павла I, предстает как призрак, который структурирует все стихотворение. Как жесткий десигнатор, он отсылает к конкретному историческому лицу, чья идентичность определена насильственной смертью (убийство). Эта травма делает его модально устойчивым не только в мире живых, но и в мире мертвых. Он — «вечный зритель», чье присутствие является чисто причинным, спектральным. Здесь мы привлекаем логику Ника Ланда. Павел I — это не персонаж, а акселерационистский аттрактор, деспотическая машина, которая продолжает функционировать после своей физической гибели. Его причинность не биологическая и не психологическая, а машинная: он перепрограммирует саму экологию. Биологическая жизнь (птицы) в стихотворении распознается как замаскированная военная единица («игральный павловский полк»). Это не метафора, а раскрытие их истинной, по Ланду, «технологической» сущности. Так же и ожидание возвращения в природу солдат — не психологическое желание, а программная команда. Система («полк») находится в режиме ожидания сигнала от своего центра управления («повелителя»).

«Как скучно было в утках жить!» — апофеоз ландовского процесса. Свободная, животная жизнь осознается как «скука», как неоптимальный режим работы. Стремление сбросить «перья свои серые» и надеть «[м]ундиры синие» — стремление к акселерации, к возвращению в интенсивное, хотя и смертоносное, состояние интегрированности в военную машину. Весь Павловский парк, с его дорогой к «Концу света» и статуей Аполлона-владыки

загробного мира, предстает не как место отдыха, а как интерфейс, через который эта спектральная причинность императора взаимодействует с миром, производя гибриды (утки-солдаты, речка-богиня, оловянное молоко). Далее мы рассмотрим, как именно работает ландшафт Павловского парка.

География загробного мира. Павловский парк — это не просто пейзажный ансамбль, а тщательно спроектированная философско-символическая система [16]. Его можно прочесть как карту античного Аида или как лабиринт, ведущий от жизни к смерти. Для стихотворения Шварц культурно важны три зоны: Старая Сильвия, Новая Сильвия Аполлона, Конец Света.

Старая Сильвия — не хаотический лес, а строгий регулярный парк. Двенадцать лучевых аллей сходятся к круглой площадке. Это модель идеального, упорядоченного космоса, но космоса, уже отмеченного смертью, обрывающегося Руинным Каскадом. Однако доминирующим скульптурным аккордом здесь является бронзовая статуя преследуемого Актеона работы И. Мартоса (1816). Он бежит через лес, ветки хлещут по ногам, одна веточка изваяна, и мы понимаем, что происходит. Его пластика — пластика вырывающегося из темноты героя. Это ключевая точка напряжения. Старая Сильвия — мир порядка, который хранит в своем сердце сцену панического бегства и неминуемой расправы.

Новая Сильвия — более дикая, «естественная» часть парка с резким ростом видового разнообразия деревьев [17]. Путь из Старой в Новую Сильвию лежит через обветшалый мост-руину с нарочито разрушенными малыми львами. Эти звери — стражи границ между миром живых и миром мертвых. Путника встречает статуя Аполлона Мусагета работы Федора Гордеева (1798). Но в этом контексте его функция смещается. Его лира была вскоре после установки памятника утрачена. Темный, мрачный облик статуи подчеркнут ниспадающим хитомом, несколько тревожным, вызывающим не воспоминания, а нехорошие предчувствия. Он — не светлый бог искусств, а Аполлон Витийский (Агрей), хтонический бог-прорицатель, связанный с подземным миром. Он здесь — владыка этого загробного царства, встречающий и провожающий души.

От Аполлона идет долгая, узкая, прямая тропа. Она не петляет, как в пейзажном парке, а только слегка изгибается, нигде не пропадая из виду, как магистраль, имеющая еще и дублеров, и целенаправленно ведет к одной точке — Колонне «Конец Света». Это ветхая, треснувшая колонна на краю обрыва над рекой Славянкой. Это финальная точка маршрута, буквальный и философский «конец света». Дорога заканчивается ничем — обрывом, пустотой. Весь путь от Старой Сильвии — это путешествие от насильственной смерти (Актеон) через царство мертвых (Новая Сильвия под властью хтонического Аполлона) к небытию («Конец Света»).

Актеон-функция: невидимый/отброшенный ключ. Статуя Актеона — не просто одна из многих скульптур. Это семиотическая мина, заложенная в

структуру парка, которую Шварц активирует своим стихотворением. Согласно мифу, юный охотник Актеон случайно увидел богиню Диану (Артемиду) обнаженной во время купания. В наказание за этот взгляд он был превращен ею в оленя и растерзан собственными собаками. Преступление Актеона — вторжение в сакральное, приватное пространство божества. Он увидел то, что не был предназначен видеть. Его казнь — это казнь за недозволенное знание, за нарушение табу.

Елена Шварц совершает гениальный ход: она инвертирует ситуацию. В парке нет статуи Дианы. Но есть ее жертва — Актеон. Поэт, подобно Актеону, вторгается в сакральное пространство парка-мифа и пытается увидеть невидимое — саму Диану. И она ее «видит»! Но не в мраморе или бронзе, а в самой материи ландшафта: «Речка Славянка / Обратилась / В Диану Эфесскую». Это и есть акт актеоновского зрения — увидеть богиню там, где ее формально нет. Таков акт актеоновского зрения сквозь покров реальности.

Присутствие статуи Актеона, застывшего в вечном беге, означает, что сама ситуация наказания за взгляд перманентна. Парк — место, где заглядывать за кулисы мироздания опасно, но неизбежно. В контексте стихотворения, лирическая героиня (и читатель) повторяет судьбу Актеона. Мы смотрим на речку и видим обнаженное тело богини. Мы пьем ее «молоко». Мы становимся свидетелями тайны. А в мире Павловского парка за такой взгляд положена смерть — либо растерзание псами, либо, что более релевантно для Шварц, превращение в призрака, застрывшего в этом ландшафте.

Таким образом, Павловский парк в стихотворении Шварц — не просто место действия, а активный агент, структурированный как ловушка [18]. Начиная с отсылки к невидимой Диане через ее жертву, текст сразу помещает нас в позицию нарушителя. Мы обречены на это знание. От Дианы мы идем к Павлу. Фигура «повелителя» Павла I занимает в этой мифологии место хтонического божества, подобного Аполлону у выхода из Новой Сильвии. Он — вечный наблюдатель, чьего взгляда невозможно избежать. Если Актеон был наказан за взгляд на богиню, то солдаты-утки наказаны тем, что вынуждены вечно находиться под взглядом своего императора.

Фраза «Как скучно было в утках жить!» — не бытовая жалоба, а экзистенциальный стон призрака, застрывшего на пути к «Концу Света». Это тоска по небытию, по окончании спектакля, который вечно режиссирует мертвый повелитель. Следовательно, функция Актеона — быть семиотическим предупреждением и параллелью. Он сигнализирует: всё, что происходит в этом стихотворении, — это акт запретного зрения, за которым следует метаморфоза в призрачное, подчиненное состояние. Речка, обратившаяся в Диану, — это желанное, но катастрофическое откровение, которое запускает цепную реакцию распада реальности и высвечивает темную, поработавшую механику истории, скрытую под покровом идиллического пейзажа.

Математизированная модель стихотворения. Попробуем описать модель стихотворения как математизированную систему отношений на основе психосемантики [19] между зрением (актом наблюдения) и переводом (операцией преобразования онтологических состояний).

Математическую модель зрения и перевода в стихотворении Е. Шварц можно представить следующим образом.

Базовые определения

U — Универсум, множество всех возможных объектов и состояний (речка, утки, птицы, солдаты, Диана, Павел).

$O \subseteq U$ — Подмножество Наблюдателей. В системе есть два ключевых наблюдателя:

o_1 — Лирический субъект (поэт/читатель), занимающий позицию Актеона.

o_2 — «Повелитель» (Павел I), «вечный зритель».

$V: O \times U \rightarrow S$ — Функция Взгляда. Она сопоставляет паре (Наблюдатель, Объект) некоторое состояние S из множества состояний. Взгляд не пассивен, он изменяет состояние объекта.

$T: U \times S \rightarrow U$ — Функция Перевода. Это оператор, который преобразует объект из одного состояния в другое внутри U , в зависимости от текущего состояния S . Перевод индуцирован взглядом.

Аксиомы системы

Аксиома 1 (Аксиома Актеона). Взгляд наблюдателя o_1 на объект, принадлежащий сакральному подмножеству $U_{sr} \subseteq U$, вызывает необратимый каскад переводов.

Формально: Если $u \in U_{sr}$, то $V(o_1, u) = s_0$, что запускает последовательность $T(u, s_0) = u_1, T(u_1, s_1) = u_2, \dots$, где каждое последующее состояние зависит от предыдущего.

Аксиома 2 (Аксиома Жесткого Десигнатора). Существуют объекты $u_d \in U$ (например, «Павел I», «Диана»), которые являются аттракторами. Любой каскад переводов имеет тенденцию к схождению к этим объектам: $\lim (n \rightarrow \infty) T(u_n) = u_d$.

Аксиома 3 (Аксиома Индетерминизма Куайна): Для любой цепочки переводов $T_1, T_2, \dots, T_n$, ведущей от u к u_d , существует альтернативная, онтологически равноправная цепочка $T'_1, T'_2, \dots, T'_n$, ведущая к тому же u_d , но проходящая через другие промежуточные объекты. Нет «истинного» перевода, есть только «последовательность гипотез».

Моделирование процесса в стихотворении:

Шаг 0. Начальные условия.

$U = \{\text{Речка, Утки, Птицы, Вода, ...}\}$ (натуральные виды)

$S = \{s_{\text{натур}}\}$ (нейтральное, природное состояние)

Шаг 1. Активация Взгляда o_1 и первичный перевод.

Наблюдатель o_1 смотрит на Речку. Но Речка находится в сакральной зоне Павловского парка (Речка $\in U_{sr}$).

$$V(o_1, \text{Речка}) = s\_миф$$

Запускается каскад: $T(\text{Речка}, s\_миф) = \text{Диана\_Эфесская}$.

Это не метафора, а оператор перевода, меняющий онтологический статус объекта. Рябь на воде — это не как бугорки на теле, а является ими в новом состоянии: $T(\text{Рябь}, s\_миф) = \text{Бугорки\_на\_теле\_Дианы}$.

Шаг 2. Каскадный индетерминизм.

Взгляд на Уток в новом состоянии системы $s\_миф$ дает: $V(o_1, \text{Утки}) = s\_младенцы$.

$$T(\text{Утки}, s\_младенцы) = \text{Младенцы}$$

При этом активируется Аксиома 3: альтернативный перевод, доступный только наблюдателю o_2 , выглядит иначе. Для o_2 исходное состояние Уток — $s\_солдаты$.

$$T(\text{Птицы}, s\_солдаты) = \text{Солдаты\_Павловского\_полка}$$

Система находится в суперпозиции состояний:

$$\text{Птицы} = (1/\sqrt{2}) \times |\text{Утки}\rangle + (1/\sqrt{2}) \times |\text{Солдаты}\rangle .$$

Коллапс этого волнового функции происходит только при акте наблюдения o_2 .

Шаг 3. Схождение к аттрактору (Аксиома 2).

Каскад переводов, начатый наблюдателем o_1 , сходится к жесткому десигнатору «Павел I».

$$\lim_{(n \rightarrow \infty)} T(\text{Речка\_}n) = \text{Павел\_I}$$

$$\lim_{(n \rightarrow \infty)} T(\text{Птицы\_}n) = \text{Павел\_I}$$

Вся система стремится к состоянию, где доминирует этот аттрактор. «Оловянное молоко» — это фиксация перевода: $T(\text{Вода}, s\_Павел) = \text{Оловянное\_молоко}$. Свойства объекта изменены на фундаментальном уровне (по Патнему).

Отношение между o_1 и o_2 : Топология Взгляда

Здесь ключевая математическая структура — топология на множестве наблюдателей и объектов.

o_1 (Актеон) находится внутри системы. Его взгляд локальный, каузальный, запускающий процессы.

o_2 (Павел) находится на границе универсума U . Он — «вечный зритель», чья функция взгляда $V(o_2)$ является глобальным условием.

Можно представить U как многообразие, а взгляд o_2 — как заданное на нем векторное поле. Все переводы T в конечном счете выравниваются вдоль потоков этого поля.

«Как скучно было в утках жить!» — это формула, описывающая энтропию состояния, удаленного от аттрактора o_2 .

Стремление надеть мундиры — это стремление к минимуму потенциальной функции в поле взгляда o_2 .

Итоговая модель. Стихотворение описывает динамическую систему (U, O, V, T) , где:

– *начальное условие*: наблюдатель o_1 применяет оператор V к сакральному объекту;

– *динамика*: запускается каскад онтологических переводов T , обладающий свойством индетерминизма (Аксиома 3);

– *аттрактор*: система эволюционирует к состоянию, определяемому жестким десигнатором u_d , который является глобальным наблюдателем o_2 .

Стационарное состояние: вся система стабилизируется в режиме, где доминирует взгляд o_2 , а переводы зафиксированы (Вода → Оловянное_молоко, Птицы → Солдаты). Наблюдатель o_1 , начавший процесс, сам становится частью преобразованной им системы, застревая в позиции, которую он же и выявил.

Таким образом, «отношение зрения и перевода» — это нелинейный процесс рекурсивной модификации онтологии, где акт наблюдения неотделим от операции перевода, а вся система стремится к фиксированной точке, заданной спектральным наблюдателем-аттрактором.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что «отброшенный ключ» стихотворения — это не просто дополнительная аллюзия, а онтологический переключатель, сопоставимый с переключениями от имени к пластике и обратно в прощательнейшем исследовании Н.В. Брагинской романа Лонга [20]. Учет контекста Павловского парка с его статуей Актеона (жертвы божественного взгляда) и Аполлона (владыки загробного мира) позволяет прочесть текст Шварц как трактат о насилии референции и спектральной онтологии. Стихотворение демонстрирует, как жесткие десигнаторы, лишённые своих референтов в актуальном мире (статуи Дианы нет), начинают порождать альтернативные модальные миры, где они обладают причинной силой. Референция уступает место спектральной каузальности.

Ландшафт становится агентом, а не декорацией. Он не «хранит» память, а является ее активным производителем. «Оловянное молоко» — это материализованная в природной среде психическая травма имперского прошлого, его деспотическая логика. Парк — это гиперобъект по Мортону, сплав природы, мифа и истории, который невозможно очистить от его темного, тревожащего содержания.

Шварц создает не просто многозначный текст, а текст, который системно инсценирует провал любых однозначных интерпретаций. Цепь куайновских «переводов» невозможно остановить на каком-либо «верном» значении. Это

делает стихотворение мощным инструментом для демонстрации того, как историческое насилие разрушает саму ткань семиозиса, делая нестабильными фундаментальные категории (природа/культура, жизнь/смерть, свобода/несвобода).

Заключение

Стихотворение Елены Шварц «Ветер дохнул, и вдруг...» через свою сложную философскую оптику предстает не просто как описание пейзажа, а как исследование того, как призраки истории, персонифицированные в фигуре Павла I как жесткого десигнатора, деформируют реальность. Аналитическая философия языка помогла вскрыть механику этого процесса — индетерминизм референции, извращение натуральных видов, в то время как «темные» теории Ника Ланда и Тимоти Мортон позволили описать его энергетику и направленность: акселерацию в сторону распада семиотических и экологических систем под действием безличной, спектральной причинности. «Отброшенный ключ» оказывается не деталью, а главным персонажем — самой Историей как Травмой, чье молоко оказывается оловянным, а возвращения ждут не живые люди, но алгоритмы, записанные в самой материи мира.

Список литературы

1. *Марков А.В.* Синергетический фатализм и ситуативный хронотоп архитектурных образов Елены Шварц // *Творчество и современность*. 2020. № 2 (13). С. 52–58. EDN: RCTUVT
2. *Марков А.В., Штайн О.А.* Ладья небесная: экфрасис Елены Шварц как сумма читательского опыта // *Семиотические исследования*. 2024. Т. 4. № 1. С. 51–57. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57> EDN: DAUGQI
3. *Марков А.В.* Нулевая степень мягкой игрушки: к истолкованию одного стихотворения Елены Шварц // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2024. Т. 9. № 1. С. 40–51. <https://doi.org/10.18522/2415-8852-20241-40-51> EDN: JYMGWG
4. *Гаспаров М.Л.* «За то, что я руки твои...»: Стихотворение с отброшенным ключом // *Гаспаров М.Л. Избранные труды*. Т. 2. Москва : Языки русской культуры, 1997. С. 187–196.
5. *Кретова А.Ю., Ильинский И.В.* Изменения в видовом составе и численности неворобьиных птиц Павловского парка за последние 100 лет // *Русский орнитологический журнал*. 2019. Т. 28. № 1766. С. 2033–2058. EDN: AXLUGN
6. *Крипке С.А.* Тожество и необходимость // *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва: Прогресс, 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 340–376.
7. *Kripke S.A.* Naming and Necessity. Cambridge : Harvard University Press, 1980.
8. *Патнем Х.* Значение и референция // *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва : Прогресс, 1982. Вып. 13 : Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 377–390.
9. *Куайн У.В.О.* Онтологическая относительность // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия / сост. А.А. Печенкин*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Логос, 1996. С. 40–61.
10. *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge : The MIT Press, 2013.
11. *Мортон Т.* Статья экологичным / пер. с англ. С. Силаковой, А. Писарева. Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

12. *Мортон Т.* Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. с англ. В.И. Абраменко. Пермь : Гиле Пресс, 2019.
13. *Аванесян А.* Назад из будущего: ориентации акселерации // *Логос*. 2018. Т. 28. № 2 (123). С. 1–6. EDN: XYZLCP
14. *Ланд Н.* Телеоплексия: заметки об акселерации // *Логос*. 2018. Т. 28. № 2 (123). С. 21–30. EDN: XYZLDF
15. *Ланд Н.* Собрание сочинений. Т. 3 : Нестандартные исчисления / пер. с англ. Д.Я. Хамис и др. Пермь : Гиле Пресс, 2021.
16. *Артановский С.Н.* Поэзия садов: Павловский парк // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2014. № 2 (19). С. 88–91. EDN: SEATML
17. *Ковязин В.Ф., Хынг К.К., Куинь Ф.Т.* Лесорастительные условия и видовое разнообразие древесных растений в насаждениях Павловского парка // *Актуальные проблемы лесного комплекса*. 2016. № 44. С. 163–170. EDN: VWKRQD
18. *Марков А., Сосновская А.* Зрелищность Петербурга как онтологическая проблема: объектно-ориентированная деконструкция театральных, литературных и кинематографических сборок зрелищ Санкт-Петербурга // *Социологическое обозрение*. 2025. Т. 24. № 3. С. 39–59. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-3-39-59> EDN: GJLHBX
19. *Fodor J.A.* *Psychosemantics: The problem of meaning in the philosophy of mind*. Cambridge, MA : MIT Press, 1987. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5684.001.0001>
20. *Брагинская Н.В.* Как придумать имя: «Дафнис и Хлоя» // *Номо omnium horarum* : сб. статей в честь 70-летия А.В. Подосинова. Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 95–133. EDN: ZUPQJA

References

1. Markov, A.V. 2020. “Synergetic Fatalism and Situational Chronotope of Architectural Images in Elena Shvarts’s Works.” *Creativity and Modernity*, no. 2 (13), pp. 52–58. (In Russ.). EDN: RCTUVT
2. Markov, A.V., and O.A. Shtayn. 2024. “The Heavenly Boat: Ekphrasis of Elena Shvarts as a Sum of Reader’s Experience.” *Semiotic Studies*, vol. 4, no. 1, pp. 51–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57> EDN: DAUGQI
3. Markov A.V. 2024. “Zero degree of soft toy: toward the interpretation of a poem by Elena Shvarts.” *Practices & Interpretations: A Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*. 2024. Vol. 9, no. 1, pp. 40–51. <https://doi.org/10.18522/2415-8852-20241-40-51> (In Russ.). EDN: JYMGWG
4. Gasparov, M.L. 1997. “For the Reason That I Am Your Hands...: A Poem with a Discarded Key.” In *Gasparov M.L. Selected Works*, vol. 2, pp. 187–196. Moscow: Yazyki russkoi kul’tury publ. (In Russ.). EDN: AXLUGN
5. Kretova, A.Yu., and I.V. Ilinskii. 2019. “Changes in the Species Composition and Abundance of Non-Passerine Birds in Pavlovsk Park over the Last 100 Years.” *Russian Ornithological Journal*, vol. 28, no. 1766, pp. 2033–2058. (In Russ.)
6. Kripke, S.A. 1982. “Identity and Necessity.” In *New in Foreign Linguistics*, iss. 13: Logic and Linguistics (Problems of Reference), pp. 340–376. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
7. Kripke, S.A. 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Putnam, H. 1982. “Meaning and Reference.” In *New in Foreign Linguistics*, iss. 13: Logic and Linguistics (Problems of Reference), pp. 377–390. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
9. Quine, W.V.O. 1996. “Ontological Relativity.” In *Modern Philosophy of Science: Knowledge, Rationality, Values in the Works of Western Thinkers. Anthology*, compiled by A.A. Pechenkin, 2nd ed., pp. 40–61. Moscow: Logos publ. (In Russ.)
10. Quine, W.V.O. 2013. *Word and Object*. Cambridge: The MIT Press.

11. Morton, T. 2019. *Being Ecological*. Translated from English by S. Silakova, A. Pisarev. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art publ. (In Russ.)
12. Morton, T. 2019. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Translated from English by V.I. Abramenko. Perm: Gile Press publ. (In Russ.)
13. Avanesyan, A. 2018. “Back from the Future: Orientations of Acceleration.” *Logos*, vol. 28, no. 2 (123), pp. 1–6. (In Russ.) EDN: XYZLCP
14. Land, N. 2018. “Teleoplexy: Notes on Acceleration.” *Logos*, vol. 28, no. 2 (123), pp. 21–30. (In Russ.) EDN: XYZLDF
15. Land, N. 2021. *Collected Works*. Vol. 3: Non-Standard Calculations. Translated from English by D.Ya. Khamis et al. Perm: Gile Press. (In Russ.)
16. Artanovskii, S.N. 2014. “The Poetry of Gardens: Pavlovsk Park.” *Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, no. 2 (19), pp. 88–91. (In Russ.) EDN: SEATML
17. Kovyazin, V.F., Kh.K. Khyng, and F.T. Kuin.’ 2016. “Forest Conditions and Species Diversity of Woody Plants in Pavlovsk Park Plantations.” *Current Problems of the Forest Complex*, no. 44, pp. 163–170. (In Russ.) EDN: VWKRQD
18. Markov, A., and A. Sosnovskaya. 2025. “The Spectacularity of St. Petersburg as an Ontological Problem: Object-Oriented Deconstruction of Theatrical, Literary, and Cinematic Assemblages of Spectacles in St. Petersburg.” *Sociological Review*, vol. 24, no. 3, pp. 39–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-3-39-59> EDN: GJLHBX
19. Fodor, J.A. 1987. *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5684.001.0001>
20. Braginskaya, N.V. 2020. “How to Invent a Name: ‘Daphnis and Chloe’.” In *Homo omnium horarum: A Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of A.V. Podosinov*, pp. 95–133. Moscow: Dmitry Pozharsky University publ. (In Russ.) EDN: ZUPQJA

Сведения об авторе:

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, факультет истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6. ORCID: 0000-0001-6874-1073; SPIN-код: 2436-2520. E-mail: markovius@gmail.com

Bio note:

Alexander V. Markov is a Doctor of Philology, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6874-1073; SPIN-code: 2436-2520. E-mail: markovius@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-89-112

EDN: GGRHZR

Research article / Научная статья

Strategies of Transculturation in the Poetry of the Russian-Tatar Borderland: Typology and Forms of Artistic Representation

Venera R. Amineva A.M. Gorky Institute of World Literature, *Moscow, Russian Federation*Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*✉ amineva1000@list.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to examine Russian-language literature from Russia's regions, which artistically interprets the experience of cultural borderland. Aim. The article aims to identify and describe the main strategies of transculturation in poetry that embodies the phenomenon of Russian-Tatar borderland. The study is based on the poetic collections by R. Kutuy, R. Bukharaev, and A. Karimova. The methodological framework employs the structural-semiotic approach, the theory of local texts, and established scholarly principles for analyzing transcultural processes. The research has identified and systematized three dominant strategies for the artistic assimilation of borderland. The first, embodied in the works of R. Kutuy, is a synthesizing tendency that overcomes cultural oppositions: different national-artistic traditions acquire the status of mutually complementary and enriching principles, forming an integral image of the world and the self. The second path is represented by the poetry of R. Bukharaev, who experiences an identity crisis and a sense of alienation from both his native (Tatar) and Russian cultures. His works create an open, unfinished, rhizomatic picture of reality, correlating with the unstable, shifting position of the lyrical subject. The third approach is realized in the lyric poetry of A. Karimova, who addresses the problem of identity on a universal human level. For her lyrical heroine, the multiplicity of cultural traditions becomes material for profoundly personal expression. Turning to the poetics of a lyrical diary, she imbues private experiences with universal significance, transcending ethnocultural boundaries. It is demonstrated that each of the described strategies forms a unique subjective architectonics and imagery system.

Key words: Russian-Tatar literary borderland, transculturation strategies, identity; own, native, other, foreign, lyrical subject, image of the world

Article history: received 04.10.2025; accepted 06.12.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Amineva, V.R. 2026. "Strategies of Transculturation in the Poetry of the Russian-Tatar Borderland: Typology and Forms of Artistic Representation." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 89–112. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-89-112> EDN: GGRHZR

© Amineva V.R., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Стратегии транскulturации в поэзии русско-татарского пограничья: типология и формы художественной репрезентации

В.Р. Аминевa^{ID}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ amineva1000@list.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения русскоязычной литературы регионов России, художественно осмысливающей опыт культурного пограничья. Цель работы — выявить и описать основные стратегии транскulturации в поэзии, реализующей феномен русско-татарского пограничья. Материалом послужили поэтические сборники Р. Кутуя, Р. Бухараева и А. Каримовой. В основе методологии лежит структурно-семиотический подход, теория локальных текстов и сложившиеся в науке принципы анализа транскulturальных процессов. В результате исследования выявлены и описаны три доминантные стратегии художественного освоения пограничья. Одной из них, воплощенной в творчестве Р. Кутуя, соответствует синтезирующая тенденция, преодолевающая культурные оппозиции: разные национально-художественные традиции обретают статус взаимодополняющих и обогащающих друг друга начал, формирующих целостный образ мира и человека. Второй путь представлен поэзией Р. Бухараева, переживающего кризис идентичности, отторженности как от родной (татарской), так и от русской культур. В его произведениях создается разомкнутая, незавершенная, ризоматическая картина действительности, коррелирующая с нестабильной, изменяющейся позицией лирического субъекта. Третий подход реализуется в лирике А. Каримовой, которая решает проблему идентичности в общечеловеческом плане. Для ее лирической героини множественность культурных традиций становится материалом для глубоко личностного высказывания. Обращаясь к поэтике лирического дневника, она придает частным переживаниям универсальную значимость, выводя их за рамки этнокультурных границ. Показано, что каждая из описанных стратегий формирует уникальную субъектную архитектуру и образную систему.

Ключевые слова: русско-татарское литературное пограничие, стратегии транскulturации, идентичность, свое, родное, иное, чужое, лирический субъект, образ мира

История статьи: поступила в редакцию 04.10.2025; принята к печати 06.12.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Аминевa В.Р.* Стратегии транскulturации в поэзии русско-татарского пограничья: типология и формы художественной репрезентации // Полилингвильность и транскulturальные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 89–112. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-89-112> EDN: GGRHZR

Introduction

The artistic paradigm and issues of the borderland, which has various forms of manifestation in literature and has existed throughout history, appear to be sufficiently studied in contemporary science: there are monographs devoted to Yakut Russian-language literature [1], the Russian-Buryat literary borderland [2], Russian-language Karachay and Balkar prose [3], Russian-language writers of Mordovia [4], Abkhazia and Adygea [5], Kazakhstan [6], and Russian-language

literature in Tatarstan [7; 8]. By studying the peculiarities of the functioning of Russian-language literary texts within the national and all-Russian literary process, scholars have come to the conclusion that authors are capable of existing and creating within the paradigms of different cultures. A tradition is emerging in which literature that embodies the phenomenon of borderlands is viewed in the context of transcultural [9; 1; 10], bi- and translingual [11; 12] models of artistic development.

M. Epshtein defines transculture as an alternative model of cultural development to globalism, which is acquired “at the entrance from one’s own culture and at the crossroads with foreign cultures” [13. P. 624]; as “an area of ‘external necessity’ in relation to all existing cultures” [13. P. 631], “here the principle of interference, ‘scattering’ of the symbolic meanings of one culture in the field of other cultures, operates rather than differentiation” [13. P. 630]. M.V. Tlostanova explores transculturation as a new episteme, using an interdisciplinary approach to this category and transferring it from the sphere of cultural studies to the field of philosophy. As a social reality and type of thinking, transculturation is “an episteme of problematising difference and diversity” [9. P. 140], “a process of interpenetration and mutual influence of cultures” [9. P. 143].

Within the framework of annual international conferences dedicated to translingual and transcultural processes in the modern world, held by the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of Russian Language at RUDN University, a large amount of concrete empirical material has been collected and a theoretical and methodological platform for its study has been established. In this regard, it is necessary to identify categories and concepts relevant to transcultural literature that reveal its artistic and aesthetic specificity. The accumulated material clearly demonstrates that the phenomenon of transculturation is not homogeneous. Writers and poets who find themselves in similar conditions of cultural borderlands develop fundamentally different models of artistic exploration of this reality. Some strive for synthesis and harmonisation, while others dramatise the very state of borderland. This diversity of reactions urgently requires an understanding of such an element of the poetics of ‘borderland’ texts as strategy of transculturation. By the strategy of transculturation, we mean a system of artistic principles and techniques with which the author builds a dialogue between cultures: ‘own,’ ‘native,’ ‘other,’ ‘foreign’ — directly at the level of the poetics of the text.

The aim is to identify and describe the main strategies of transculturation in poetry that embodies the phenomenon of the Russian-Tatar borderland.

Materials and methods

The theoretical and methodological basis of the work consists of structural-semiotic concepts of domestic and foreign science devoted to the phenomenon of the border as a place where diverse semantic flows intersect and new meanings are

born [14; 15]. According to Yu.M. Lotman, the concept of the border is relative to the concept of semiotic individuality. To realise oneself in a cultural-semiotic sense means to realise one's specificity, one's opposition to other spheres [14. P. 175–192].

The methodological basis for scientific research in the field of Russian-Tatar borderlands was provided by the works of Yu.Ya. Barabash, which provide a comprehensive understanding of the ethnocultural borderland as a complex and multifaceted phenomenon — social reality, psychological state, special episteme, intertextual space, aesthetics and poetics. The typology of the borderland established by the author of the monograph 'Foreign–Other–Own (On the Problems of the Ethnocultural Borderland)' has also proved to be in demand. It is based on linguistic, intraliterary (features of the historical and literary process), sociocultural, historical, and aesthetic factors [16].

The concept of the proposed study was influenced by research that defines the main forms of hybrid identity and reveals its specific features [17; 9], highlighting the constitutive features of literary and artistic texts created by bilingual writers [18].

The analysis of the Oriental tradition in contemporary Russian-language poetry of the region is based on the theory of local texts and the principles of structural poetics, which offers a methodology for the systematic description of motivic complexes and large sets of texts as a conceptually unified system [14; 19].

The research material consisted of poetry collections by Rustem Kutuy, "Drifting Snow" (1985) and "Profile of the Wind" (2006), Ravil Bukharaev, "Book of Poems" (2011), Alena Karimova, "The Other Robe" (2006), and "Cold — Hot" (2015). The subject of analysis was works selected on the basis of their highest artistic value, their greatest characteristicity for the creative manner of the poets, and their representativeness from the point of view of the paths of self-identification of their lyrical subject.

Results and Discussion

In the original works of Russian-language poets, the strategy of transculturation is formed around the processes of self-determination, identification, and self-identification. Not only are they thematised, becoming central to borderland literature, but they also act as its structuring principles, determining the peculiarities of the organisation of the subjective sphere of the works and the originality of their figurative language. Therefore, when creating classification models, artistic and aesthetic guidelines that reflect the dialogical relations between 'I' and 'a different one', 'own' / 'native' / 'foreign' / 'other' in transcultural literature in general, and in poetry in particular, are essential. One of the main strategies in this context is a focus on synthesis. Its artistic embodiment is the work of authors such as R. Kutuy and R. Kozhevnikova, who feel their equal involvement in the national artistic traditions of both their native (Tatar) and Russian literature. In their poetry, the 'I' and the 'different one' enter into an aesthetic relationship of complementarity and harmonisation.

‘Native’ / ‘other’ as ‘own’ in the poetry of R. Kutuy

R. Kutuy’s literary heritage¹ as a phenomenon of cultural borderlands has repeatedly been the subject of attention in scientific literature [see: 20]. R. Kutuy wrote his works in Russian, but he was well versed in Tatar literature and was guided by the traditions not only of Russian writers (A.S. Pushkin, N.V. Gogol, A.P. Chekhov, A.A. Blok, etc.), but also of Tatar writers (G. Tukay, Derdmend, M. Jalil, and others). The essential features of his creative position are determined by his dual identity, which allows him to recognise his belonging to both his native Tatar culture and Russian culture. Researcher of the poet’s work M.V. Nebolsina asserts: ‘As a Russian-speaking writer, R. Kutuy appears in literature as a bearer of such a value-based attitude towards culture, in which the values of one culture (Tatar) are understood in the context of another (Russian)’ [20. P. 4]. She traces the connection with Tatar culture on two levels: thematic (references to the historical past of his people) and figurative (the image of a horse, Kazan) [20. P. 16–17]. At the same time, these and similar considerations are not based on an analysis of the types of subject-image structures that emerge in the poet’s works and do not raise the question of the position of his lyrical subject.

The role of language in a person’s life and in his personal destiny, according to R. Kutuy, is the subject of constant intense reflection: “For me, language is not just a means of communication, but, above all, an opportunity to express my state of mind, to reveal through words the heartache and joy of being.”² According to the poet, he mastered the Russian language, which commanded him, from childhood. At the same time, the Tatar language was always close at hand. “This is how people live with the constant sound of the sea. Then I realised: this is fate. Not guilt, not misfortune — fate.”³

Although he is not a native speaker of Tatar language, R. Kutuy conveys his intimate and lyrical attitude towards it in his poems:

<p>My native language lives within me, like the breath of a bird’s wings, like a tightness of the throat, — unspoken, it aches sweetly, it is a tear in my eyes.</p>	<p>Without ceasing its mischief, its tenderness — it is a feast for a homeless boy. Only blood knows in the inviolability of the run.⁴</p>
--	---

¹ Rustem Adelshevich Kutuy (1936–2010) was the son of Adel Kutuy, a classic of Tatar literature, and was himself a translator, poet and prose writer.

² Kutuy, R. 2011. *My Country — Childhood: Stories*. Moscow: Guiding Star, pp. 40.

³ Ibid.

⁴ Kutuy, R.A. 1985. *Drifting Snow. Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 127.

The originality of the poem's starting point lies in the fact that the native language is referred to in the third person and remains unspoken. But it is not separated from the fullness of the personal existence of the 'I', in all its depth and infinity, its tremulous uncertainty and complexity. The language speaks through the 'I', but not with words, but with the uneven rhythm of breathing, sweet pain, tears in the eyes, the flow of blood.

The tragic situation of separation from one's native language is reflected in the poem 'The Prodigal Son,' which features two subjects of consciousness and speech: 'I' and 'the voice' ('the other'). Endowed with the traits of a super-subject, the 'voice' possesses a postulated independence and its own words, separate from those of the author. The 'voice' is described as 'disturbing' and 'persistent,' coming from nowhere, and for some reason 'mocking and tormenting.' The value expression of the 'voice' is such that it seeks to deprive the 'I' of its home and condemn it to eternal wandering:

'You took someone else's speech
as your friend,
a fickle one.
And despised your own language!
Go forth, wandering the earth,
walk reviled!
A messenger will come at the end of Uraza⁵
and call...
<...>
O son of Allah, you have lost your way!
Stop!..' ⁶

The 'voice' embodies a generalised personal consciousness — the collective consciousness of people who sharply condemn those who have chosen a language other than their native tongue as a means of creative self-expression. Hence the accusatory pathos and corresponding emotional tension of the speech, combined with a religious-didactic attitude that goes back to the traditions of *adab*⁷ and *nasihat*.⁸ The subject of this statement is the bearer of the imperative and

---

⁵ Uraza — Muslim fasting.

⁶ Kutuy, R. 2006. *Profile of the Wind: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 238.

⁷ *Adab* is a fundamental concept in Islamic culture, defining the system of Muslim upbringing and education [21] and the genre of moral and didactic literature [Smirnov, A.V. 2001. "Adab." In *Ethics. Encyclopaedic Dictionary*. Edited by R.G. Apresyan and A.A. Huseynov. Moscow: Gardariki publ.].

⁸ *Nasihat* (from Arabic — 'admonition,' 'instruction,' 'moral teaching') — 'in medieval Persian and Turkic-Tatar literature, a poetic, prose or mixed work of didactic content. In an aphoristic, figurative form, the reader is given advice, instruction, and edification' [*Tatar Encyclopedia: In 6 vols*. 2008. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, vol. 4: M-P. 768 p.].

monologised speech, in which, according to M.M. Bakhtin, ‘a complete and strictly delimited system of meanings can be felt; it strives for unambiguity and, above all, for value unambiguity. ... It speaks with one voice. ... It lives in a ready-made, stably differentiated and evaluated world.’⁹

The strict, categorical nature of the ‘voice’ is contrasted with the position of the ‘I’, who is ‘condemned to eternal judgement’ and sets off on a journey. He addresses his father and mother in his native language, but receives no answer:

‘Ani¹⁰ !’ he called.

But the twilight did not answer.

‘Ati¹¹ !’ he sighed.

The path to the moon has been laid.¹²

The anxiety about the threat of falling out of the chain of ancestral succession seems well-founded. The ‘prodigal son’ recognises the moral superiority and independent value of the point of view expressed in the ‘voice,’ but he also sees something else in it — monological isolation, detachment from the complexity, contradictions and ambiguities of real life, from depth and openness:

A leaf covered with dew.

There is God. The hearth.

There is the dark light of the threshold.

And then all the rays crossed.¹³

At the same time, R. Kutuy understood well how difficult it was for him to fit his vision of the world into the material of the Russian language he had learned. Reflections on this topic are contained in the article ‘What to Call Poetry’: “Here comes a young poet into Tatar poetry and begins to speak in free verse. His lines are angular, his words springy... And everything is too cramped for him, and he, forgetting himself, cuts the line or lengthens it, caught up in a rhythm that only he understands. And he hears: “This is not in the traditions of Tatar poetry!” But the young poet respects and knows everything that came before. He is only trying to expand the boundaries of tradition.”¹⁴ In this case, we can talk about the ‘transcultural creativity’¹⁵ of a Russian-speaking author, manifested not only at the level of vocabulary, but also in the forms of poetry.

⁹ Bakhtin, M.M. 1986. *Literary-Critical Articles*. Moscow: Khudozh. lit., pp. 513.

¹⁰ ‘Ani’ in the Tatar language means ‘mother’.

¹¹ ‘Ati’ in the Tatar language means ‘father’.

¹² Kutuy, R. 2006. *Profile of the Wind: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 238.

¹³ Ibid.

¹⁴ Nebolsina, M.V. 2011. *I tried to unravel the meaning of life...* Kazan: Pluto publ., p. 87.

¹⁵ ‘Transcultural creativity manifests itself in the transmission of the national and cultural specificity of the phenomena described in another language, primarily at the lexical level’ [see: 22. P. 350].

The poet's position 'on the border' and 'between' is expressed in the dynamic interaction of elements from two national cultures. The symbol of the cultural identity of the lyrical hero and his 'I' as a unique individual is the image of the city created in the cycle 'My Kazan! — I Have the Right to Say,' which opens the collection 'Profile of the Wind': 'Who will forgive my memory, / my temple caked with blood, / when the West and the East collided, / poverty and wealth, / and sparks passed through me...' ('Slobodskoe Videniya').¹⁶ The essential unity of the lyrical hero and the city is rooted in their shared belonging to the borderland — the point of contact between the West and the East (see: [23. P. 179–182]). Organic involvement in the traditions of both Tatar and Russian cultures is interpreted by R. Kutuy, on the one hand, in the context of the family and personal theme, filled with high poetry, and on the other hand, included in the broad sphere of interaction between the West and the East. "The 'East' and 'West' in the cultural geography of Russia invariably appear as rich symbols based on geographical reality, but in fact imperatively dominating it" [24. P. 746].

In R. Kutuy's poetic discourse, 'West' and 'East' are concepts that are filled with historiosophical and cultural meanings and play a fundamental role in the processes of self-identification. The poem 'Thunderstorm. Demon' is based on a three-part parallelism of 'thunderstorm,' 'Demon,' and 'I':

What a thunderstorm raged!
 Well, she¹⁷ stirred the clouds
     with a pole,
 a baby pressed to her chest, —
     And she herself was warm and alive...
 Completely mad, where was she running to?
 Smoking with a burning shawl.
 And the distance, many-armed,
     trembled with a moan,
 Waved her fiery tousle
     through the air...
 I was choking with rage,
     afraid for myself,
 helpless
     and alone on the ground,
 in front of huge windows.
 I was a child, but at the same time an old man,
 a wanderer forgotten by God...
 I stood barefoot near the windows.
 Who was I?
     A wild East?

¹⁶ Kutuy, R. 2006. *Profile of the Wind: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 17.

¹⁷ "She" means the thunderstorm here [translator's note].

Or the sighing West?
A secret rapture?
... Then I enjoyed the silence.
'I've waited! — I whispered. —
I've waited!
Same way the defeated Demon, without anger,
looks at the hateful sky.¹⁸

Like the 'storm' and the 'demon,' the lyrical hero also has an internally mobile 'structure' and looks at the world from different points of view: 'child,' 'old man,' 'wanderer,' 'wild East,' 'sighing West,' 'secret rapture.' Different guises of the 'I': temporal ('child' and 'old man'), territorial-cultural ('East' and 'West'), vital-existential sensations ('choking,' 'helpless,' 'lonely,' 'God-forgotten wanderer') and emotional-psychological states ('secret rapture') — not only replace each other, but are also present in it simultaneously, flickering through each other and creating a special poetic modality. The clash between the 'floating' layers of the hero's personality is resolved by catharsis — the enjoyment of the ensuing silence, followed by another metamorphosis: the transformation of the 'I' and the 'thunderstorm' into the 'defeated Demon.' Symbolic parallelism reveals in the lyrical hero, who is searching for the answer to the question 'Who am I?', a natural-demonic hypostasis, endowing him with the attributes of characters belonging to the upper and lower worlds.

Thus, bringing the West and the East closer together and overcoming their historical opposition, R. Kutuy forms a special 'bimetal' perception of the world — his own version of a 'West-East synthesis.'

The search for the 'I' and the word in the poetry of R. Bukharaev

The identity crisis that became the starting point for R. Bukharaev's creativity¹⁹ defines the subjective architecture of his works. It reflects the experience of self-determination of a personality who, like the 'symbolic nomad' of Zh. Delez and F. Guattari, exists in an open space — 'indefinite and uncommunicative' [25. P. 639]. In the book "The Road God Knows Where", written as letters to his brother, R. Bukharaev discusses at length how and why he 'fell away' from his national identity, expressed in the form of language, as well as why 'the Tatar language holds so tightly and does not let go' of his 'multilingual soul':

'Why, at the very first sounds of my native Tatar language, does my soul shrink into a trembling lump, like an autumn bird in that poor garden, where the beggarly rain of my Kazan childhood walks, quietly rustling the currant leaves; and my grandmother and grandfather are still alive...

¹⁸ Kutuy, R. 2006. *Profile of the Wind: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 123.

¹⁹ Ravil Raisovich Bukharaev (1951–2012) was a poet, prose writer, playwright, translator, journalist, historian, and publicist.

It aches, Lord.

For this is the language of love that will never happen to me among people: love simply for the fact that I exist, selfless love that has forever become the secret support and secret hope of existence...

How can I respond to this love? With my own Russian poems?

How can I repay the orphan's sorrow, the unfathomable, lofty and starry melancholy of Tatar songs; the bitterness of Tatar poetry, the autumn leaves falling on the Old Tatar cemetery, where I would like to lie when the time comes — closer and closer to my native land...

You cannot repay this with everyday Tatar words, nor with Russian ones. For, no matter how you look at it, they lack the ultimate authenticity, love and gratitude of the dying...' (Italics by R. Bukharaev).²⁰

The tense confrontation between the 'native' and the 'foreign' / 'other', which are close to becoming 'one's own' but never quite do so, is a hopelessly tragic conflict experienced by the poet and his lyrical hero. The severing of organic ties with national and ancestral origins and the heroic yet tragically doomed attempt to restore them is symbolised by the image of an apple tied to a branch:²¹ 'Like an apple tied to a branch, / my naturalness is artificial.'²² Unable to become 'one of his own' in any culture, R. Bukharaev's hero is nevertheless no stranger to preserving the history of his people, embodying ethnic codes and matrices of national consciousness — first and foremost, his native city of Kazan and certain locations within it: Lake Kaban, Zakaban, Bulak, his grandfather's house located next to the Pletenevskaya prison, M. Vakhitov Street, which is associated with his childhood, the Tatar settlement, the Old Tatar cemetery, and the Azimovskaya mosque. By actualising memory, these mini-topos perform an identifying function — for the author of the book *The Road God Knows Where*, they are 'native' but 'other':

'And everywhere with me is this unbearable echo of an unfulfilled existence, this echo of childhood immortality; the call of another, always another life, which you only have to remember — and you will choke with tears and pity, because it will never be; because it already was — and passed, and you didn't even notice...' (Italics by R. Bukharaev).²³

The melodies that contain *МОҢ*²⁴ are 'native' to the lyrical subject of R. Bukharaev: 'If I had been forever maddened, / I would have rushed into the run, /

²⁰ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Unity*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 401.

²¹ 'An Apple Tied to a Branch' is the title of R. Bukharaev's first collection of poetry, published in 1977.

²² Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Unity*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 81.

²³ *Ibid.*, p. 397.

²⁴ *МОҢ* is a key concept in Tatar culture, one of the parameters of its national identity, which has no adequate verbal expression in Russian [see: 26].

if only the blood had not burned, / the snow had not shone, // if only there, where the grave / of the shallow river is, / the power of Taftilyau, / Alluki had not blistered!’²⁵ In his artistic and aesthetic interpretation of the concept of *моң*, the poet draws on the traditions of G. Tukay and Derdmend.²⁶ R. Bukharaev is close to Derdmend in his understanding of *моң* as the ‘language’ of nature and the cosmos. The expressive essence of this non-anthropocentric world, symbolised by sounds, resonates with the lyrical hero, awakening deep ancestral layers of consciousness in him: “In the rustling of black leaves by the river, / by the bright edge of the water / you hear the overtones of ‘Alluki’ / and the cry of the soul. Is this the sound of the kurai? // But it is only the wind, rustling the leaves, / it will fly away, — and something in us will then weep...”²⁷ The reality of the world (the rustling of black leaves by the river — the cry of the soul — the sound of the kurai — the noise of the wind — the weeping) appears in its continuity and fluidity and at the same time as a process of rupture, of disintegration of integrity: “In the strait, someone’s boat was carried away: / the fragile chains broke.”²⁸ But this is not the eternal pulsation of living life, in which the rhythms of the world can be discerned, as in Derdmend, but processes caused by the erosion of language as the bond of national existence.

G. Tukay in “Милли моңнар” (“National Melodies”, 1909) shows the impact of the folk song “Әллүки” (“Alluki”) on the lyrical hero. A similar situation is reproduced by the younger poet: in the poem “By the Strait,” a resonant space is created in which the ‘overtones of “Alluki” are not simply passively perceived, but also evoke an emotional response, which remains silent, unexpressed in words: “I hum ‘Alluki’ — without words, / and you stir the smoke with a spoon...”²⁹ The ambivalent state of constant balancing ‘between’ cultures is denoted by the poet with the metaphor of a ‘dual soul.’³⁰

The paths of self-identification of R. Bukharaev’s lyrical subject correlate with the search for words. The situation of bilingualism and multilingualism is defined as ‘the space of the Spirit — the realm between languages³¹’ (“Between Languages”).³² The parallelism between speech and river, reinforced by the anagrammatic intersection of the words ‘language’ and ‘river,’ reveals a similar

²⁵ Taftilyau, Alluki — folk songs with lyrics by G. Tukay; Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Unity*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 64.

²⁶ Derdmend (translated from Persian, this word means ‘suffering,’ ‘saddened’) is the pseudonym of the classic of Tatar literature Ramiev Muhammad-Zakir Muhammad-Sadikovich (1859–1921).

²⁷ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., pp. 11–12.

²⁸ Ibid., p. 12.

²⁹ Ibid., p. 12.

³⁰ Ibid., p.132.

³¹ In the original: ‘между-речья’. This is a play on words; it can be interpreted as either ‘between rivers’ or ‘between languages’ (translator’s note).

³² Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 262.

natural-generic substance in the languages of different peoples, uniting them in a common collective message. V.N. Toporov believes that the identification of the river with singing, speech, and poetry is based not only on ‘the acoustic effect of noisy flowing water, but also on the image of the flow of the river and speech itself, a sequential flow — development, from beginning to end, to a state of semantic fullness.’³³ In R. Bukharaev’s poetic system, the river acquires the status of a fundamental aesthetic and philosophical category. It acts as a symbol of artistic substance, the flow of time, history and life. This image has a special function: it is aimed at restoring the lost integrity of the world and removing the oppositions between internal and external, spirit and matter, life and death, finite and infinite, random and regular.

The non-verbal speech of nature, similar to the ‘flow of words’ uttered by the water element, overlaps and drowns out any other speech, affirming the ‘truth between words.’ A person can enter a world that is ‘foreign’ to them and come closer to understanding it only with the help of the language of creation and the cosmos, which sounds both in natural images, impressive in their scale, and in the smallest, most intimate manifestations of living life: in the ‘aching light and mountain air of Kartli,’ the mountains and sea of Georgia, in the ‘transparent grapes’ of Chisinau, which ‘gushed with warm, tart juice,’ in the light of a gypsy campfire and a loaded collective farm cart, in the ‘viscous honey of the Ural sunset,’ in the crossroads beaten by ‘bloody hooves,’ in the bumblebee ‘on the primroses of Salavat,’ in the karst chasms, ‘where God, / counting time, moulds stalagmites,’³⁴ in the light and darkness merging over the Crimean steppe, in the splendour of Sofia and the ‘dead gloom of the laurel,’ in the oak groves and ravines of Chuvashia, in the velvet night of Kalmykia, in its fresh air and the cry of the seagull, in the expanses of Kazakhstan and the voices of the mazars.

The expanding scope of the worldview is achieved through continuous and purposeful development — the construction of natural and geographical space. The movement proceeds synchronously in two directions: vertically and horizontally, there is a process of grouping and integrating semantic elements that form the semantic fields of the Top (sky, clouds, mountains) and the Bottom (water and land surfaces: forests, gardens, seas, roads). This space expresses expansiveness, will and stability horizontally, and freedom, purposefulness, self-knowledge and self-determination vertically. In this beautiful and spacious world, there are no external barriers for man and his spirit.

The poem contrasts blood ties with spiritual kinship, exacerbated by the opposition between the immediate, sensual, instinctive, vital force pulsating in matter and the sublime, ideal principle, the sphere of absolute, universally valid

³³ Toporov, V.N. 1997. “River.” In *Myths of the Peoples of the World: In 2 vols.* Moscow: Soviet Encyclopedia, vol. 1. pp. 374–376. P. 375.

³⁴ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems.* Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 263.

values: “If I lose my flesh, my voice and my hearing, / I have already compensated for half my life / with kinship by blood — kinship of spirit / in the space between rivers (languages).”³⁵ In this context, the ‘area between rivers’ acquires another phenomenal feature: endowed with the properties of water (changeability, mobility, counter-structurality), it turns out to be an intermediate substance between different poles, a place of rupture and metamorphosis, acquiring the ability to replace the material with the spiritual, form with essence, the destructive work of time with memory: ‘What is sewn for eternity cannot be unstitched, / whatever misfortune may befall me, / living memory replaces flesh, / as long as the soul lives in the space of the Spirit.’³⁶

At the same time, being ‘between’ (cultures, spaces, eras) is associated with profound existential losses: ‘As a stepson of my native language, / I live, write and think in Russian!’³⁷ The poet’s dramatic reflections on the impossibility of mastering his native language as a means of creative self-expression are reflected in the sonnet cycle ‘Alms of the Native Language.’ Just as the Tatar language could not become the language of creativity, Russian could not become the language of prayer: ‘I can allow myself to say everything in Russian, to express everything: love for a woman, fear, anger, but not the essence of my prayer, which consists of despair, hope and gratitude. Here is the last edge of myself, of who I was supposed to become, but did not and will never become.’³⁸

The duality of values in the poet’s identity crisis defines the essence of his aesthetics. At its core is the experience of overcoming this crisis, which corresponds to the Speech that is reborn each time and the emergence of the ‘I’ into the creative dimension of being: ‘I did not so much desire to burn hearts with the word, / as to burn away / the merchant’s calculation, / the Tatar father’s speech / continuing with the Russian / hard-won speech...’ (“Kyrlyay — Kyrlyk”).³⁹ Speech is one of the favourite and semantically rich motifs of R. Bukharaev’s poetry. At the same time, it is a mythological character specific to the poet, appearing in many of his works and possessing special semantic functions.

In the poem “It does not run back to its sources...” the position ‘between’ turns into a situation of ‘nowhere’, involvement in various forms of life and world orders — detachment from them: “It does not run back to its sources / even a simple stream. / I will say with delight: / Lord, I belong to no one! // Whether my homeland will return, / or a foreign land lies ahead, / I am a stranger to myself, / forgive me, Lord.” The tragic overcoming of the alienation of the ‘I’ from the world and from itself requires active suffering from the subject: “And again, unlocking

---

³⁵ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 263.

³⁶ Ibid., p. 265.

³⁷ Ibid., p. 12.

³⁸ Ibid., p. 402.

³⁹ Ibid., p. 308.

my silence, / I appropriate the rights / of twelve languages / to forget words, // so that something / fierce, unholy, / bleeding speech / this one — and not that one — may be expressed.”⁴⁰ The parallelism between speech and the flow of blood, pouring from the mouth, not only reveals the physical and bodily nature of human communication, but also reveals the connection between the acts of speech and sacrifice as semantic equivalents forming a single syncretic reality. But the sacrifice in this case is not ‘holy’ but ‘fierce’; it has no altruistic orientation (social, cultural, performed for the sake of saving humanity), but pursues the goal of self-redemption, even at the cost of self-destruction.

As in the sonnet cycles “The Beetle and the Toad (A Wreath for the Coat of Arms),” “Call (Wreath of Misty Sonnets),” “Wreath of Wild Sonnets,” “Alms of the Native Language (Wreath of Raw Smoke),” the liberation of the poet’s ‘I’ from the tormenting matrix of linguistic consciousness is achieved by erasing the boundaries between man and nature, text and world. R. Bukharaev’s lyrical hero contrasts ‘bleeding speech’ with ‘bird speech,’ which is ‘more honest and more human / than human speech.’⁴¹ In the poem ‘Rock Above the Lake,’ it calls for unity and has a healing effect: ‘The future cannot be warned against! / But I believe that in the everyday life of the golden age / in union with bird speech, human speech / will heal human bitterness.’⁴²

R. Bukharaev’s semiotics is naturalistic and cosmological. ‘Bird language,’ being a system of unconditional messages involved in the structure of the universe and taken from the register of existence, including human existence, has great communicative value for him. With the help of its signs, an existential-cognitive contact is established, the essence of which is revealed through light images and motifs (“The Tree of Light”). Archetypal memory, associated with the symbolism of light and the tree (of life, worldly, paradisiacal), which constructs the vertical orientation of the topos, is used for a metaphorical and generalised philosophical interpretation of the qualities of ‘bird language,’ its detachment from earthly cares and passions, transforming and harmonising the world of possibilities: ‘In the language of birds — you cannot beg for a loan, / nor weave gossip, / nor beg for advice, / but you can explain / how from the rags of darkness / the Tree of Light rises.’⁴³ ‘Bird speech,’ like any other, is akin to a river, and as the vital and immediate language of nature, it is infinite, flowing from never-ending sources: ‘Bird language is infinite, and noon is not bad; / shadows are clear; glimpses are blue and sunny between leaves; / splashes on the stone; a stream — and silver moss / (steps in the grove are rocky) / (my love, where are you?)’ (“Chiri”).⁴⁴

⁴⁰ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 308.

⁴¹ Ibid., p. 225.

⁴² Ibid., p. 225.

⁴³ Ibid., p. 226.

⁴⁴ Ibid., p. 226.

Speech, which is placed at the last line of existence and is in an intermediate position between life and death ('... but speech does not want to live and does not want to die ...' ('I grope for the sound, where there is chirping or whistling...'),⁴⁵ is contrasted with the native language.⁴⁶ The initial premise of the poem "On Tukay's Translations" is determined by the reflection of the lyrical consciousness, turned to its own creative possibilities: the poet sums up his two years of work on translations of G. Tukay's works. R. Bukharaev's dialogue with the classic of Tatar literature, carried out in various forms, is the subject of a separate study. Here, we will note the intense fervour of the author's pathos, generated by the idea of the native language as the highest spiritual and moral value:

In Kazan, the leaves are falling.
The roots are dying.
I am unable to master the translation.

Tukaev's sad horses
break the ice on the Bulak with their hooves.

Frost and snow are coming.
For two years now
my efforts have been in vain.
I realised too late how free,
willing and faithful, my native tongue is!

Amidst the deciduary
indolent
prates
I suddenly felt, holding my breath:
such precision in these sounds, these phrases,
that in them alone my soul lives⁴⁷.

The generalised philosophical and aesthetic characterisation of the native language is combined with the deep, intimate and personal experience contained in the poem. The image in the poem is constructed in such a way that through the

---

⁴⁵ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 271.

⁴⁶ It should be noted that the poet considered the Tatar language to be the 'main human language' of his existence: it was with this language that 'everything began and, truth be told, everything continues. And wherever I may be, as soon as I close my eyes and detach myself from my surroundings, everything comes back to me: the warmth of the stove and the damp, chilly mist outside the window, the sighs and whispers of the garden, the creaking of the floorboards — and my native language. <...> I taught myself Tatar grammar and later the Arabic alphabet when I was already a relatively grown man. What, in essence, do I have the right to call my native language — the Tatar language?' [Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Unity*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 400].

⁴⁷ Bukharaev, R.R. 2011. *Selected Works: Book of Poems*. Kazan: Magarif — Vakyt publ., p. 194.

natural setting (leaf fall in Kazan) the creative one shimmers. The words of the ‘I’ — translator — are in a relationship of symbolic parallelism with the falling leaves, which contain nothing necessary, so one can ignore them, not value them; while the translated texts are like ice (which is emphasised by the imprecise rhyme of ‘translation’ and ‘ice’⁴⁸), which is shattered by the hooves of Tukay’s sad horses: they lack integrity, firmness and strength.

Dying roots, frost and snow are the natural embodiment of creative failure; they are inherent in the hero’s futile efforts to ‘master translation.’ The uneven, slow pyrrhic verse, coinciding with the unhurried movement of falling leaves, is interrupted by the uneven rhythm of breathing and the sounds of native speech, changing the subjective situation of the poem. In the first and third stanzas, the ‘I’ was in the foreground, taken from a certain point of view — in relation to Tukay and his native language, which is inseparable from him. The semantic development of the theme consistently brings the native language to the fore, while the ‘I’ recedes into the background. The personal pronoun is replaced by a possessive pronoun, which emphasises the distinctiveness of the image of the soul. It correlates not so much with the ‘I’ as with the element of the native language that gives it life. The revealed intention of the ‘sounds’ and ‘phrases’ of the Tatar language elevates the author’s existential and creative issues to a new level, motivating the transition of the ‘I’ from one vital-ideological position to another — the loss of the system of genealogical-ethnic ties (‘the roots are dying’) is replaced by the restoration of deep-rooted principles through creative efforts that connect to the element of the native language.

By questioning or denying the value of his statements in Russian or Tatar, the poet creates his own myth about the Word, Sound, the language of birds and nature, reminding us of the archaic undifferentiated nature of the subject and the means of its representation. R. Bukharev’s lyrical hero contrasts the limitations and inadequacies of human speech with silence and emptiness as the highest forms of communication, which do not need words, as well as a means of creative self-expression, adequate to the poet’s ‘I’, the voice of his soul. Finally, he fills the gap that has formed in culture by throwing his life into it, transforming the fragmentation of mental states into a life-giving unity.

***Remaining outside the boundaries in the sphere
of universal human themes and problems***

Poets such as R. Galimov (1946–1982), E. Blinova (1955–2013), L. Gazizova (b. 1967), A. Absalyamova (b. 1981), address the issue of identity on a universal level, to some extent distancing themselves from issues of national self-awareness and self-determination. In their original work, they do not build bridges across

⁴⁸ In the original: ‘перевод’ and ‘лед’. These are two words that rhyme (translator’s note).

cultural frontiers in an attempt to connect ethnically distant traditions. The dialogical relations between subjects in their poetry exist within the framework of a single world, which acts as their common measure. Their goal is not to overcome the boundaries between specific cultures (Russian and Tatar), but to rise to a level of generalization where ethnocultural specificity becomes a special case of universal existential themes.

The proposed typology is conditional and does not refer to absolute boundaries. The work of Alena Karimova⁴⁹ occupies a unique place in contemporary Russian-language poetry. In her poetry, the issues of the Russian-Tatar borderland are refracted in her creative plots. These include the choice of language, the mission of the poet ‘standing on the border,’ his human destiny, and the peculiarities of his character and psychology, in which traces of ancient, archaic layers can be found:

...I am not at all in them...
I don't play the kobyz...
I cherish and nurture a foreign language.
My native Tatar people are dissatisfied with me for this
and are ready to condemn me to silence,
but we share the same character — rebellious, like the steppe.

<...>

I stand on the border. I am the voice. I am your liaison.
I stand between worlds. I am always on the outside.
Let the ages and languages speak through me
and let peoples come together, feeling the pull,
we are all human beings, and we all drink from the same river,
only while we are together will we escape oblivion.⁵⁰

Like the older generation of poets, A. Karimova expresses the worldview of a person who stands on the border between worlds and cultures. But while the lyrical subjects of R. Kutuy and R. Kozhevnikova take a position of internal existence in relation to them, A. Karimova's heroine emphasises her position at a point of external existence (‘always outside’) and appeals to universal human meanings that transcend the division of the world into West and East. A. Karimova's lyrical heroine is aware of her extreme openness to the world and the many opportunities for self-realisation:

Sleepy haystacks, mown strawberries,
Wind, birch trees, clouds, animals.
So what if I go uninvited,
I belong to all directions.

---

⁴⁹ Aliya Kayumovna Karimova (b. 1976) is a poet and translator.

⁵⁰ Karimova, A.K. 2015. *Cold — Hot: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House.

Here are all four cheerful sides,
Everything for me, or I for everyone,
I love those near and far equally —
Is that a sin?⁵¹

This boundless, almost cosmic space narrows to the closed and isolated locus of home, the initial situation of mutual belonging between ‘I’ and the world is replaced by the aspiration of ‘I’ towards ‘you,’ ‘the other’:

But white light means nothing,
I will bring it into the house by the handful,
Here, take it and possess it, my dear,
Just take me with you as in addition.⁵²

In this sense, the lyrics of A. Karimova, like those of E. Blinova, L. Gazizova, and A. Absalyamova, reflect the self-awareness of modern women who comprehend themselves, their unique inner world, and their destiny by juxtaposing two panoramas — worldly and individual life:

The colourful, multilingual oriental bazaar
I dream and dream... and the walls of great palaces,
impassive muezzins and minarets,
but suddenly I wake up from a silly thought: ‘Where are you?’
And now, look, Venice. Masks of terrible
grins, and languor, and sweetness, and yesterday's anger...

A sound is born in my throat, trembling resiliently —
what a dishevelled word — ‘friend.’
You cannot say ‘mine’ — there is nothing of yours in this world...⁵³

In A. Karimova’s poems, as in R. Bukharaev’s works, the action unfolds across a vast space, at the intersection of different eras and traditions. But unlike her older contemporary, for whom motifs embodying the idea of transition, fluidity, and overcoming boundaries between different types of cultures, traditions, and languages are particularly significant, in A. Karimova’s poetry, space is constructed relative to a centre — the focus of ‘own,’ around which the picture of the world in general is constructed, along with the values, imperatives, and authorities that fill this world:

In the space of the universe, empty and crooked,
a hero in worn jeans with a hole in them,
it’s fun to feel like yourself in the global

---

⁵¹ Karimova, A. 2006. *Another Dress*: Poems. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 62.

⁵² *Ibid.*, p. 62.

⁵³ *Ibid.*, p. 75.

context, searching, like lost Troy,
one's own right city, and one's own garden,
where there is nowhere left to stack stones,
but there is something to breathe, and such oxygen
can never be found anywhere else.⁵⁴

I.A. Enikeev, noting the lyrical heroine's (of A. Karimova) fascination with the road, asserts: 'An image is created of the poet's movement along the edge of the earth, along the border between the mundane and the divine. This movement strives towards its centre — the image of the family hearth, the space of home, filled with the light of motherhood, pouring out onto the whole world' [8. P. 79]. It is at this level of the poet's artistic world that a contemporary researcher of Russian-language literature in Tatarstan discovers national Tatar motifs: 'This is especially noticeable in the cycle of poems 'Deveni,' dedicated to her grandmother, with whom she lived as a child in a Tatar village on the banks of the Cheremshan River' [8. P. 80].

A. Karimova's works contain images and symbols from various cultural and religious traditions: pagan ('the spirits of the sacred grove roam the village of the dead' ('Keremet'⁵⁵), Christian ('Pray in your palms, kiss the crucifix...'⁵⁶; 'Not that he was wise, not that he was bold, / a little kind, a little cunning, but still man managed / to invent a single God. // And now God sits in threes, / not fitting into the eye / of consciousness'⁵⁷), Islamic ('If you have rosary beads in your hands, it's still not prayers in your head'⁵⁸), Eastern ('Come true, life! Lead me, East! / The fakir plays. Evening at the arena'⁵⁹) and Western ('There is no East in the world — / the West is everywhere, no matter which end you look from. // Sunset everywhere...'⁶⁰). However, the poet does not differentiate them conceptually on the basis of 'us and them' and does not seek to create images of 'native' or 'foreign' cultures in her work. Her artistic approach is different — to form a field of reflection on herself, her destiny, her life path and creative pursuits, saturated with meanings that refer to different cultural traditions.

Karimova's work develops a unique discourse on Tatar national culture, traditions, customs and practices, intersecting with the 'Eastern text' of Russian literature and incorporating elements of the 'Kazan text.' The concept of the family home is central to this discourse, actualising themes of genetic memory, family, continuity, and responsibility to previous and future generations.

---

⁵⁴ Karimova, A.K. 2015. *Cold — Hot: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 100.

⁵⁵ Ibid., p. 50.

⁵⁶ Karimova, A. 2006. *Another Dress: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 42.

⁵⁷ Ibid., p. 45.

⁵⁸ Ibid., p. 23.

⁵⁹ Ibid., p. 104.

⁶⁰ Ibid., p. 92.

For example, in A. Karimova's poems dedicated to her grandmother (*дәү әни* / "deveni"), details of the Tatar national way of life are recreated, combining the situational and the existential, everyday realities and the high poetry of feelings:

Dear, how restless is the light,
quick to punish, but stingy with affection...
Who can now find the answer,
how many potatoes were needed for the soup?

Who can I ask where the best ford is
across the foolish Cheremshan River?
Is it not there, touching the sleepy waters,
did your soul fly away today...

<...>

Beyond the village lies Lake Sultanbey.
I bought a green inflatable circle.
And handed it over: 'Here, silly girls,⁶¹ don't be shy,
surprise your noisy friends.'⁶²

The ethnographic aspect of Tatar folk life is important to A. Karimova not in itself. Behind it lies a national philosophy of existence, a spiritual experience accumulated over many generations, which is inherited by the lyrical heroine. Comparing herself to her grandmother, she emphasises the difference in their characters: '... I cannot, as you could — / build a house on any ruins, / I am made of different — senseless — clay, / I do not know how — gardens, flowers...'⁶³ But the memory of '*дәү әни*' and spiritual closeness to her give her the moral strength to withstand life's trials: 'I am building a house for my son out of blocks — / I know the prolonged cold will pass. / I will learn. Not now — later... / I will learn. / This / is very necessary.'⁶⁴ Thus, the continuity of generations is preserved, and a person realises that they are a link (grandmother, son who has 'his own devani') connecting space and time.

Tatar national culture is present in the works of Russian-speaking authors and in a 'removed form' — at the lexical level, in the forms of speech that determine the specificity of their artistic consciousness. A. Karimova speaks of three layers of her personality, corresponding to her three names, two Russian and one Tatar: 'They called me Alena and they called me Lena. / And that — those letters in my passport — A-l-i-ya — / also seem to be me...',⁶⁵ she expresses her gratitude to her '*дәү әни*' (grandmother) in two languages: 'Darling, is this what family is? / Zur

---

⁶¹ 'Balam' in the Tatar language means 'my child'.

⁶² Karimova, A. 2006. *Another Dress: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 98.

⁶³ *Ibid.*, p. 99.

⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁵ Karimova, A.K. 2015. *Cold — Hot: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 58.

rahmat. Thank you for them.’⁶⁶ The coexistence in the artistic structure of works of Russian and Tatar languages, images and symbols originating from different sources reflects the phenomenon of double vision of reality.

Thus, the themes of home and family, images of the native city and the Tatar language represent key moments in the emerging supra-textual unity of the Tatar national world in contemporary regional Russian-language poetry. The interpretations proposed by A. Karimova deepen and develop the oriental tradition of Russian literature.

Conclusion

An analysis of the poetry of R. Kutuy, R. Bukharaev, and A. Karimova has shown that the situation of cultural borderlands gives rise to fundamentally different artistic strategies, which can be systematised into three dominant models. One of them, embodied in the poetry of R. Kutuy, is oriented towards the synthesis and harmonisation of cultural oppositions. Different national artistic traditions cease to be perceived as ‘ours’ and ‘theirs,’ acquiring the status of complementary and mutually enriching principles that form a holistic image of the world. The second model, expressed in the work of R. Bukharaev, dramatises the crisis of identity itself as an existential entity

. The way out of cultural-psychological and epistemological contradictions and dead ends is seen in turning to such phenomena as the spiritual space ‘between words,’ the myth of the Word, and ‘bird speech.’ The third approach, manifested in the poetry of A. Karimova, is characterised by the fact that the problem of identity is solved by moving to the level of universal existential themes. Ethnocultural elements (images, vocabulary) appear as part of personal experience and a universal picture of the world, centred around the concepts of home, memory, and family. Being ‘on the border’ between languages and cultures is not problematised here, but becomes the starting point, often an unnoticed backdrop for lyrical and philosophical expression.

Each of the identified strategies of transculturation corresponds to a specific subjective architecture, imagery system, and model of the world. The lyrical hero of R. Kutuy is the bearer of a hybrid identity that is formed at the intersection of different cultural systems. His rootedness in them becomes a source of inner integrity, and the dynamics of dialogue become the basis for a stable synthetic position. The identity crisis in R. Bukharaev’s poetry destroys the integrity of the ‘I’, causing the problematisation of personal boundaries. The topos of ‘between-being,’ of being ‘on the border,’ at the point of transition from one state to another, makes R. Bukharaev’s lyrical subject probabilistically multiple, indefinite, unequal to itself. In the dialogical address to the elements of native and foreign speech, which

---

⁶⁶ Karimova, A. 2006. *Another Dress: Poems*. Kazan: Tatar Book Publishing House, p. 99.

appear in relation to the lyrical subject simultaneously as external and internal, as immanent to it and as transcendent principles, the vital and creative position of the ‘hero’ and ‘author’ is determined. For A. Karimova’s lyrical heroine, the multiplicity of cultural traditions becomes material for deeply personal expression. Images, themes and motifs referring to Tatar culture, transferred into the Russian literary, artistic and linguistic environment, not only create a unique opportunity to produce new meanings, but also participate in the search for spiritual and moral guidelines, ways and means of self-knowledge and self-expression.

The image of the world in R. Kutuy’s poetry is built on the principle of complementarity of opposites and the removal of oppositions; it is characterised by coherence, continuity, succession and completeness. This artistic system gravitates towards the language of parallelisms and symbols, connecting different traditions into unified structural and semantic complexes. R. Bukharaev’s work creates a fundamentally different, open and fluid picture of reality. It is a world of ‘between-being’, devoid of a stable centre and organised around images of thresholds, ruptures and exile. His figurative language is marked by existential tension, expressed in oxymorons, stylistic breaks and metaphysical metaphors. In A. Karimova’s poetry, the vast, almost cosmic space is gradually narrowed down to a universal and intimate centre — home. In this hierarchical picture of the world, ethnocultural boundaries lose their significance against the backdrop of the fundamental problems of human existence. Karimova turns to the poetics of the lyrical diary, giving deeply personal experiences universality and general significance.

The artistic and aesthetic nature of the works of R. Kutuy, R. Bukharaeva, and A. Karimova is determined by the phenomenon of cultural interference, which arises as a result of the overlapping of elements from different national artistic traditions that the poets draw on. Cultural interference is similar to polygenetic quotation, but, unlike it, not only creates semantic tension between source texts and establishes a line of continuity between them, but also involves them in processes of transformation and hybridisation. This enriches the Russian-language text, creating unique images and expanding the possibilities of poetic language.

References

1. Burtseva, Zh.V. 2014. *Russian-language literature of Yakutia: artistic and aesthetic features of the borderland*. Novosibirsk: Nauka publ. (In Russ.)
2. Baranova O.Yu. 2004. “Russian-Buryat literary borderland: theoretical and aesthetic aspects.” Abstract of the dissertation of Cand. Philol. Sci. Ulan-Ude. (In Russ.) EDN: NMZHXJ
3. Efriukova, N.V. 2008. “Russian-language Karachay and Balkar prose: genre evolution and poetics.” Abstract of the dissertation of Cand. Philol. Sci. Karachaevsk. (In Russ.) EDN: ZNNBBV
4. Zhindeeva, E.A. 2004. “Evolution of Russian-language prose in Mordovia.” Abstract of the dissertation of Doc. Philol. Sci. Saransk. (In Russ.)
5. Marganiia, L.B. 1996. “Poetics of the works of Russian-speaking writers of Abkhazia and Adygea.” Abstract of the dissertation of Cand. Philol. Sci. Maykop. (In Russ.)

6. Loginova, M.A. 2018. "Ethnocultural chronotope of short Russian-language prose of Kazakhstani writers of the late 20th — early. XXI centuries." Abstract of the dissertation of Cand. Philol. Sci. Perm. (In Russ.) EDN: PXYNBJ.
7. Nebolsina, M.V. 2013. "Problems and prospects for the development of Russian-language literature in the Republic of Tatarstan." *Scientific Tatarstan*, no. 1, pp. 129–133. (In Russ.) EDN: RWFPWN
8. Enikeev, I.A. 2021. *Russian-language literature of Tatarstan (1960–2020)*. Kazan: ILLA publ. ISBN: 978-5-93091-389-7 (In Russ.) EDN: AJOOFQ
9. Tlostanova, M.V. 2008. *From the Philosophy of Multiculturalism to the Philosophy of Transculturation*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.)
10. Nabiullina, A.N. 2023. "The Phenomenon of Transculturation in Contemporary Russian-Language Prose (Based on the Works of I. Abuzyarov, G. Yakhina, Sh. Idiatullin, A. Khairov)." Abstract of the dissertation of Cand. Philol. Sci. Kazan. (In Russ.) EDN: FDZRVN
11. Valikova, O.A., B.E. Shagimgireeva, and Sh.A. Kulieva. 2020. "Cosmos in Logos: Translingual Poetry of Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov." *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16> (In Russ.) EDN: GMVEOJ
12. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and N.A. Tokareva. 2021. "At the Agora Today: Approaches to the Study of Translingual Literature." *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher School*, no. 6 (2), pp. 263–273. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263> EDN: XTWQKD
13. Epshtein, M. 2004. *Space sign: On the future of the humanities*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
14. Lotman, Yu.M. 1996. *Inside Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow: Language of Russian Culture publ. (In Russ.)
15. Rymar', N.T. 2016. *The poetics of borders in literature: aesthetic and poetological aspects of the border as a phenomenon of artistic language*. Siedlce. ISBN: 978-83-64884-41-2 (In Russ.) EDN: YMSVRH
16. Barabash, Yu.Ya. 2021. *Alien — Different — Own. On the Problems of Ethnocultural Borderlands*. Moscow: IMLI RAS publ. (In Russ.)
17. Bhabha, H. 1994. *The Location of Culture*. New York: Routledge.
18. Bakhtikireeva, U.M. 2005. "Artistic bilingualism and the specific features of Russian artistic texts of a bilingual writer." Abstract of a Doctor of Philological Sciences dissertation. Moscow. (In Russ.) EDN: NIJNND
19. Toporov, V.N. 1995. "Petersburg and the "Petersburg Text of Russian Literature." In *Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoethic*, pp. 259–367. Moscow: Progress publ. (In Russ.) EDN: VKXBQN
20. Nebolsina, M.V. 2012. "Creative individuality of Rustem Kutuy: problems of evolution." abstract. dis. ... cand. Philol. Sci. Kazan. (in Russ.)
21. Daoud, W. 2004. "Ta'dib of al-Attas as true and complex education in Islam." In: *Comparative philosophy: Moral philosophy in the context of cultural diversity*, pp. 262–273. Moscow: Eastern literature RAS publ. (In Russ.)
22. Lebedeva, E.S., and T.A. Lupacheva. 2019. "Comparative analysis of the linguistic and stylistic features of translingual writers' works." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 3, pp. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-347-357> (In Russ.) EDN: TVTGFE
23. Amineva, V.R. 2020. "The topos of Kazan in Russian-language poetry of the late 20th — early 21st centuries: features of functioning and poetics." *Scientific Dialogue*, no. 11, pp. 177–192. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-177-192> (In Russ.) EDN: HDTTMN
24. Lotman, Yu.M. 2002. *History and typology of Russian culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB publ. (In Russ.)

25. Delez, Zh. 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Translated from French and with an afterword by Ya.I. Svirskii; scientific editor V.Yu. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriia publ.; Moscow: Astrel publ. (In Russ.)
26. Amineva, V.R., and N.G. Shaimerdenova. 2024. “The concept of moñ as an element of the Tatar Cosmo-Psycho-Logos: intellectual and poetic discourse.” *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 154–172. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.11> (In Russ.) EDN: NXRIRI

Bio note:

Venera R. Amineva is a Doctor of Philology, Prof., Lead Researcher of Department of Literature of Russia’s Ethnicities and the CIS Countries of A.M. Gorky Institute of World Literature, 25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation; Professor of Department of Russian Literature and Methods of its Teaching, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya St, Kazan, 420008. eLibrary SPIN-code: 9339-4147; ORCID: 0000-0003-4016-2242; Scopus-Id 56104054500. E-mail: amineva1000@list.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-113-128

EDN: EIZGFA

Научная статья / Research article

Типы авторского сознания в поэзии Габдуллы Тукая

М.И. Ибрагимов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация
✉ mibragimov1000@mail.ru

Аннотация. В современном литературоведении актуальной является проблема методологии изучения идентичности национальных литератур. Принимая во внимание, что в рамках индивидуально-творческого типа художественного сознания ключевой фигурой литературного процесса становится автор, значимым для понимания идентичности является исследование типов авторского сознания в разноуровневых системах (творчество одного писателя, литературное направление (течение), литературная эпоха). Автором исследованы формы субъектной организации и проанализированы типы авторского сознания в лирике Габдуллы Тукая. Основные задачи: определить субъектные формы в лирических стихотворениях Г. Тукая (лирическое «я», повествователь, ролевая лирика); установить их релевантность типам авторского сознания (просветительское сознание, религиозное сознание, национальное сознание и др.); дать характеристику лирической системы поэта (односубъектная, многосубъектная). Материалы исследования — стихотворения Г. Тукая 1905–1913 гг. Исследование основано на методе субъектного анализа, теоретические основы которого были разработаны в трудах Б.О. Кормана и созданной им научной школы. В результате проведенного исследования установлено, что в лирике Г. Тукая присутствуют разные субъектные формы выражения авторского сознания: повествователь, лирическое «я», ролевая лирика. Многообразие субъектных форм соответствует многообразию типов авторского сознания: просветительское, религиозное, гражданское, национальное. На примере анализа отдельных стихотворений установлена связь между субъектными формами и авторской самоидентификацией.

Ключевые слова: татарская литература, субъектная организация произведения, литературная эпоха, художественное сознание, лирическое «я»

История статьи: поступила в редакцию 01.11.2025; принята к печати 02.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью их стимулирования к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение № 5/2025 — ПД).

Для цитирования: *Ибрагимов М.И.* Типы авторского сознания в поэзии Габдуллы Тукая // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 113–128. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-113-128> EDN: EIZGFA

© Ибрагимов М.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Types of Authorial Consciousness in the Poetry of Gabdulla Tukay

Marcel I. Ibragimov^{ORCID}

G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*
✉ mibragimov1000@mail.ru

Abstract. The problem of methodology for studying the identity of national literatures is a pressing issue in contemporary literary studies. Considering that within the framework of the individual creative type of artistic consciousness, the author becomes a key figure in the literary process, studying types of authorial consciousness in multi-level systems (the work of a single writer, a literary movement (movement), or a literary era) is significant for understanding identity. The purpose of this article is to identify and analyze types of authorial consciousness in Gabdulla Tukay's lyric poetry based on a study of the forms of subject organization. Main objectives: to define subjective forms in G. Tukay's lyric poems (lyrical "I", narrator, role-playing lyrics); to establish their relevance to the types of author's consciousness (enlightenment consciousness, religious consciousness, national consciousness, etc.); to characterize the poet's lyrical system (single-subject, multi-subject). Research materials: G. Tukay's poems from 1905 to 1913. The study is based on the method of subjective analysis, the theoretical foundations of which were developed in the works of B.O. Korman and the scientific school he created. As a result of the study, it was established that G. Tukay's lyrics contain various subjective forms of expressing the author's consciousness: narrator, lyrical "I", role-playing lyrics. The diversity of subjective forms corresponds to the diversity of types of author's consciousness: enlightenment, religious, civic, national. Using the example of the analysis of individual poems, a connection was established between subjective forms and the author's self-identification.

Key words: Tatar literature, subjective organization of the work, literary era, artistic consciousness, lyrical "Me"

Article history: received 01.11.2025; accepted 02.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. The research was funded by a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to scientific and scientific-pedagogical workers of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan with the aim of stimulating them to defend doctoral dissertations and carry out research work (Agreement No. 5/2025 — PD).

For citation: Ibragimov, M.I. 2026. "Types of Authorial Consciousness in the Poetry of Gabdulla Tukay." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 113–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-113-128> EDN: EIZGFA

Введение

В этом году исполняется 140 лет со дня рождения татарского поэта Габдуллы Тукая (1886–1913), творчество которого на протяжении многих десятилетий остается в центре внимания исследователей [1]. Несмотря на множество трудов, посвященных его поэзии, некоторые вопросы остаются научно не отрефлексированными. До настоящего времени, например, не существует системных работ по типам авторского сознания в лирике Г. Тукая, хотя в

исследованиях ученых разных лет присутствуют подступы к этой проблеме [2–4].

Критики и литературоведы начала прошлого столетия (Г. Ибрагимов, Дж. Валиди) были сосредоточены на анализе эволюции мировоззрения Г. Тукая, изменении его сознания, которое рассматривалось в культурно-историческом ракурсе и в связи с индивидуальными особенностями личности. В 1920–1950-е гг. возобладал подход, ориентированный на установление социальных характеристик авторского сознания («либерально-буржуазное сознание», «религиозное сознание» и пр.). В 1960–1980-е гг. расширяется теоретико-методологическая база исследований: ученые (И. Нуруллин, Г. Халит) учитывают и анализируют различные факторы, определяющие особенности авторского сознания в лирике Г. Тукая (индивидуальная психология, роль литературной традиции, межлитературный диалог и пр.).

Цель исследования — изучение авторского сознания и форм его выражения в лирике Г. Тукая.

Задачи исследования:

- проанализировать различные типы авторского сознания в лирике Г. Тукая (просветительское, гражданское, национальное, религиозное);
- соотнести эти типы сознания с субъектными формами их выражения;
- определить тип лирической системы поэта (односубъектная или многосубъектная).

Теоретической основой статьи является концепция Б.О. Кормана и его последователей об авторе как «субъекте (носителе) сознания, выражением которого является все произведение или их совокупность» [5. С. 316]. В ходе исследования использовались понятия и термины: «субъект речи», «субъект сознания», «точка зрения», «субъектная организация произведения», «эмоциональный тон» и др.

Лирика Г. Тукая впервые рассматривается как система, в которой в качестве системообразующей категории выступает «автор».

Результаты и обсуждение

Авторское сознание в ранней лирике Г. Тукая (1905–1906 гг.)

В исследованиях по творчеству Г. Тукая его ранние произведения рассматриваются в контексте сформировавшегося в конце XIX в. просветительского направления в татарской литературе. Ю.Г. Нигматуллина, характеризуя татарскую литературу начала XX в. как период «ускоренного развития» (понятие, введенное Г.Д. Гачевым), пишет о существовании и параллельном развитии в это время различных художественных методов: просветительского реализма, романтизма, критического реализма, символизма. Для просветительского реализма, по мнению исследователя, характерна двуплановость:

сосуществование реалистического и идеального начал в рамках одного произведения. Первое, как пишет Ю. Нигматуллина, состоит в «критике, разоблачении невежества как социального зла, в обусловленности характеров героев общественной средой»; второе (идеальное начало) — «в поэтизации разума, интеллекта, знаний, в абсолютизации роли общественного мнения» [6. С. 110].

В большинстве ранних стихотворений Г. Тукая — «Голүмен бакчасында» («В саду знаний», 1905); «Дустларга бер сүз» («Слово друзьям», 1905); «Алла гыйшына» («Ради любви Аллаха», 1905); «И каләм!» («О, перо!», 1906) и др., субъект сознания — человек, живущий идеалами просвещения, призывающий своих соплеменников к интеллектуальному и духовному изменению. В них преобладает коллективная идентичность: автор выступает как представитель части татарского общества, которая ратует за прогрессивные преобразования, необходимые для преодоления отставания татар от просвещенных народов Европы:

*Голумлә дөнъяи дотды япон, намсә, французлар;
Жәһаләт гафләтилә йоклаганмызлар без аңсызлар¹.*

Благодаря знаниям правила миром японцы, немцы, французы;
Лишенные сознания, мы все проспали из-за своего невежества².

Некоторые стихотворения с просветительским типом авторского сознания представляют собой ролевую лирику. Например, в «Голосе с кладбища мюридов» субъект речи — мюрид (ученик авторитетного суфийского наставника — ишана), раскаивающийся в своей жизни, осознающий, что ишаны не заботились о вере, а исключительно о своем благополучии.

Взяв за основу стихотворение татарского поэта-суфия XIX в. Хибатуллы Салихова, Г. Тукай вкладывает в него иное, отличное от религиозного, содержание. Стихотворение Х. Салихова написано в духе суфийской поэзии: в его основе — одно из ключевых понятий в суфизме — *тауба* (покаяние, раскаяние): лирический субъект укоряет себя в том, что не смог при жизни отказаться от мирских наслаждений, преодолеть свой *нафс* (понятие, которым в суфийской доктрине обозначается «эго» человека, являющееся, по мнению суфиев, низшим (животным, дьяволическим) проявлением внутреннего мира).

У Г. Тукая, в отличие от Х. Салихова, субъект речи выступает не как носитель религиозного (суфийского) сознания. Он, напротив, критикует ишанов (суфийских наставников), считая, что они препятствуют прогрессу нации.

¹ *Тукай Г. Эсэрләр* : 6 томда. Т. 1 : шигъри эсэрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 35 б. = *Тукай Г. Сочинения* : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 35.

² Подстрочные переводы с татарского здесь и далее сделаны автором статьи.

В стихотворении субъект речи и субъект сознания не совпадают: субъект речи — некогда преданный своим учителям-ишанам, но впоследствии разочаровавшийся в проповедуемых ими идеях мюрид; субъект сознания — представитель молодого поколения, убежденный в том, что ишаны приносят нации вред.

К ролевой лирике относится и стихотворение «Мэдрэсэдэн чыккан шәкертләр ни диләр» («Что говорят шакирды, покинувшие медресе», 1907), в котором субъектом речи выступают шакирды, оставившие медресе. Субъект сознания в нем — шакирд, некогда учившийся в старометодном татарском медресе и критически относящийся к существующей системе образования.

Антиклерикальная направленность отдельных стихотворений, написанных в начальный период творчества поэта, не означает, что Тукай был противником религии. Просветительское сознание не нивелирует ценности ислама, о чем, например, свидетельствуют стихотворения «Хэзерге хәлемезә даир» («О нынешнем положении») и «И каләм!» («О, перо!»), в которых центральным становится образ пера. Семантика этого образа включает религиозный пласт, создаваемый посредством коранических аллюзий. В стихотворении «О нынешнем положении» упоминается сура «Нун» («Перо»), в 68-м стихе которой приводятся слова клянущегося пером Всевышнего: «Я клянусь пером!». В стихотворении «О перо!» раскрывается авторское понимание назначения поэзии: вести нацию к просвещению («Чакырып яз укырга, уку кыймәтен тәкъдир ит; / Анлат наданлыкның начарлыгын, анлат агу икәнән»³ — «Побуди нас к обучению, сделай это нашей судьбой;/ Покажи, что невежество — яд, коварство»), отличать истину от лжи («Яз караны «кара» дип һәм акны ак, / Жөпне «жөп» дип һәм шулай ук такны так» — «Называй черное черным, а белое — белым, / Четное — четным, а нечетное — нечетным»).

Таким образом, в раннем творчестве Г. Тукая преобладает тип авторского сознания, связанный с традициями татарского просветительства XIX в. Во многих произведениях этого периода носитель сознания обозначен местоимением «мы», т.е. субъект речи выступает как член социальной группы, которую объединяют просветительские идеалы. «Мы» в стихотворениях 1905–1906 гг. тождественно той части татарского общества, которая осознанно стремится изменить жизнь татар в соответствии с этими идеалами. Этот маркер коллективной идентичности, несмотря на различные номинации («друзья», «братья», «умма Мухаммеда» и пр.), имеет консолидирующий смысл: автор подразумевает под ним всю нацию, о чем, в частности, свидетельствует обращение в стихотворении «Иттифак хакында» («О единстве», 1905):

³ *Тукай Г. Эсәрләр* : 6 томда. 1 т. : шигъри эсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 72 б. = *Тукай Г. Сочинения* : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 72.

<i>Тырышыыйк, и хас вә гам,</i>	Старайтесь, знатные и простолюдины,
<i>Һәр көн үзгәрә заман;</i>	Ежедневно меняется жизнь;
<i>Житәр, йокламыйк һаман, —</i>	Хватит, давайте не будем вечно спать, —
<i>Таннар атты, бадавам⁴.</i>	Взошла заря, бадавам.

Автор — носитель гражданского и национального сознания

Во многих написанных в 1905–1907 гг. стихотворениях автор предстает как сторонник общественно-политических преобразований, провозглашающий идеал свободы («Хөррият хакында» — «О свободе», 1905), призывающий сограждан к единению («Иттифакъ хакында» — «О единстве», 1905), критикующий противников социальных изменений («Хатираи „Бакырган“» — «В память о „Бакыргане“», 1906; «Сорыкортларга» — «Трутням», 1906; «Хөрриятә» — «К свободе», 1907).

Гражданские идеалы в лирике Г. Тукая были неразрывно связаны с национальными. Во многих произведениях субъект речи выступает как *милләт-пәрвәр* (патриот своей нации). Этот тип автора широко представлен в татарской поэзии начала XX в. и обусловлен ростом национального самосознания татар в этот период.

Стихотворения, в которых выражается национальное самосознание (национальная идентичность), создавались Г. Тукаем в различное время: «Көз» («Осень», 1906), «Милләтә» («К нации», 1906); «Үз-үземә» («Самому себе», 1906), «Кичке азан» («Вечерний азан», 1906), «Ләззәт вә тәм нәрсәдә» («В чем удовольствие и сладость?», 1907), «Кем ул?» («Кто он?», 1907), «Китмибез!» («Не уйдем!», 1907) — в первый период творчества; «Мәрхүм Мөхәммәдзаһир әфәндегә» («Покойному Мухамметзагиру эфенди», 1908), «Милләтчеләр» («Националисты», 1908), «Милли моңнар» («Национальные мелодии», 1909); «Туган тел» («Родной язык», 1909) — во второй; «Хөрмәтле Хөсәен ядкаре» («Светлой памяти Хусаина», 1912), «Аң» («Сознание», 1912); «Даһигә» («Гению», 1913) — в третий (заключительный) период.

Формы выражения этого типа авторского сознания различны. В некоторых произведениях переживание национальной идентичности представлено как процесс, в котором лирический субъект оказывается сопричастным национальной истории. Таковыми, например, являются стихотворения «Вечерний азан» и «Национальные мелодии». В первом — лирическая медитация строится как движение от прошлого к настоящему. В сознании лирического субъекта под впечатлением от звуков вечернего азана возникают картины исторического прошлого: падение татарских ханств (Касимовского, Казанского, Астраханского), утрата государственности. Эти переживания сменяются рефлексиями

⁴ *Тукай Г. Әсәрләр* : 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 72 б. = *Тукай Г. Сочинения* : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 57.

по поводу отсутствия национального единства («Юк шул безларда берләшмәк; / Юк бергә-бер гөрләшмәк, / Бер җан, бер тән / Булып һәр неч- /кә серне бер-/гә серләшмәк»⁵ — «Нет между собой / У нас единства; / Нет дружеских/ Чувств друг к другу, / Чтоб жить одной / Душой и телом / И доверять друг другу / Самоесокровенное»), переходящими в завершающий стихотворение мотив исчезновения:

<i>Сау бул, дөнъя!</i>	Прощай, мир!
<i>Инде беттек;</i>	Уже нас нет;
<i>Бетәргә сүзне беркеттек;</i>	Мы должны исчезнуть.
<i>Вактында җирне селкеттек,</i>	Было время, мы сотрясали всю землю,
<i>Инде беттек,</i>	Уже нас нет,
<i>Инде беттек</i> ⁶ .	Уже нас нет!

Здесь преобладает прямооценочная точка зрения на причины упадка нации, выраженная от лица «мы». Автор выступает не как дистанцированный от событий исторического прошлого повествователь, а как представитель своей нации, переживающий за ее судьбу.

Лирический сюжет стихотворения «Национальные мелодии» разворачивается как процесс переживания автором самоидентичности. В первой строфе субъект речи, маркированный личным местоимением «я», захвачен исполняемой «другим» песней, мелодия которой рождает у него эмоциональный отклик и рефлексию:

<i>Башка килә уйлар төрле-төрле,</i>	В голову приходят различные мысли,
<i>Әллә нинди зарлы, моңлы көй</i> ⁷ .	Какая-то жалобная, грустная песня.

В следующей строфе лирическое «я» сменяется «мы»:

<i>Өзлеп-өзлеп кенә әйтеп бирә</i>	Тревожа сердце, она говорит,
<i>Татар күңле ниләр сизгәнән;</i>	Что чувствует душа татар;
<i>Мескин булып торган өч йөз елда</i>	Как триста лет терпели мы горе,
<i>Тәҗдир безне ничек изгәнән</i> ⁸ .	Испытывали гнет судьбы.

Обращение к историческому прошлому народа, полному тягот и лишений, придает лирическому переживанию эпичность:

⁵ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 72 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 135.

⁶ Там же.

⁷ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 59 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 59.

⁸ Там же.

Күпме михнэт чиккән безнең халык, Сколько горя претерпел наш народ,
Күпме күз яшьләре түгелгән; Сколько было пролито слез.
Милли хисләр белән ялкынланып, Воодушевляясь национальными чувствами,
Сызлып-сызлып чыга күңленән⁹. Протяжно он об этом поет.

В следующей строфе вновь появляется лирическое «я», указывающее на изменение в переживании самоидентичности: от коллективной идентичности (мы — татары) автор переходит к индивидуальной, подчеркивая личностное переживание сопричастности к национальной истории, возвышающее субъекта речи над тем, что с точки зрения испытываемого чувства представляется обыденным и малозначительным:

Хэйран булып жырны тыңлап тордым, С изумлением я слушал песню,
Ташлап түбән дәнъя уйларын; Забыв все низкие мирские думы;
Күз алдымда күргән төсле булдым Перед взором моим словно бы воскресли
Болгар һәм Ак Идел буйларын¹⁰. Болгар и берега Белой.

В заключительной строфе в качестве одного из субъектов речи выступает и сам поющий:

Түзәлмәдем, бардым жырлаучыга, Не выдержал я, подошел к певцу,
Дидем: «Кәрдәш, бу көй нинди көй?» Спросил: «Брат, что это за мелодия?»
Жавабында милләтәшем миңа: Соплеменник мне ответил:
«Бу көй була, – диде, „Әллуки“»¹¹. «Эта мелодия — „Аллюки!“».

Здесь переживание идентичности приобретает характер кровного родства; на это указывает обращение к поющему – «Кәрдәш!» (в этимологии этого имеющего общетюрское происхождение слова присутствует корень «карын» — живот, чрево).

Анализируя субъектную организацию стихотворения, В.Р. Аминева пишет о «бытийно-субъектном взаимопроникновении» «я» и «мы», одновременно подчеркивая, что оно «не приводит к интегральности образа лирического субъекта и отказу от изображения его как замкнутой и определенной личности», иначе говоря, «субъект речи, совмещающий в себе голоса „других“ до полного слияния и неотделимости друг от друга, в то же время остается самим собой» [7. С. 17].

⁹ *Тукай Г. Әсәрләр* : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 59 б. = *Тукай Г. Сочинения* : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 59.

¹¹ Там же.

Субъект религиозного сознания в поэзии Г. Тукая

В советский период стихотворения Г. Тукая, в которых автор высупает как субъект религиозного сознания, маргинализировались. В литературоведении и критике им уделялось мало внимания. Напротив, произведения антиклерикальной направленности, в которых Г. Тукай критиковал консервативное духовенство, выдвигались на первый план как свидетельство негативного отношения поэта к религии. Более того, отдельные произведения с религиозными образами и мотивами долгое время не включались в многотомные собрания сочинений поэта.

К числу стихотворений, в которых автор выступает как носитель религиозного сознания, относятся «Тээссер» («Впечатление», 1908); «Васьятем» («Мое завещание», 1909); «Китап» («Книга», 1909); «Ана догасы» («Молитва матери», 1909); «Мигъраж» («Миградж», 1910); «Бер мән» («Неведомая душа», 1910); «Кадер кич» («Ночь ал-Кадр», 1911).

В «Тээссер», вольном переводе стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва», показан процесс обретения лирическим субъектом душевной просветленности при чтении Корана:

*Укыйм тиз-tiz күңелдән бер гажәиб сүрә Коръәннән, —
Газаплар мәгънәви бер кул илән алынадыр жәннан*¹².

Читаю быстро про себя я одну удивительную суру из Корана —
Душа, словно по мановению чьей-то руки, освобождается от мук.

Лирический сюжет в стихотворении разворачивается как движение чувств лирического субъекта от локальных, обусловленных жизненными невзгодами ситуаций (минут жизни) к вневременному переживанию величия Всевышнего:

*Укыйм тиз-tiz күңелдән бер гажәиб сүрә Коръәннән, —
Газаплар мәгънәви бер кул илән алынадыр жәннан.
Оча дилдән бөтен шик-шөбһәләр, һәм мин жәһүл башлыым:
Яңақларны мөкаддәс күз яшемлә энжәли башлыым*¹³.

Читаю быстро про себя я одну удивительную суру из Корана —
Душа, словно по мановению руки, освобождается от мук.
Уходят прочь с души все сомненья, и начинаю я плакать;
По щекам катятся священные жемчужные слезы.

¹² *Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 221 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 221.*

¹³ Там же.

Образ слез и мотив плача выступают как знаки переживаемого лирическим субъектом катарсиса — душевного очищения, переходящего в конце стихотворения в благоговейное признание величия Аллаха и его прославление:

*Ходай! Син тыйган эшләр тәмам әкътәгъ вә әбтәр, дим;
Иям баш сәждәгә: «Аллаһе хак! Аллаһе әкбәр!» — дим¹⁴.*

Я говорю: «Всевышний! Все, что ты запретил, ненужно и плохо». Склоняюсь молитвенно, говоря: «Аллах праведен! Аллах велик!»

В стихотворении «Неведомая душа» от чувства безнадежности («*Өзеп барлык хәятымнан өмидне, / Димен: „Аһ, бар да бетте, бар да бетте!“*»¹⁵ — «Потеряв всякую надежду в своей жизни, / Говорю: „Ах, все кончено, все кончено!“») лирический субъект приходит к благодатному принятию мира: «*Тибәр күңлем моңарчы бер ләгыйһнә / Тибәдер “рәхмәттән лил-галәмн” ча*»¹⁶ — «Мое сердце, одержимое до этой поры дьяволом / Преисполнено „милостью для миров“»). Включенная в заключительную строфу цитата отсылает читателя к 107 аяту 21 суры Корана («Пророки»), в котором Всевышний обращается к пророку Мухаммеду со словами: «Мы послали тебя только как милость для миров».

Одной из вершин лирики Г. Тукая, в которой лирический герой выступает как носитель религиозного сознания, является стихотворение «Васыятем» («Мое завещание», 1909). В звучащем в начале стихотворения обращении к душе: «*Кайт, и нәфсе мотмәиннәм! Бар, юнәл, кит Тәңрәңә;/ Бирдең аркаңны моңарчы, инде бир бит әмрәнә*»¹⁷ — «Вернись, душа, обретшая покой! Иди, стремись, лети к своему Создателю! / До этого ты была обращена (к нему) спиной, теперь — внемли его повелению, повернувшись лицом» — присутствует кораническая аллюзия: согласно мусульманским эсхатологическим представлениям, душа человека в Судный день возвратится в место своего отправления.

Для субъекта речи экзистенциально значимой оказывается манифестация религиозной идентичности, веры, которой наполнено его сердце:

*Әһле тәкфир бер гәҗәпләнсен, күреп актык сүзем:
Күр, нә рәсмә тулган иман берлә Коръән садрәмә!*¹⁸.

Пусть, увидев мои последние слова, удивятся те, кто называл меня безбожником: Гляди, сколько веры и Корана в моей груди!

¹⁴ *Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 221 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 221.*

¹⁵ *Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 141 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 141.*

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же.

Основу стихотворения «Миградж» составляют события, упоминаемые в первом аяте 17 суры («Ночной перенос»): «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине, Он — всеслышащий, всевидящий!». Речь идет об одном из чудес при жизни пророка Мухаммада — его ночном переносе из Мекки в Иерусалим и последующем вознесении на мифическом существе ал-Бурак. Этот сюжет широко представлен в восточной литературе в многочисленных миграджнаме¹⁹.

С точки зрения субъектной организации, «Миградж» — пример «повествовательной» лирики. Автор в нем субъектно не выделен, но возвышенный эмоциональный тон, образный строй и звучащая в конце стихотворения оценка описанных событий: «*Нә саташмак, нә гәман, нә хыял, нә төш иде, — / Бер илаһи вакыйга, моғъжиз вә серле эш иде*»²⁰ («Это не было ни бредом, ни (плодом) воображения, ни фантазией, ни сном — / Это было божественным событием, чудесным и таинственным») — указывают на то, что повествователь предстает перед читателем как носитель религиозного сознания.

Субъектная форма, в которой автор выступает как «повествователь», по всей видимости, связана с тем, что в основывающихся на коранических сюжетах стихотворениях («Миградж», «Ночь ал-Кадр»), для поэта было значимо само событие, связанное с жизнью пророка Мухаммеда.

Автор-поэт

Г. Халит в монографии «Многоликая лирика» писал: «Уже в его (Г. Тукая. — М.И.) раннем творчестве наблюдалось страстное стремление понять роль поэта, миссию поэзии... В освоении данной проблемы поэт успел проявить как традиционный, так и собственный подход к ней» [8. С. 165–166].

Тема поэзии и поэтической миссии раскрывается в стихотворениях «Хэзерге хәлебзгә даир» («О нынешнем положении», 1906); «И каләм!» («О, перо!», 1906), «Пушкинә» («Пушкину», 1906), «Шагыйрьгә» («Поэту», 1907); «Бер татар шагыйренең сүзләре» («Слова одного татарского поэта», 1907), «Шагыйрьгә» («Поэту», 1907); «Мөтәшагыйрьгә» («Бесталанному поэту», 1907); «...гә (Ядкяр)» («К...(Воспомянью)», 1908); «Татар мөхәрриренә» («Татарскому писателю», 1910).

Стихотворение «Поэту» представляет собой вольный перевод произведения М.Ю. Лермонтова «Г(ну) Павлову». «Общая для обоих стихотворений тема — положения поэта в обществе, — пишут М. Ибрагимов и И. Гумеров, —

¹⁹ Ганиева Р.К. «Мигъраж» // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казань, 2016. 436 б. = Ганиева Р.К. Миградж // Габдулла Тукай : энциклопедия. Казань, 2016. С. 436.

²⁰ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 117 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 117.

у Лермонтова раскрывается в мотиве клеветы света, который у Тукая, по причине отсутствия в татарской концептосфере начала XX в. концепта «свет» (в значении «светское общество»), оказывается трансформированным: в стихотворении татарского поэта речь идет об отношении к поэту народа... Таким образом, лермонтовский мотив в вольном переводе Тукая изменяется не на стилистическом, а на семантическом уровне: клевета света трансформируется в клевету и зависть к поэту со стороны людей» [9. С. 23].

Иной тип выражения авторского сознания присутствует в стихотворениях «Бер татар шагыйренең сүзләре» («Слова одного татарского поэта»), «Шагыйрь» («Поэт»), «Тәрәддәд вә шөбһә» («Колебания и сомнения»), «Вакъты гажезем» («В часы сомнений»), «Сәрләүхәсез» («Без названия»). В них авторское сознание выражается как взволнованный лирический монолог, как рефлексия, в центре которой тема творчества.

Так, в стихотворении «Поэт» содержится вера в свой талант, жизненный оптимизм:

*Күкрәгемдә минем шигърь утым саумы?!
Күтәрәм мин, карт булсам да, авыр тауны;
Күңлемдә көн һаман аяз — һаман да яз:
Шагыйрь күңелендә кыш булмый да кар яумый²¹.*

Горит ли в груди моей огонь поэзии?!
Подниму я, хоть и стар, тяжелую гору.
В сердце моем ясный день — вечная весна:
В сердце поэта не бывает зимы, не идет снег.

Лирический субъект видит в поэзии источник жизненной энергии («Булмамын, юк, картайсам да, чын карт кеби, / Утырмам тик, юк-бар теләк тели-тели; / Менмамен мин, Ходай кушса, мич башына, / Шигърьләрдән килер миңа кирәк жьылы — «Не стану я с годами как старик, / Не буду почивать, мечтая о пустом. / Бог даст, не стану, лежать на печи, / От стихов получу я нужное тепло»), силу, побеждающую страх перед смертью:

*Жырлый-жырлый үләрмен мин үлгәндә дә,
Дәшми калмам Газраилне күргәндә дә;
«Без китәрбез, сез каласыз!» — дип жырлармын,
Жәсәдемне туфрақ берлә күмгәндә дә²².*

В предсмертный свой час я буду петь,
Не промолчу, когда за мной придет Азраил.
Буду петь «Мы уходим, вы остаетесь»,
Даже тогда, когда мое тело предадут земле.

²¹ Тукай Г. Эсәрләр : 6 томда. 1 т. : шигъри эсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 225 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 225.

²² Там же.

Более сложным с точки зрения развития лирического сюжета оказывается стихотворение «Колебания и сомнения», лирический субъект которого терзается мучительными вопросами о своем предназначении, сущности своего творчества:

*Жырлыймын, ләкин жырымнан файда бармы халкыма?
Бер маләктән яки шәйтанныңмы илхамым килә?*²³.

Я пою, но есть ли от моих песен польза народу?
От ангела или шайтана приходит ко мне вдохновение?

Состояние безнадежности, неудовлетворенности от написанного («*Һич риза булмыйм үземнән язганымнан соңра мин; / Һәр заман күз алдыма кимлек вә ноксаным килә*»²⁴ — «Закончив писать, я не доволен тем, что написал: / Всегда вижу в написанном несовершенства и недостатки») сменяется душевным просветлением, надеждой на будущее:

*Кайвакытлар һәр сәгадәттән өмидемне өзәм, —
Әллә кайдан шунда икьбаль чулпаным килә.
Ялтырый ул күкләремдә, күп өмидләр арттыра:
Күз яшем сөрттергә гүя назлы эсананым килә*²⁵.

Порою я теряю всякую надежду —
И тогда откуда-то восходит звезда моего счастья.
Сверкает оно в моих небесах, наполняет надеждой,
Словно любимая, которая явилась, чтобы утереть мне слезы.

Обращая внимание на сложное переплетение противоречивых эмоций в этом стихотворении, Т.Ш. Гилязов пишет «Посредством обращения к вариациям одновременных противоречий автору удастся более полно передать движение души лирического героя, психологические изменения, диалектику души»²⁶.

Анализируя стихотворение Г. Тукая «Пәйгәмбәр» («Пророк»), Г. Халит писал: «Сближение или отождествление роли поэтической личности или вообще человека с пророческой и даже божественной миссией было широко распространено в суфийской поэзии левого, пантеистического направления. Подобная тенденция в новой татарской поэзии имеет прямые параллели в русской классической поэзии. И в данном случае через образ поэта-пророка проступает один из аспектов «западно-восточного синтеза»...» [8. С. 173].

²³ Тукай Г. Эсәрләр: 6 томда. 2 т.: шигъри эсәрләр (1909–1913). Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 10 б. = Тукай Г. Сочинения: в 6 томах. Т. 2: стихотворения (1909–1913). Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. С. 10.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Гыйләжәв Т.Ш. Тәрәддәд вә шөбһә // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казан, 2016. 613 б. = Гилязов Т.Ш. Колебания и сомнения // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казань, 2016. С. 613.

Ученый сравнивает стихотворение Г. Тукая с одноименным произведением другого татарского поэта начала XX в. — Сагита Рамиева — и приходит к выводу, что в отличие от стихотворения С. Рамиева, в котором доминирует «романтический субъективизм», в тукаевском «Пророке» преобладает идея гуманизма: «Он (Тукай. — М.И.) не смотрит на поэта-пророка как на рупор своего лирического героя, а обращает внимание на его проповедь, жизненно-историческую объективность. Поэтому между традиционным гуманизмом тукаевского поэта-пророка и передовыми идеалами времени есть тесная связь, созвучие, а у рамиевского пророка нигилистические настроения как бы преграждают путь к этой связи, созвучию» [8. С. 178].

Сопоставляя стихотворения Г. Тукая и С. Рамиева на уровне субъектной организации, необходимо указать на «повествовательность» первого стихотворения: в нем внимание читателя сосредоточено не на переживаниях лирического субъекта, а на событиях после обретения им дара пророчества (такая субъектная организация присутствует и в стихотворении М. Лермонтова).

В рамиевском переводе пушкинского пророка субъектная организация претерпевает изменения. Если пушкинский «Пророк» заканчивается обращением Бога к лирическому субъекту, то у С. Рамиева — последовавшим за этим эмоциональным откликом лирического субъекта:

*Ди дә күктән аваз, сикереп торамын,
Китеп, бер тау башында ултырамын;
Бизәм шунда тәмам чын-чын күңелдән
Бу дөнъяның бөтен жир һәм күгеннән*²⁷.

Говорит небесный голос, и я вскакиваю,
Поднимаюсь на вершину горы;
Искренне отрешаюсь там
От земли и неба этого мира.

Для С. Рамиева, очевидно, важно подчеркнуть индивидуальное начало в лирическом субъекте.

Таким образом, в стихотворениях Г. Тукая, в которых автор выступает как поэт, обнаруживается связь с характерными для средневековой татарской поэзии представлениями о высокой миссии поэта как медиума между Богом и людьми и соответствующая ему сакрализация поэтического творчества («О нашем нынешнем положении», «О, перо!», «Пророк»). Эта связь особенно ярко проявилась в ранних произведениях татарского поэта.

В написанных во второй и третий периоды художественной эволюции стихотворениях Г. Тукая появляются новые грани осмысления темы поэта и поэзии и соответствующие им особенности выражения авторского сознания. Риторичность сменяется интимными переживаниями, сомнениями в своем

²⁷ Рамиев С., Бабич Ш. Эсэрләр. Казан: Мәгариф, 2005. 34 б. = Рамиев С., Бабич Ш. Сочинения. Казань: Магариф, 2005. С. 34.

творчестве, внутренними противоречиями («Размышления одного татарского поэта», «Поэт», «Колебания и сомнения». «В часы сомнений»). В этих стихотворениях в центре лирическое «я», что находит отражение в субъектной сфере: в указанных произведениях на первое место выходит лирический субъект.

Заключение

Лирика Г. Тукая, рассматриваемая с точки зрения авторского сознания представляет собой сложную систему, в которой сосуществуют различные типы авторского сознания: просветительское, гражданское, религиозное, автор-поэт.

Различны и формы субъектной организации стихотворений: «повествователь», «лирическое «я», «ролевая лирика».

Факторами, определяющими типы авторского сознания, являются литературная традиция, диалог с восточной и русской поэзией, культурно-исторический контекст, обусловивший «многоликость» (Г. Халит) татарской лирики начала XX в.

В ситуации обновления понятийно-терминологического аппарата современного литературоведения и в целом его теории и методологии значимым становится обращение к теоретическому наследию отечественных научных школ. Разработанная в трудах Б.О. Кормана и его последователей теория автора и сформировавшийся в рамках этой авторитетной научной школы понятийный тезаурус могут стать опорой для изучения типов авторского сознания и форм их выражения в татарской литературе. Методология субъектного анализа обладает хорошим потенциалом в исследованиях идентичности в литературе, в том числе национальной. В системе авторских самоидентификаций значимыми являются его самоопределения как человека, причастного к этнической общности. Системный анализ субъектной сферы позволяет зафиксировать особенности этого типа авторского сознания в творчестве отдельных поэтов и писателей, а в широком смысле — в различные периоды в истории национальных литератур.

Список литературы

1. *Гыйләжәв Т.Ш.* Тукай гыйльмияте: төшенү һәм өйрәнүч юллары (Тукаеведение: пути осмысления и исследования). Казань : РИЦ «Школа», 2023.
2. *Ибрагимов Г.* Әсәрләр: 15 томда. 6 т. : әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1914). Казан : Татар. кит. нәшр., 2019. 327 б. = *Ибрагимов Г.* Сочинения : в 15 томах. Т. 6 : Статьи о литературе и искусстве (1910–1914). Казань : Татарское кн. изд-во, 2019. 327 с.
3. *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы // Габдрахман Сәгъди: фәнни-биографик жьентык. Казан : Жыен, 2008. 416 б. = *Сәгъди Г.* История татарской литературы : научно-популярный сборник. Казань : Джиен, 2008. 416 с.
4. *Халит Г.* Тукай. Лирик герой. Жан диалектикасыю // Казан утлары. 1976. № 4. 77-90 б. = *Халит Г.* Тукай. Лирический герой. Диалектика души // Казан утлары. 1976. № 4. С. 77–90.

5. *Корман Б.О.* Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // *Корман Б.О.* Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. С. 314–335.
6. *Нигматуллина Ю.Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур. Казань : «Фэн», 1997. 189 с.
7. *Аmineva В.Р.* Субъектные структуры в лирике Н.А. Некрасова и Г. Тукая: типологические параллели и межлитературные диалоги // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 2. С. 14–20.
8. *Халит Г.* Многоликая лирика. Казань : Татарское кн. изд-во, 1990.
9. *Ибрагимов М.И., Гумеров И.Г.* Семантические трансформации мотивов в вольных переводах Габдуллы Тукая из русской поэзии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2018. № 11 (89). С. 22–25. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.4> EDN: YMRATJ

References

1. Gyjladjev, T. Sh. 2024. *Tukay Studies: Paths of Understanding and Research*. Kazan: School publ. (In Tatar).
2. Ibrahimov, G. 2019. *Works: in 15 volumes*, vol. 6: Articles on Literature and Art (1910–1914). Kazan: Tatar Book publ. (In Tatar).
3. Sagdi, G. 2008. “History of Tatar Literature.” In *Gabdrakhman Sagdi: A Scientific and Biographical Collection*. Kazan: “Djyen” publ., pp. 52–190. (In Tatar).
4. Halit, G. 1976. *Tukay*. “Lyrical Hero. Dialectics of the Soul.” In: *Kazan utlary*, no. 4, pp. 77–90. (In Tatar).
5. Korman, B.O. 2006. “The Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms.” In: *Selected Works. Literary Theory*. Izhevsk: Institute of Computer Research publ., pp. 314–335. (In Russ.)
6. Nigmatullina, Yu.G. 1997. *Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Russian and Tatar Literatures*. Kazan: “Fen” publ. (In Russ.).
7. Amineva, V.R. 2015. “Subject Structures in the Lyrics of N.A. Nekrasov and G. Tukay: Typological Parallels and Interliterary Dialogues.” In *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2015, no. 2, pp. 14–20. (In Russ.).
8. Halit, G. 1990. *Multifaceted Lyrics*. Kazan: Tatar Tatar Book publ. (In Russ.).
9. Ibragimov, M.I., and I. G. Gumerov. 2018. “Transformations of Motifs in Gabdulla Tukai's Free Translations from Russian Poetry.” *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, Tambov: “Gramota” publ., no. 11, pp. 22–25. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.4> (In Russ.). EDN: YMRATJ

Сведения об авторе:

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Поволжья и Урала, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0000-0002-7805-3167; eLibrary SPIN-код: 4217-6864. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Bio note:

Marcel I. Ibragimov is the Candidate of Philology, Senior Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research of the Volga and Ural Regions, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, 20 Baumana St, Kazan, 420111, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7805-3167; eLibrary SPIN-code: 4217-6864. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-129-146

EDN: EKOIEY

Научная статья / Research article

Полилингвильный автор в контексте трансформации этнической жанровой традиции

И.А. Еникеев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация,
✉ eniki07@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема трансформации этнической жанровой традиции и её влияние на развитие национальных литератур Урало-Поволжского региона. В качестве объекта исследования представлены как собственно национальные писатели региона, так и полилингвильные этнические авторы. Цель исследования — анализ влияния этнической жанровой традиции на творчество полилингвильных авторов. На первом этапе исследования ставилась задача показать присутствие формальных признаков татарского жанра байта в творчестве русскоязычной писательницы татарского происхождения Розы Кожевниковой (Баубековой). Предметом изучения стал стихотворный цикл писателя «В песках за Аксарам» из 18 стихотворений. На втором этапе исследования поставлена задача объяснить писательскую стратегию полилингвильного автора в рамках использования этнического жанра и место этих писателей в процессе развития национальных литератур региона. В качестве методики исследования применен научный инструментарий формалистской (Ю. Тынянов) и структуралистской (М. Бахтин, Р. Барт) научных школ. Результатом исследования стало обнаружение двуголосой стилизации (в терминологии М. Бахтина и Ю. Тынянова) в творчестве полилингвильного автора Р. Кожевниковой. Также показано влияние этого явления на формирование языковой и творческой личности полилингвильного автора. Прежде всего — на формирование речевых субъектов его произведений. Показано, как эмоциональный и мировоззренческий пафос жанра определяет поиски полилингвильного автора в плоскости этнокультурной идентичности. Научная новизна исследования состоит в выявлении четырех компонентов жанровой трансформации — тип мировосприятия, риторика речевого субъекта, эмоциональный пафос и эстетический модус. Они стали основой для изучения взаимосвязи творчества Р. Кожевниковой с жанром татарского байта. Первопричиной этой взаимосвязи стал биографический контекст писательницы. Трагический тип мировоззрения и эмоциональный пафос, присущий татарскому байту, проходит через все 18 стихотворений цикла «В песках за Аксарам». Эстетическая составляющая этого жанра представлена образом отца и родовых предков, с которыми поэтесса ведет диалог о своей идентичности. Мы видим здесь присущую байту трагическую риторику речевых субъектов, наделенных ролевыми функциями пророков (отец, картатай, предки) и жертв обстоятельств (отлученные, говорящие на полужыке, былдыры). Результаты исследования позволяют говорить о целенаправленной жанровой стратегии творчества полилингвильного писателя, выразившей «переживание поколения» своего времени и коллективный голос определённого социально-культурного страта современного общества — русскоязычных татар.

© Еникеев И.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Национальные литературы, Урало-Поволжье, формальная школа, языковая личность, субъект речи, двуголосая стилизация

История статьи: поступила в редакцию 12.11.2025; принята к печати 12.01.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Enikeev I.A.* Полилингвальный автор в контексте трансформации этнической жанровой традиции // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 129–146. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-129-146> EDN: EKOIEY

Polylingual Author in the Context of Transformation of Ethnic Genre Tradition

Ildar A. Enikeev^{id}

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic, Kazan, Russian Federation,
✉ eniki07@mail.ru

Abstract. The study examines the current problem of the transformation of the ethnic genre tradition and its influence on the development of national literatures of the Ural-Volga region. The research considers the problem of transformation of ethnic genre tradition and its influence on development of national literatures of the Ural-Volga region. The object of the research is presented as national writers of the region and multilingual ethnic authors. The purpose of the paper is to analyze the influence of ethnic genre tradition on the work of multilingual authors. At the first stage of the research the task was to show the presence of formal features of the Tatar genre bait in the work of the Russian-language writer of Tatar origin Roza Kozhevnikova (Baubekova). The subject of the study was the poetic cycle of the writer “In the sands beyond Aksaray” consisting of 18 poems. At the second stage of the research the task was to explain the writing strategy of the multilingual author within the framework of using the ethnic genre and the place of these writers in the process of development of national literatures of the region. The scientific tools of the formalist (Yu. Tynyanov) and structuralist (M. Bakhtin, R. Barth) scientific schools were used as the research methodology. The result of the study was the discovery of a two-voice stylization (in the terminology of M. Bakhtin and Yu. Tynyanov) in the works of the polylingual author R. Kozhevnikova. The influence of this phenomenon on the formation of the linguistic and creative personality of the polylingual author is also shown. First of all, on the formation of the speech subjects of his works. It is shown how the emotional and ideological pathos of the genre determines the searches of the polylingual author in the plane of ethnocultural identity. The scientific novelty of the study lies in the identification of four components of genre transformation: the type of worldview, the rhetoric of the speech subject, emotional pathos, and aesthetic mode. These became the basis for studying the relationship between R. Kozhevnikova’s work and the Tatar bait genre. The primary reason for this relationship was the writer’s biographical context. The tragic worldview and emotional pathos inherent in the Tatar bait permeate all 18 poems in the cycle “In the Sands Beyond Aksaray.” The aesthetic component of this genre is represented by the image of the father and ancestors, with whom the poet engages in a dialogue about her identity. Here we see the tragic rhetoric inherent to the bait, the speech subjects endowed with the role functions of prophets (father, kartatay, ancestors) and victims of circumstance (the excommunicated, those speaking a half-language, byldyr). The results of the study allow us to speak about a targeted genre strategy of the work of a multilingual writer, expressing the “experience of a generation” of his time and the collective voice of a certain socio-cultural stratum of modern society — Russian-language Tatars.

Key words: Ural-Volga region, formal school, linguistic personality, subject of speech, two-voice stylization

Article history: received 12.11.2025; accepted 12.01.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Enikeev, I.A. 2026. “Polylingual Author in the Context of Transformation of Ethnic Genre Tradition.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 129–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-129-146> EDN: EKOIEY

Введение

Изучение проблемы трансформации жанров национальных литератур народов Урало-Поволжья в настоящее время принесло очень значимые и ценные результаты, опубликованные в коллективной монографии «Поэтика литератур народов Урало-Поволжья» [1]. В статьях авторов этого сборника на конкретных примерах показаны механизм и причины жанровой эволюции творчества, прежде всего этнических авторов, пишущих на родных национальных языках. Но теоретические выводы, к которым пришли исследователи, вполне применимы и к творчеству полилингвальных авторов, этнических писателей, пишущих на русском языке. Прежде всего потому, что процесс модернизации в национальных литературах Урало-Поволжья оказался неразрывно связан с жанровыми трансформациями, и в первую очередь, с эволюцией художественной формы. И именно этот аспект был очень важен для полилингвальных этнических авторов, творивших в парадигме модернизма. Например, если мы взглянем на художественный опыт «Ферганской школы» русскоязычных писателей Узбекистана 80–90-х гг. XX в., объединявшихся вокруг журнала «Звезда Востока», то увидим в их эстетическом манифесте эстетические и жанровые лекала, несовместимые как с узбекской советской литературой социалистического реализма, так и с традициями русской классической литературы, но тем не менее использовавшие национальный узбекский компонент в своем творчестве, создаваемом на русском языке. Ферганская школа скреплялась несколькими контекстами — контекстом западноевропейского и американского высокого модернизма, локальным узбекским контекстом, который усиленно пересоздавался на рубеже 1980—1990-х гг., и отталкиванием от контекста собственно русской литературы. У школы был собственный манифест, в котором излагались её творческие принципы: «Ориентация на *средиземноморскую поэзию* и отчасти *англосаксонскую*, минуя русскую литературу. Обращённость к меланхолии *позднего романтизма*, выраженной современным языком, полным скепсиса и неуверенности. Гибридная стилистика — конкретные ландшафтные признаки, южный знойный мир и вместе с тем герметическая *«западная» поэтика*, космополитическое месиво мнимостей, залитых солнцем. Антиисторизм и неприязнь к социальной реальности, страх перед действием и тотальностью наррации, особый депрессивный лиризм и металлическое упрямство, не позволяющее автору «ферганской школы» жить жизнью

и с каждым разом все больше отдаляющее его от смысла происходящего, — поэтому *этнос* в наших текстах уходит в тень, на задний план». [2. С. 389].

Похожую эстетическую парадигму исследователи выявили в русскоязычном творчестве чувашского писателя Г. Айги: «Типичная организация пространства для стихов Айги — поле, часто заснеженное, ограниченное почти на горизонте глухими лесами. Так же как ферганцы видели родной пейзаж в итальянских фильмах, в стихах Айги поля и леса, характерные для Южной Чувашии, родины поэта, возникают среди московских новостроек, которые так же готовы в любой момент превратиться в лесостепь, как запыленные дороги Ферганы — в улицы маленьких итальянских городов. Можно сказать, что Айги стал образцом тюркского поэта, который выражал национальное посредством визуальных образов, оставаясь при этом в рамках языка гегемона» [2. С. 395]. Вместе с этнической жанровой парадигмой в творчество транслингвальных авторов входят национальная культурная и литературная традиция, этническая образность и терминология. Подобный литературоведческий подход к творчеству транскультурных авторов, по нашему мнению, позволит расширить общее понимание механизмов транслингвальности и формирования языковой личности русскоязычных транскультурных авторов.

Аналогичный процесс использования как «западных», так и «восточных» жанров исследователи увидели в авангардных и модернистских поисках в национальных литературах Урало-Поволжья. Доказательные и основанные на фактах исследования татарских и удмуртских ученых показали, что именно творческие поиски писателей в области формы и жанров являются движителями национальных литератур. Это, во-первых, еще раз подтверждает правоту формальной школы литературоведения и, во-вторых, дает историко-теоретическое обоснование для сопоставления творчества национальных и полилингвальных авторов. Среди последних были писатели, которые в силу своей языковой биографии обращались не только к западным и русским, но и к восточным жанрам. Исследования Д.Ф. Загидуллиной, В.Р. Аминовой, А.З. Хабибуллиной очень верно обозначили роль модернизма и авангарла в жанровой эволюции татарской литературы и появлении новаторских произведений. Но удмуртский ученый В.Л. Шибанов увидел в этом процессе любопытную грань. Он пишет, что риторические приемы английского и итальянского сонета разрушили монопольную риторику социалистического реализма, основанную на канонической одической традиции восхваления [3. С. 125]. Дело в том, что жанр сонета по структуре очень полемичен. Он состоит из трех частей: теза-антитеза-синтез. Жанр сонета для удмуртской литературы сыграл роль разрушителя советских штампов «тихой лирики». Однако возникла проблема эстетического и языкового плана. Лекала английского сонета относительно без изменений подошли к языку южных удмуртов, но к языку северных удмуртов не подходили из-за обилия в последних диалектизмов. Но писатели нашли выход в виде использования деривационных форм жанра итальян-

ского сонета. В плане эстетики сонет с его пафосом эпохи Возрождения плохо подходил к эстетическим вкусам удмуртской сельской аудитории. И видимо, не случайно движение удмуртского этнофутуризма отодвинуло сонет с захваченного им центрального положения, опять на жанровую периферию. Все произошло согласно модели открытой ученым-формалистом Ю. Тыняновым. Но в исследовании В.Л. Шибанова показано, по какой причине с периферии выдвигается новый жанр и какие возможности он дает для развития национальных литератур. Также он показал, что смена жанров и смена эстетических предпочтений, под которыми он понимает нужный в данное время эмоциональный тон (пафос), это взаимосвязанный процесс.

Последнее утверждение удмуртского ученого совпадает с положениями статьи Д.Ф. Загидуллиной, предполагающей, что жанр связан с мировоззрением и особенностями лирического субъекта. Используя жанр «озын шигыр», татарские писатели в поэзии 1960–1980-х гг. возрождали субъекта речи начала XX в. Очень важно наблюдение исследователя, что философский мотив становится смыслообразующим в тексте. И как следствие этого происходит соединение лирического субъекта, ролевого героя произведений с родовым сознанием нации [4. С. 118]. Исследователь увидел функцию жанра в татарской поэзии не только как полемической риторической формы, но и как проводника особой формы мировосприятия, заряженной эстетическим и эмоциональным пафосом.

В русле этой концепции находится и статья В.Р. Аминовой, рассматривающей место восточных жанров (газели, рубаи, кыйтги) в татарской поэзии второй половины XX в. Исследователь использует термин М. Бахтина «память жанра» и освещает функциональную роль этих жанров в современной поэзии, а именно: полемические озарения, увеличение числа визуальных образов и ориенталистских кодов в семантическом поле произведений [5. С. 98]. Продолжением этих рассуждений становится статья А.З. Хабибуллиной, в которой сопоставляется жанр русской элегии с жанрами татарской поэзии. Исследователь обращает внимание на теоретические тезисы Лейдермана и Зырянова о том, что жанр — это тип миропереживания [6. С. 140] и определенный тип мировосприятия [6. С. 142], особое состояние сознания героя и тип развертывания речи [6. С. 143]. Очень важной в теоретической части статьи А.З. Хабибуллиной является идея Хализева о жанре как разновидности пафоса «мировоззренческих эмоций» [Там же]. По мнению исследователя, жанр связан с эстетическим началом, обозначаемым как модус элегичности и образующим ядро жанра элегии. Таким образом, на материале вышеприведенных исследований выявляется функционал жанра, который может быть применен к исследованию творчества полилингвальных авторов — этнических писателей, создающих произведения на русском языке. Отмеченные выше наработки ученых дают возможность по-новому представить процесс формирования и становления этнической жанровой традиции.

Обсуждение

Для понимания проблемы трансформации этнических жанров важное значение имеет итоговый вывод вышеприведенных исследований относительно функций жанра и его инструментария. Главная функция жанра в национальных литературах Урало-Поволжья состояла в изменении угла зрения на изображаемую реальность и в разрушении утвержденного, зачастую официального высказывания, его оценочного отношения к действительности. Жанр строится вокруг субъекта речи — носителя определенного эстетического, эмоционального и мировоззренческого начала. Пафос субъекта речи, в некоторых исследованиях именуемый «коллективным переживанием поколения» или «голосом эпохи», оформляется в виде регламентированной речевой (ораторской) формы, которую иногда называют жанром дискурса. Также важную функцию в создании текста произведения играют ролевые герои (автор, персонажи), присущие разным жанрам. Последний аспект подробно исследован В.Я. Проппом в виде проблемы морфологии текста как «линейной последовательности функций действующих лиц» [7. С. 128–129]. Ученый осмысливал «восприятие сюжета сказки как ряда приемов, связанных между собой особым образом» [8. С. 200]. Изучая феномен повторяемости, наблюдаемый в жанре волшебной сказки, В.Я. Пропп открыл, что структура сюжета порождает персонажей, т.е. функции ролевых героев определяются жанром. Из этого следует, что применение писателем нового жанра создаст новых героев, породит новые смыслы. Продолжением этого подхода является исследование М. Бахтина о диалоге разных типов речи персонажей произведения (социолектов). Здесь речь идет о трудах ученого, посвященных диалоговому воображению и речевым жанрам. М. Бахтин выдвинул идею о наследовании конкретного жанра разными авторами, когда сознание выбирает «язык»: «Каждым своим литературно-словесным выступлением оно активно ориентируется в разноречии, занимает в нем позицию, выбирает „язык“» [9. С. 142]. Идея М. Бахтина о наследовании жанра вполне соответствует по смыслу открытому Р. Бартом «похищению языка» конкретным автором в ходе создания нового произведения или нового мифа. Автор населяет свой нарратив различными этнотипажами и «людьми, которые становятся голосами, позиционирующими говорящего определенным образом и актерами, с которыми он решает вступить в диалог и которых он решает критиковать... говорящий помещает свое видение себя в культуральный сконфигурированный мир (термин Я. Валсинера) кастовых отношений» [9. С. 142]. В этом сконфигурированном этнокультурном мире, который М. Фуко обозначил термином «диспозитив», жанровые персонажи выполняют определенные жанровые действия. Автор оживляет свое высказывание речью этнических каст, он подчиняет им свою субъектность, и эта речь, которую можно обозначить как этнический социолект, является «коллективным голосом этнической традиции, дискурсом и практикой доминирующего субъекта, чьи слова демонстрируют его социальный статус» [9. С. 142].

Есть также ещё один нюанс относительно субъекта речи, относящийся непосредственно к языковой биографии писателя, и прежде всего полилингвального автора. Это владение устным и письменным регистром родной речи. Типичная черта полилингвальных авторов — это отсутствие письменного регистра этнического языка, который они считают родным. Они могут владеть устным регистром речи, например татарской, на уровне незаконченных предложений, сверхфразовых единств, не говоря уже о родной лексике. Но выразить себя в законченных синтаксических конструкциях, связанных в единый текст на родном языке, уже не могут. Зато письменный регистр, т.е. законченные предложения, слагающие цельный текст в сфере русского языка, у них безупречен. В качестве примера можно привести таких известных русскоязычных писателей-переводчиков, являющихся билингвами, как Р. Кутуй. Р. Бухараев, Р. Кожевникова, А. Каримова и др. Существовая на периферии как национальной, так и русской литературы, они нашли замену письменному регистру родного языка в копировании этнических жанровых форм, наделенных национально-ценностной ориентацией. Похищая (по Р. Барту) «родную речь» вместе с жанровой формой, они замещали её «чужим» русским языком, пересказывая на нём функционал этнического жанра. Данная писательская стратегия вполне соответствует законам творчества, открытым Р. Бартом и М. Бахтиным. Это означает, что если национальные авторы считали возможным использовать как западные, так и восточные классические жанры в современной литературе, то полилингвальные авторы также имеют право и возможность использовать функционал этнических жанров в своём творчестве.

Проведённый учёными и критиками анализ показывает, что самым продвинутым в этом плане и не до конца ещё оцененным автором был писатель Равиль Бухараев. Например, он сумел создать венок сонетов на четырёх языках (татарском, русском, английском, венгерском). В русском и татарском вариантах сонетов он сумел интегрировать метр и размер средневековой татарской поэзии в структуру этого западного жанра. Если рассматривать творчество Р. Бухараева в плане жанровой трансформации — типа мировосприятия, риторики речевого субъекта, эмоционального пафоса и эстетического модуса, можно получить интересный материал о путях модернизации как татарской, так и русской литератур. Хотя Р. Бухараеву удалось написать сонеты и на татарском языке, но он не был до конца уверен в качестве текста, признавая слабость письменного регистра в сфере родного татарского языка. Аналогичную ситуацию мы видим в творчестве русской немки Елены Зейферт, которая «процесс создания стихов на немецком языке определяет как „сверхмедленное создание“». По её собственному утверждению, этот язык вызывает у неё пиетет, и она держится от него на некоторой дистанции. Уважительная субординация влияет на „сверхмедленный“ процесс работы с немецким языком, чего она не обнаруживает в случае с русским» [10. С. 77–78]. И далее: «Продиктованный историей жизни транслингвизм Е.И. Зейферт... объясняет её

позицию в отношении функционирования в сознании русской, немецкой и смешанной — русско-немецкой картин мира. Причём третья картина мира — Russlanddeutsche возникает не на стыке первой и второй, а существует самостоятельно и лишь отчасти гибридно. Russlanddeutsche синтезирует, но не объемлет все черты русской и немецкой. И эта зона наложения и пересечения языковых идентичностей, *культурных форм...* рождает уникальные миры языков, особый, отличный от моноязыкового *способ языкового мышления*, обуславливающий новые отношения между языками и культурами» [10. С. 79–80].

Другим автором, обратившимся к этнической жанровой традиции, была поэт и переводчик Роза Кожевникова (Баубекова). В формировании её языковой личности важную роль сыграл собственно биографический контекст. Как она вспоминает, её детство и юность прошли под аккомпанемент татарских баитов, которые ежедневно напевал её отец. Прежде чем стать русскоязычной писательницей Розой Кожевниковой, школьница Роза Баубекова, выросшая в татарской деревне Дельта Астраханской области и практически не знавшая русского языка, на себе испытала процесс трагической ломки родного языка и замены его на инородный язык. Фундамент её творческого мира незримо для дочери сформировал отец, постоянно день за днем исполнявший для себя баиты на татарском языке. Этот факт ставит перед исследователями творчества Р. Кожевниковой несколько научных проблем.

Прежде всего первичным носителем и продолжателем этнической литературной традиции баита был отец поэтессы. Он был не просто фронтовиком, а испытал на себе репрессии и потому тема трагической вины, проблема свой-чужой стали для него весьма важными. Вполне возможно, что сочиненные им напевы вполне соответствовали всем канонам татарского баита. Для Р. Кожевниковой традиция татарского баита воспринималась только через творчество отца, то есть избирательно. Она не воспроизводила в своих стихах риторическую структуру татарского баита в полном объеме и в соответствии с требованиями канона жанра. Но те особенности жанра, которые акцентировал ее отец, она безусловно уловила. Здесь возникает проблема наследования этнической литературной традиции, которая требует специального отдельного исследования. Еще одна проблема возникает перед исследователем относительно языковой личности поэтессы. Мы не можем назвать ее только русско-татарским билингом, потому что она использует в стихах лексику родства поколений, которой нет ни в татарском языке, ни в его диалектах. Например, термин «былдыр» не встречается даже в казахском языке, видимо, это тюркское слово. Поэтому к Р. Кожевниковой корректнее применять термин полилингвальная личность, использовавшая деривационную форму этнического жанра баита. В поэтическом цикле Розы Кожевниковой «В песках за Аксарам» есть стихотворение «Памяти отца», которое объясняет особенности творческого метода поэтессы:

Травят серую кладбище
Родовое в песках Аксарайских...
Вот отец мой поднялся
Задыхаясь от тухлого газа —
В жизни он оставался
Вне смердящей с годами заразы...
Не роптал, не сгибался
Выживал по-батрацки привычно.
И в *баитах* меж строк
Лишь виднелась слезинка скупая.
Это — горести впрок.
Их веки мы не залатаем.
Добывает его чья-то «мудрость» по плану златая:
Ядовитая вонь по древнейшим степям Аксарая...¹

Ритм, рифма, синтаксическая структура байтов, их трагический драматизм, философский подтекст, своеобразная поэтика стали той художественной матрицей, из которой выросла поэзия Розы Кожевниковой. Сама поэтесса осознала это гораздо позже, когда написала следующие строки в стихотворении «И снова об отце»:

Родовое кладбище в степи.
Здесь покоится и дед, и прадед.
Здесь конец и твоего пути,
С ними ты навеки рядом.
Существует, верю я, *душа*,
И силен был ею, и велик ты,
Когда, каждый карауля шаг,
Стаи бед точили свои когти².

То, что заметили литературные критики в творчестве Розы Кожевниковой и назвали «фиолетовым цветом пессимизма», по сути было фундаментальным признаком татарского байта, обозначающим внутренний трагизм. Ведя внутренний диалог с отцом, Р. Кожевникова пишет:

Этих мук хватило бы с лихвой
И на десять жизней. Неслучайно
И во мне, послевоенной, *твой*
Дух, как поводырь, блуждает тайно.
Строки, что слагал ты, сберегу
И *продолжу* дальше, как смогу я.
А пока на этом берегу
Вглядываюсь в прошлое, тоскуя...»³

---

¹ Кожевникова Р. Остаться в декабре. Казань : Татар. книж. изд-во, 2016. С. 82.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 85.

Поэтесса Роза Кожевникова (Баубекова), словно исполняя духовное завещание отца, сумела интегрировать поэтику древнего татарского жанра-байта в поэтику русского стихосложения. Татарские фольклористы выделили следующие признаки поэтики байта: «Первые его строки достаточно своеобразны: сначала речь идёт об очень простых вещах, каждодневных бытовых явлениях. Всё это служит усилению внимания слушателя или читателя: они как бы готовят его к восприятию повествования о трагических событиях. Поскольку речь идёт о байте, непременно должна быть какая-то трагедия. Об этом слушатель хорошо знает. После этого начинается полное драматизма повествование. В байте широко употребляются распространенные в народной лирике параллели. Композиция байта очень проста и типична для жанра: своеобразно представленный зачин, очень быстрое, неожиданное начало трагедии, драматически напряжённое повествование, не лишённое глубокого лиризма, традиционная концовка, имеющая философский смысл, глубокий трагизм и лиризм, исключительное, захватывающее слушателя содержание, удивительная поэтичность, выразительность формы способствовали тому, что байт распространился в народе очень широко. Его знают и охотно исполняют, особенно представители старшего поколения» [11. С. 14–15].

Двустипшие, изначально присущее байту, стало основой ритмической организации поэзии Розы Кожевниковой, которая органично соединила его с русской классической рифмой. Также критики называли стихи писательницы молитвами-наитиями. Это также является признаком байта и проявляется в религиозной лексике, ритмических повторах словесных и образных клише. Байт по сути своей является ритуальной и обрядовой лирикой, создаваемой на важные семейные даты и трагические события.

Одной из таких трагических тем стала для Р. Кожевниковой проблема идентичности. Это понятие М. Бахтин метко определил как «самопонимание» в диалоге и соотнесении себя с другими группами, изъясняющимися на социолектах. Тема самопонимания связана для Р. Кожевниковой с воспоминаниями детства:

С весною каждой грусть моя острее
 Я помню смутно, как цветут тюльпаны.
 Как у реки отец смолит кулас
 И в водах вешних седина белеет.
 Пусть больно в детство возвращаться
 Она — могучее лекарство —
 Боль очищения души.
 Польшни цвет голубоватый
 И ежевичные шипы...
 Смотрю с волненьем виноватым
 В простор *родной моей степи*⁴.

⁴ Кожевникова Р. Остаться в декабре. Казань : Татар. книж. изд-во, 2016. С. 71.

Итогом размышлений о своей идентичности стали для Р. Кожевниковой следующие строки в стихотворении «Отчий край»:

Я мимо Дельты проезжаю стоя
Мой дом родной уже осиротел.
Глазами окон скорбно потемнел
И ниже стал как будто вдвое...
В тюльпанах поле, вдалеке скирды,
Направо от моста — знакомый остров.
Напоминает детство мне он остро, —
И тихую рекою плыл кулас.
В зеркальной глади отражались ивы...
...Как верится порой: мы тем и живы,
Что отчий край жив, словно *сердце в нас!*⁵

Продолжением детских воспоминаний становится тема родовой памяти и связи с этнической традицией в стихотворении «К Сеитовке», где Р. Кожевникова использует татарские слова и семейную терминологию:

Святылице безвестных добрых воинов —
Сеитовка, для местных — *Сеитляр*.
Под небесами блеклыми и знойными
Когда-то процветал могучий каганат.
И погребальные росли курганы
Тысячелетья гулкие подряд.
Сарматы, половцы, аланы...
В объятых вечности останки их»⁶.

И далее автор прослеживает связь памяти о прошлом с современной действительностью:

И носятся песчаные бурханы
Далеким *эхом среди нас живых*.
Средь нас, кто рабской суете подвержен,
Средь нас, почти не помнящих родства,
Живущих, как на шутовском манеже,
Не ведая бесславного конца.
Спустя века какой-то археолог,
Надгробья наши отыскав в песке,
Наткнется на хаос головоломок
На странном *ложном полуязыке*...⁷

---

⁵ Кожевникова Р. Остаться в декабре. Казань : Татар. книж. изд-во, 2016. С.71

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Там же. С.76.

В этом цикле есть ещё три стихотворения, которые раскрывают тему взаимоотношений русскоязычной татарки Р. Кожевниковой с другими этносоциальными группами. Это пример того, что М. Бахтин называл диалогом социолектов, т. е. способом определения своего места в этносоциальной иерархии современного общества. В стихотворении «Село Лапас» Р. Кожевникова ощущает свою татарскую идентичность, надломленную языковой ситуацией, в которой она в силу обстоятельств оказалась:

«Село Лапас в песках за Аксарам,
Воспоминаний детских островок, —
Аллахом позабытый уголок.
Пример наглядный, как мы вымираем.
О *картапам*, — твой дух ещё витает
Над этими песками до зари
И никого уже не озарит
Прозрением, историю листая.
От языка родного *отлученных*
К своей молитве не приучит он.
Пророчеством глухим звучит вдогон
Отравленной травы в низинах стоны⁸.

Слово «отлученные» применительно к своей языковой биографии Р. Кожевникова повторяет в стихотворении «Карагашам» в виде созданного ею слогана «среди своих — почти чужая, среди чужих, конечно, не своя»:

Мой род тем временем все тает.
Кто вспомнит байгунды и серкеле,
Когда детей от речи отлучают,
А стариков все меньше на селе?
Но сын — былдыр (*метис).
Среди кого — чужой он,
Среди кого — он свой, мне не понять.⁹

Но самым острым и конфликтным текстом, обозначающим столкновение и взаимодействие разных этнических групп, является стихотворение под эпиграфом М. Львова «Я „*российский индеец*“»:

Тупая от века вражда
К чужому по крови и масти.
Ребёнком затравленным ждать
За нацпринадлежность напастей...

⁸ Кожевникова Р. Остаться в декабре. Казань : Татар. книж. изд-во, 2016. С. 80.

⁹ Там же. С. 83.

Теперь через множество лет,
В душе ворохнётся досада. —
Пускай и не застит весь свет,
Но болью нелепою саднит¹⁰.

В этих текстах конфликт разрешается согласно схеме, открытой Р. Бартом, когда созданный писателем миф примиряет антагонистов [12. С. 78]. В заключении к работе «Мифологии» он пишет о том, что миф стремится понимать реальность и «быть в согласии с миром — не с таким, каков он есть, а с тем, каким он хочет себя сделать». [13. С. 127] Миф способен преодолеть эти противоречия, скрыв их от постороннего взгляда и «примири». Применительно к своему сыну, рождённому в смешанном браке, поэтесса находит такие слова:

Среди кого — он свой, мне не понять.
Когда слиянем душ родных рождён он,
Как высшая на свете благодать¹¹.

Не допуская внутрисемейного противостояния, автор находит слова для преодоления антагонизма и с внешними социальными силами:

И сердцу, убей, не понять,
И разум не внемлет усталый:
Бросавшая камни в меня
Подругою лучшею стала...¹²

Данные тексты содержат в себе присущие татарскому баиту двустипии внутри русской рифмовки в пределах 12 или 24 поэтических строк, ритмические повторы, поэтические ребусы из заглавных букв, образующие татарские слова, а также «чужеродную» для русской литературы стилистику и поэтику татарского *баита*. В творчестве Р. Кожевниковой мы видим присутствие основных элементов этого этнического жанра: трагический пафос, драматическую фабулу, жанровую субъектность, двустипии. Эти элементы или функционал жанра интегрированы во внешне спокойные и «тихие» бытовые зарисовки, природные пейзажи и озвучиваются голосом лирического субъекта в процессе столкновения разных социолектов. Все это является признаками присутствия иного этнокультурного мира в поле русской литературы или татарского регионального текста в облиции русского языка. Эти примеры говорят о том, что Роза Кожевникова-Баубекова не была оторвана от родной татарской культуры и на протяжении всей своей творческой жизни использовала

---

¹⁰ Кожевникова Р. Остаться в декабре. Казань : Татар. книж. изд-во. 2016. С. 76.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² Там же. С.76

традиции национальной литературы в виде жанра *байта*. Данный феномен М. Бахтин назвал «*памятью жанра*», и в сохранении этой памяти, передаче этой эстафеты будущим поколениям Роза Баубекова видела связь со своим древним татарским родом.

Указанный эмпирический материал проведенного исследования позволяет говорить о присутствии в текстах Р. Кожевниковой формальных признаков жанра татарского байта в виде целенаправленной стратегии творчества полилингвального писателя, выразившей «переживание поколения» своего времени и коллективный голос определённого социально-культурного страта современного общества — русскоязычных татар. Но всякий эмпирический материал требует и теоретического обоснования для прояснения прочности и долговременности обнаруженной жанровой традиции в плане её дальнейшей преемственности и значимости для развития национальной литературы. Наиболее подходящий к нашему случаю научный инструментарий был разработан ещё в 1920–1930-е гг. выдающимися литературоведами М. Бахтиным и Ю. Тыняновым. Именно М. Бахтин первым написал слова «пародия на жанр»: «Можно пародировать чужой стиль как стиль; можно пародировать чужую социально-типическую или индивидуально-характерологическую манеру видеть, мыслить и говорить... пародия может быть самоцелью (например, *пародия на жанр*), но может служить и для достижения иных, положительных целей (например, пародийный стиль у Ариосто, пародийный стиль у Пушкина)» [14. С. 86]. По сути, об этом же размышлял Ю. Тынянов в виде таких терминов, как «соотнесенность» с чужим стилем, «напряжённость чужого слова», заимствование и трансформация ведущего образа поэтики. Если применить указанные концепты М. Бахтина и Ю. Тынянова к творчеству полилингвального автора Р. Кожевниковой, то возникает проблема: её творчество — это продолжение национальных литературных традиций или стилизация, а может быть, пародия? Не вдаваясь в подробный анализ теорий М. Бахтина и Ю. Тынянова, мы можем сказать, что произведения Р. Кожевниковой однозначно не пародия на традицию, поскольку в них нет дискредитации и иронии над исходным текстом байта. Здесь речь идет скорее о двуголосой стилизации, открытой практически одновременно М. Бахтиным и Ю. Тыняновым. В предложенной ими схеме в литературном тексте присутствует диалог как минимум трёх речевых субъектов, и при этом один из них доминирующий, а другой подчиненный, стремящийся создать третью гибридную форму. Например, согласно анализу Ю. Тынянова, это сам Достоевский, голос Гоголя и пародия на Гоголя, говорящая голосом Достоевского и насыщенная его философскими интенциями. В случае с Р. Кожевниковой речевым субъектом-доминатором является образ отца как первопредка, подчиненный субъект — это дочь — сама поэтесса, а гибридный трагический персонаж — это отлученный от этноса внук-былдыр, говорящий на непонятном полуязыке. Здесь сразу возникает ассоциация с такими образами русскоязычного татарского писателя Р. Бу-

хараева, как «немой татарин», «правда междуречья», «немошь языка». Методика Ю. Тынянова заключалась в том числе в обнаружении «старого приема» внутри нового приема или «двусемантической системы на одном знаке». «Старый приём» он расшифровывал как «адресата пародического отталкивания», существующего в тексте в виде источников и подтекстов в облике словесной маски, определяющей поступки героев: «...механизации определённого приема; эта механизация ощутима, конечно, только в том случае, если известен прием, который механизирован; таким образом, пародия осуществляет двойную задачу: 1) механизацию определённого приема, 2) организацию нового материала, причём этим новым материалом и будет старый прием». [15. С. 210] В связи с третьим гибридным субъектом речи, открытым М. Бахтиным и Ю. Тыняновым, существует ещё одна важная теоретическая проблема. В монографии «Слово в романе» М. Бахтин пишет: «... между стилизацией и пародией располагаются, как между пределами, многообразнейшие формы взаимоосвещения языков и прямых гибридов...» [14. С. 176]. На схожее явление в творчестве русской немки Е. Зейферт обращает внимание и современный исследователь У.М. Бахтикиреева, говоря о пересечении и наложении языковых идентичностей и культурных форм. Отталкиваясь от творчества Р. Кожевниковой, как эмпирической основы будущих исследований, имеет смысл исследовать проблему значимости двуголосой стилизации для раскрытия функционала этнических жанров в процессе развития национальных литератур. Идеи М. Бахтина и Ю. Тынянова о наследовании жанров как движителе эволюции литературы и факторе её прерывистого развития в сочетании с методикой выявления в тексте социолектов и «чужих» языков, могут принести большую пользу в изучении произведений транскультурных авторов. Как подчеркнул В.П. Скобелев: «Очевидна близость позиций Бахтина и Тынянова в понимании как исходных условий для возникновения пародии, так и пути, на котором происходит её художественное осуществление. Переключка, в сущности, закономерная. Оба исходили из того, что если изучать искусство, то надлежит изучать именно содержательно наполненную форму... „Техника“ для обоих не была чем-то внешнеположным искусству, а его глубинной сутью» [16. С. 31].

Заключение

В процессе анализа творчества полилингвильного автора Розы Кожевниковой (Баубековой) была применена методика исследования, использованная авторами коллективной монографии «Поэтика литератур народов Урало-Поволжья». Выявленные ими в национальных литературах четыре компонента жанровой трансформации — тип мировосприятия, риторика речевого субъекта, эмоциональный пафос и эстетический модус, стали основой для изучения взаимосвязи творчества Р. Кожевниковой с жанром татарского байта.

Первопричиной этой взаимосвязи стал биографический контекст писательницы. В цикле стихотворений «В песках за Аксарам» она открыто заявила об использовании и продолжении традиций жанра байта, завещанных её отцом. Трагический тип мировоззрения и эмоциональный пафос, присущий татарскому байту, проходит через все 18 стихотворений цикла. Эстетическая составляющая этого жанра представлена образом отца и родовых предков, с которыми поэтесса ведет диалог о своей идентичности. Мы видим здесь специфическую — присущую байту — трагическую риторику речевых субъектов, наделенных ролевыми функциями пророков (отец, картатай, предки), и жертв обстоятельств (отлученные, говорящие на полуязыке, былдыры).

По большей части, полилингвальные авторы и их тексты становились объектом социолингвистических и лингвокультурологических исследований. Но если применить к изучению этих произведений методику формальной и структуралистской научных школ, то можно прояснить механизм продуцирования смыслов. Выявить конфликты интересов в виде голосов социолектов. Это даст возможность обрисовать и объяснить авторскую субъектность в контексте проблемы этнической идентичности, понять структуру языковой личности полилингвальных авторов не только через языковую, но и жанровую биографию.

Список литературы

1. Поэтика литератур народов Урало-Поволжья: коллективная монография / ред. М.И. Ибрагимов. Казань: ИЯЛИ, 2024.
2. Корчагин К. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 44. № 2. С. 386–397.
3. Шибанов В.Л. Венок сонетов в удмуртской поэзии // Поэтика литератур народов Урало-Поволжья. Казань : ИЯЛИ, 2024. С. 121–138.
4. Загидуллина Д.Ф. «Озын шигырь» в татарской поэзии: становление жанрообразующих характеристик // Поэтика литератур народов Урало-Поволжья. Казань : ИЯЛИ, 2024. С. 99–120.
5. Аминова В.Р. Явление жанровой конвергенции в татарской поэзии 1960–1980-х гг. // Поэтика литератур народов Урало-Поволжья. Казань : ИЯЛИ, 2024. С. 76–98.
6. Хабибуллина А.З. Элегия и элегический модус художественности в русской и татарской литературе: сопоставительная поэтика // Поэтика литератур народов Урало-Поволжья. Казань : ИЯЛИ, 2024. С. 139–160.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. ISBN: 5-02-017878-0 EDN: VNNIUT
8. Волкова Е.Г. Проп и русская формальная школа // Социогуманитарные науки: XXI век : сб. науч. трудов. Москва : Компания «Спутник+», 2010. Т. 1. С. 197–201.
9. Скиннер Д., Валсинер Я., Холланд Д. Различая диалогическое Я: теоретическое и методологическое рассмотрение нарратива непальского подростка / пер. с англ. и вступ. ст. Д.Э. Гаспарян «Диалог и нарратив: бахтиноведение сквозь призму эмпирических наук» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 3. С. 255–283. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-3-255-283> EDN: SRZTVV
10. Бахтициреева У.М. Транслингвизм и транскulturация через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76–89.

11. Ахметова Ф.В., Надиров И.Н., Урманчиев Ф.И., Фазлутдинов И.К. Татарские байты // Татарское народное творчество : в 15 томах. Т. 9 // Байты. Казань : Татар. книж. изд-во, 2022.
12. Щипков В.А. Мифологические основания современного регионалистского дискурса : дис. ... канд. философ. наук по специальности 09.00.13 — философская антропология, философия культуры, (философские науки). Москва, 2016. EDN: UDZCFP
13. Барт Р. Избранные работы : семиотика: Поэтика / пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 1989.
14. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. Москва : Худож. лит., 1975. EDN: WTJALN
15. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977.
16. Скобелев В.П. М.М. Бахтин и Ю.Н. Тынянов (к теории пародии) // Ирония и пародия : межвуз. сб. науч. ст. / М-во образования и науки Рос. Федерации ; Самар. гос. ун-т ; Отд. филол. и междисциплинар. исслед. Самар. науч. центра РАН, 2004. С. 18–33.
17. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Транскультурная литература XXI века. Москва : Изд-во Юрайт, 2024. ISBN: 978-5-534-17592-9 EDN: IYCNBU

References

1. *Poetics of the literature of the peoples of the Ural-Volga region*. 2024. Edited by M.I. Ibragimov. Kazan: IYALI publ. (In Russ.)
2. Korchagin K. 2017. “ ‘When we replace our world...’: Fergana poetic school in search of a postcolonial subject.” *New literary review*, vol. 144, no. 2, pp. 386–397. (In Russ.)
3. Shibanov, V.L. 2024. *A wreath of sonnets in Udmurt poetry. Poetics of the literature of the peoples of the Ural-Volga region*. Kazan: IYALI publ., pp. 121–138. (In Russ.)
4. Zagidullina, D.F. 2024. “Ozyn Shigyr” in Tatar poetry: the formation of genre-forming characteristics.” In *Poetics of the literature of the peoples of the Ural-Volga region*. Kazan: IYALI publ., pp. 99–120. (In Russ.)
5. Amineva, V.R. 2024. “The Phenomenon of Genre Convergence in Tatar Poetry of the 1960s-1980s.” In *Poetics of the literature of the peoples of the Ural-Volga region*. Kazan: IYALI publ., pp. 76–98. (In Russ.)
6. Khabibullina, A.Z. 2024. “Elegy and elegiac mode of artistry in Russian and Tatar literatures: comparative poetics.” In *Poetics of the literature of the peoples of the Ural-Volga region*. Kazan: IYALI publ., pp. 139–160. (In Russ.)
7. Meletinsky, E.M. 2000. *Poetics of myth*. Moscow, Publishing house “Eastern Literature” of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.) EDN: VNNIUT
8. Volkova, E.G. 2010. “Propp and the Russian formal school.” In *Social and humanitarian sciences: XXI century: collection of scientific works*. Moscow: Company “Sputnik+,” vol. 1. pp. 197–201. (In Russ.)
9. Skinner, D., J. Valsiner, and D. Holland. 2021. “Distinguishing the dialogical self: a theoretical and methodological examination of the narrative of a Nepalese teenager / trans. from English and introduction by D.E. Gasparyan “Dialogue and narrative: Bakhtin studies through the prism of empirical sciences.” *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 5, no. 3, pp. 255–283. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-3-255-283> (In Russ.) EDN: SRZTVV
10. Bakhtikireeva, U.M. 2016. “Translingualism and transculturation through the prism of one linguistic biography.” *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, no. 2 (50), pp. 76–89. (In Russ.)
11. Akhmetova, F.V., I.N. Nadirov, F.I. Uрманчиев, and I.K. Fazludinov. 2022. Tatar Baits. In *Tatar folk art* in 15 volumes, volume 9. Baits. Kazan: Tatar. bookish. publishing house. (In Russ.)
12. Shchipkov, V.A. 2016. *Mythological foundations of modern regionalist discourse: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences in specialty 09.00.13 — philosophical*

- anthropology, philosophy of culture, (philosophical sciences). Moscow. (In Russ.) EDN: UDZCFP
13. Bart, R. 1989. *Selected works: Semiotics: Poetics: Trans. from French*, Comp., general editorship and introduction by G. K. Kosikova. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
  14. Bakhtin, M.M. 1975. *Questions of Literature and Esthetics: Research from Different Years*. Moscow: Art Literature publ. (In Russ.) EDN: WTJALN
  15. Tynyanov, Yu.N. 1977. *Poetics. History of literature. Movie*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
  16. Skobelev, V.P. 2004. *M.M. Bakhtin and Yu.N. Tynyanov (on the theory of parody). Irony and parody: interuniversity. Collection of scientific articles*. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Samara State University, Dep. of Philological and Interdisciplinary Research of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 18–33. (In Russ.)
  17. Shafranskaya E.F. 2024. *Transcultural Literature of the 21st Century*. E.F. Shafranskaya, G.T. Garipova, Sh.R. Keshfidinov. Moscow: Yurait Publishing House. (In Russ.) ISBN 978-5-534-17592-9 EDN: IYCNBU

Сведения об авторе:

Еникеев Ильдар Ахнафович — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0000-0002-4659-273X; eLibrary SPIN-code: 6647-7296. E-mail: eniki07@mail.ru.

Bio note:

Ildar A. Enikeev is a Candidate of Philology Researcher at the Laboratory of Comparative Tatar Studies at the Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4659-273X; eLibrary SPIN-code 6647-7296. E-mail: eniki07@mail.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-147-171

EDN: GJOHNI

Научная статья / Research article

«Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера: классический «текст-код» и универсальный феномен культуры

Н.В. Худoley[✉], Т.Б. Исаева^{ORCID}, Н.О. Лефлер^{ORCID}

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Российская Федерация,
✉ nvkkaf@mail.ru

Аннотация. «Кентерберийские рассказы», написанные свыше 600 лет назад, относят к книгам, изменившим мир, а ее автора, английского поэта Джеффри Чосера, — к писателям, объединившим поколения. Именно с «Кентерберийскими рассказами» связывают появление английской национальной литературы. Для современной читательской аудитории «Кентерберийские рассказы» Чосера не превратились в средневековый текст-памятник, чье место исключительно в литературном музее, — темы, проблематика, система образов, сама аура чосеровского произведения сохраняют свою притягательность и жизнеутверждающую силу слова. О популярности «Кентерберийских рассказов» свидетельствуют российские и зарубежные рейтинги «лучших книг». Актуальность нашей работы обусловлена своеобразием чосеровского текста, пережившего свою эпоху и остающегося востребованным в реалиях сегодняшнего дня. Цель исследования — выявление кодов, удерживающих «Кентерберийские рассказы» в пространстве современной культуры. Авторами рассмотрено понятие кода культуры, предложено определение культурного кода. Материалом для исследования является текст Дж. Чосера «Кентерберийские рассказы» на современном русском и английском языках. В работе использованы следующие методы: коммуникативного анализа текста, семиотический, аксиологический, герменевтический, сравнительно-исторический, функциональный, что позволило нам исследовать «Кентерберийские рассказы» как систему кодов: архетипического, эпохального, национального, авторского; погрузиться в смысловое пространство текста и выявить в нем ценности культуры Предвозрождения; обозначить ценностно-смысловую динамику текста, а также рассмотреть его как длящийся во времени текст-диалог. Авторы приходят к заключению о «Кентерберийских рассказах» как об универсальном феномене культуры, классическом «тексте-коде», — тексте с высоким моделирующим потенциалом. «Кентерберийские рассказы» многократно интерпретировались не только в литературе, но и в других видах искусства: на их основе созданы современные театральные постановки, аудиоспектакли, мюзиклы, кинофильмы, произведения в стиле рэп. «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера не только вбирают в себя информацию о ценностях культуры Предвозрождения, но и позволяют сегодняшнему читателю, зрителю, слушателю переосмыслить современную действительность, задуматься в поисках ответов на «вечные» жизненные вопросы, таким образом, являясь текстом перспективным в коммуникативном аспекте.

Ключевые слова: диалог культур, код культуры, ценности культуры, классика, интерпретация

© Худoley Н.В., Исаева Т.Б., Лефлер Н.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 16.11.2025; принята к печати 06.01.2026.

Вклад авторов: *Худoley Н.В.* — постановка общей цели и задач, выбор методов исследования, подготовка теоретической базы, концепция исследования, сбор, анализ и интерпретация данных/доказательств; *Исаева Т.Б., Лефлер Н.О.* — планирование и координация исследовательской деятельности, контроль достоверности результатов, подбор библиографических источников, оформление списка литературы. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Худoley Н.В., Исаева Т.Б., Лефлер Н.О.* «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера: классический «текст-код» и универсальный феномен культуры // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 147–171. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-147-171> EDN: GJOHNI

“The Canterbury Tales” by Geoffrey Chaucer: Classic “Text-code” and Universal Cultural Phenomenon

Natalia V. Khudolei[✉], Tatiana B. Isaeva^{id}, Natalia O. Lefler^{id}

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, *Krasnoyarsk, Russian Federation*,
✉ nvkkaf@mail.ru

Abstract. “The Canterbury Tales”, written over 600 years ago, is considered to be one of the books that changed the world, and its author, the English poet Geoffrey Chaucer, is believed to be the writer who united generations. It is the “Canterbury Tales” that the emergence of English national literature is associated with. For the modern reader, Chaucer’s “Canterbury Tales” have not become a medieval text-monument that is exclusively kept in a literary museum. For the themes, issues, imagery, and the very aura of Chaucer’s literary work are still uplifting and have the life-affirming power of the word. The popularity of “The Canterbury Tales” is evidenced by the Russian and international rankings of the “best books”. *The relevance* of our research is due to the uniqueness of Chaucer's text, which has survived its era and seems to be needed these days. *The purpose* of the study is to identify the codes that keep «The Canterbury Tales» in today’s culture. The authors consider the concept of a cultural code and propose a definition of a cultural code. *The material* for the study is Geoffrey Chaucer’s «The Canterbury Tales» in modern Russian and English. *The methods* used are as follows: communicative text analysis, semiotic analysis, axiological analysis, hermeneutical analysis, comparative-historical analysis, and functional analysis, which allowed us to examine “The Canterbury Tales” as a system of codes: archetypal, epochal, national, and authorial; to get immersed in the semantic atmosphere of the text and identify the values of Pre-Renaissance culture in the text; to consider the value-semantic dynamics of the text; to define it as an everlasting text-dialogue. *The authors conclude* that «The Canterbury Tales» is a universal cultural phenomenon, a classic “text-code,” — a text with a high modeling potential. “The Canterbury Tales” have been interpreted many times not only in literature, but also in other art forms: modern theatrical performances, audio stories, musicals, films, and rap-rhythm works are based on Chaucer’s text. “The Canterbury Tales” not only absorb information about the values of the Pre-Renaissance culture, but also allow today’s reader, spectator or listener to think the modern reality over and over again and reflect on the “eternal” questions about life which makes “The Canterbury Tales” a promising text in the communicative aspect.

Key words: cultural dialogue, cultural code, cultural values, classics, interpretation

Article history: received 16.11.2025; accepted 06.01.2026.

Authors' contribution: *Khudolei N.V.* — setting the overall goal and objectives, selecting research methods, preparing the theoretical framework, and developing the research concept as well as collecting, analyzing, and interpreting data/evidence; *Isaeva T.B., Lefler N.O.* — planning and coordinating research activities, verifying the reliability of results, selecting bibliographic sources, and preparing the bibliography. All authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Khudolei, N.V., T.B. Isaeva, and N.O. Lefler. 2026. “‘The Canterbury Tales’ by Geoffrey Chaucer: Classic ‘Text-code’ and Universal Cultural Phenomenon.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 147–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-147-171> EDN: GJOHNI

Введение

В 2025 г. исполняется 625 лет со времени смерти Джеффри Чосера (ок. 1343–25.10.1400), средневекового английского поэта и философа. На протяжении нескольких столетий личность и творчество Дж. Чосера волновали умы исследователей: за этот период сформировался внушительный корпус критической литературы о Чосере, его эпохе — переходном времени от Средневековья к Возрождению [1–5].

Актуальным представляется изучение наследия Дж. Чосера на современном этапе: в научных работах последних лет продолжается исследование различных аспектов его творчества. Так, предпринимаются попытки соотнести содержание художественных произведений Дж. Чосера с данными английских исторических источников XIV–XV вв. [6]. Изучаются периоды творчества поэта, стилевое, жанровое и идейное своеобразие [7]. Исследуется повседневная жизнь английского средневекового общества XIV в., восстановленная на основе «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера [8; 9]. Анализируется талант Чосера как писателя-гуманиста, ярко проявившийся в создании образов простых людей; внимание Чосера к демократическим слоям объясняется происхождением Чосера из купеческого сословия [10]. Рассматриваются региональная специфика английского гуманистического мировоззрения «Кентерберийских рассказов» Чосера в сравнении с «Декамероном» Дж. Боккаччо [11], а также социальные и культурные предпосылки, сформировавшие тонкий, типично английский чосеровский юмор [12]. Комплексно изучаются исторические и культурные процессы, определившие развитие английской литературы Предвозрождения, а также исследуется творческое наследие Чосера и его влияние на писателей двух последующих столетий, творчество которых подготавливало становление английского Ренессанса [13].

Создаются фундаментальные труды по исследованию и анализу языка и словарного состава произведений Дж. Чосера [14], необходимые в связи с хронологической удаленностью его творчества от современности. Поднимается вопрос о составлении и использовании словарей и справочников к творчеству

Дж. Чосера для изучения его языка при чтении, переводе, лексико-грамматическом и художественно-стилистическом анализе его текстов [15].

Литературное наследие Дж. Чосера велико: поэмы «Книга герцогини» («The Book of the Duchess»), 1369; «Птичий парламент» («The Parliament of Fowls»), «Троил и Крессида» («Troilus and Criseyde»), 1382; «Дом славы» («The House of Fame»), 1383–1384; «Легенда о славных женщинах» («The Legend of Good Women»), 1388, а также стихотворения, написанные в более поздние годы. Однако эти произведения известны лишь в кругу исследователей. Исключением является произведение «Кентерберийские рассказы» («The Canterbury Tales», 1387–1400).

«Кентерберийские рассказы» считаются главным трудом Чосера и одним из важнейших произведений во всей английской литературе. Именно это произведение ассоциируется у большинства современных читателей с именем английского поэта.

До сих пор, спустя свыше 600 лет после своего создания, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера входят в различные читательские и издательские рейтинги. Так, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера входит в Список «100 лучших книг всех времен по версии Онлайн-журнала Эксмо»¹ (19-е место), в рейтинг «100 лучших книг всех времен и народов по версии Newsweek»² (11-е место), «100 лучших книг всех времен и народов по версии Livelib»³ (91-я позиция), в перечень «Лучшие книги, написанные в Средние века»⁴ (8-е место), в список «38 авторов и их величайшие произведения, оказавшие наибольшее влияние на мир»⁵ (14-е место). В российских вузах «Кентерберийские рассказы» включены в программу занятий при изучении истории зарубежной литературы Средних веков и Возрождения, истории английского языка.

Что удерживает этот текст в фокусе культуры на протяжении более 6 веков? *Цель исследования* — выявление особенностей, своеобразных «кодов», сохраняющих «Кентерберийские рассказы» в пространстве современной культуры.

Коды культуры как важное средство восстановления и изучения фрагментов глубинного пространства культуры исследовались Р. Бартом, Ю.М. Лот-

¹ 100 лучших книг всех времен. URL: <https://eksmo.ru/selections/100-luchshikh-knig-vsekh-vremen-ID15590178/?ysclid=me7adafpwm790572608> (дата обращения: 18.08.2025).

² 100 лучших книг всех времен и народов по версии Newsweek. URL: https://science.fandom.com/ru/wiki/100_лучших_книг_всех_времен_и_народов_по_версии_Newsweek (дата обращения: 18.08.2025).

³ 100 лучших книг всех времен и народов по версии Livelib. URL: <https://www.livelib.ru/selection/34540-100-luchshih-knig-vseh-vremen-i-narodov/listview/biglist> (дата обращения: 18.08.2025).

⁴ Лучшие книги, написанные в средние века. URL: https://www.100bestbooks.ru/index.php?time_id=5 (дата обращения: 18.08.2025).

⁵ 38 авторов и их величайшие произведения, оказавшие наибольшее влияние на мир. URL: <https://1gai.ru/publ/529646-38-avtorov--ih-velichajshie-proizvedenija-okazavshie-naibolsheevlijanie-na-mir.html> (дата обращения: 18.08.2025).

маном, В.В. Красных, В.А. Масловой. Так, Р. Барт рассматривает культурные коды как «сгустки культурного опыта», фрагменты памяти культуры, — культурные тенденции и мотивы, обладающие иконическим характером и являющиеся знаковыми системами, моделями для осмысления явлений культуры и бытия [16. С. 284]. Ю.М. Лотман определяет культурный код как язык культуры, систему знаков и символов, позволяющую хранить, передавать и интерпретировать информацию, являясь своего рода способом моделирования мира, позволяющего проникать на смысловой уровень культуры [17. С. 65]. В.В. Красных отмечает важное свойство культурных кодов — универсальность, объясняя это свойство соотносительностью кодов с древнейшими архетипическими представлениями человека; однако в каждой культуре универсальные коды национально детерминированы, что объясняет культурные различия национального мировосприятия [18. С. 298]. Базовые коды культуры — архетипы, первообразы, и их связь с глубинными слоями культурного пространства и древнейшими представлениями человека о мире — рассмотрены О.А. Валиковой [19] и С.В. Яковлевой [20]. В.А. Маслова, изучая коды культуры, выделяет коды художественной литературы, объясняя это тем, что художественный текст как знаковая система создан «не только на базе языка, но и на базе того или иного образного кода или нескольких культурных кодов» [21. С. 74]. В этом смысле В.А. Маслова следует за Ю.М. Лотманом, обосновавшим понятие «текста-кода», выступающего не в качестве сообщения, а в качестве кода, концентрирующего в себе информацию об определенном типе языка и культуры. При этом текст-код трансформирует самоосмысление порождающей текст личности и переводит уже имеющиеся сообщения в новую систему значений, становясь для читателя моделью переосмысления реальности, обогащает опыт читательского восприятия [22. С. 45–47], преобразуется в текст-диалог. Возможности расширения горизонта читательского понимания через изучение транслингвальных текстов рассмотрены в работе У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой и В.П. Синячкина, где художественный текст представлен как «место встречи языков и культур», средство воспитания личности с широким взглядом на мир [23].

Процесс коммуникации — обмен информацией о ценностях и смыслах культуры — наиболее полно осуществляется через текст как знаковую систему [24]. Межкультурный диалог выстраивается благодаря кодам культуры. Мы рассматриваем *культурный код как средство и способ идентификации определенного типа культуры, совокупность образов, знаков и символов, связанных с комплексом стереотипов в сознании, своеобразную структурирующую мир культурную матрицу* [25. С. 15]. Классический текст раскрывает в культурных кодах измерение вечности.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера с точки зрения его принадлежности к корпусу классических текстов;

- обозначить коды, удерживающие «Кентерберийские рассказы» в современном культурном пространстве;
- рассмотреть «Кентерберийские рассказы» как текст-диалог, перспективный в коммуникативном аспекте.

Материалом для исследования является художественный текст «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера на современном русском (перевод И.А. Кашкина и О.Б. Румера⁶) и английском (перевод Невилла Когхилла / Nevill Coghill⁷) языках. В работе использованы *методы* коммуникативного анализа текста (что позволило рассмотреть «Кентерберийские рассказы» как текст-диалог); семиотического анализа (текст как система кодов); аксиологический (выявление в тексте ценностей культуры); герменевтический (для интерпретации смыслов текста); сравнительно-исторический и функциональный методы (определение ценностно-смысловой динамики текста).

Обсуждение

Несмотря на большой объем литературы, находящейся в поле зрения современного читателя, классические тексты вызывают его неизменный интерес. Среди таких востребованных текстов — «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера. Об этом свидетельствуют разнообразные рейтинги наиболее популярных и читаемых художественных текстов, куда входят «Кентерберийские рассказы», а также читательские отзывы и рецензии на них. Как отмечают сами читатели, *«Это произведение, в котором и спустя много столетий человек современный может найти абсолютно точное попадание в характеры людей нынешних. Ибо люди, в глубине души, за прошедшие столетия изменились мало»*⁸. В классическом тексте вневременные ценности находят образцовое воплощение. В таком тексте запечатлен «вечный человек», онтологические и антропологические универсалии: как человек осваивает мир — и осваивается в мире; его способность *быть*; *восчувствование бытия*. Антропологический смысл классического текста — школа понимания, хранения смысла [26. С. 196].

Отмечают читатели и особую атмосферу, настроение, которое создается вследствие чтения «Кентерберийских рассказов»: *«Рассказы написаны живо, искренне, ярко; ... в них, созданных много веков назад, есть такое очарование, которого сейчас не сыщешь днем с огнем»*⁹. То есть классический текст обла-

⁶ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024.

⁷ Chaucer Geoffrey. The Canterbury tales. URL: http://The_canterbury_tales_penguin_classics_by_geoffrey_chaucer_nevill_coghill_z-lib.org.pdf (accessed: 17.05.2025).

⁸ Джеффри Чосер — Характеры людей неизменны. URL: <https://irecommend.ru/content/kharaktery-lyudei-neizmenny> (дата обращения: 21.08.2025).

⁹ Чосер «Кентерберийские рассказы» — обсудим? URL: <https://klub-chitatelej.livejournal.com> (дата обращения: 21.08.2025).

дает уникальной аурой и создает настрой, ради которого мы его читаем. Энергия классического текста позволяет читателю включиться в другие порядки бытия, обновляющие жизненную силу: этим объясняется феномен перечитывания, многократного возвращения к полюбившимся текстам, о чем свидетельствует еще один комментарий читателя: «...произведение это гораздо мудрее и глубже, чем мне показалось при первом прочтении. Но меня оно уже не отпустило»¹⁰. В таком тексте для читателя нет узнавания нового, и, тем не менее, мы снова и снова стремимся предаться тому настроению, которое когда-то захватило нас и продолжает питать нашу душу [26. С. 81]. По мнению Г.Г. Гадамера, чем больше мы узнаем произведение и перечитываем его, тем больше оно нам говорит¹¹.

Классический текст является первоисточником, неустранимым фундаментом литературы [26. С. 220]. Поколения читателей извлекают из них не только конкретное содержание в виде бродячих сюжетов, мотивов, «вечных» героев: «Удивительно, но именно здесь вы сможете натолкнуться на прототипы известных всем произведений классиков!»¹², но и понимание того, что именно классика обновляет в нас понимание того, что такое литература: «Старинная литература не устарела. Пусть она и дарит нам маленький портал в прошлое, но зачастую рассказывает о вещах, которые будут неизменными всегда»¹³.

Онтологическая ценность классического текста обусловлена присутствием в нем архетипов (архетипический код) — глубинных, скрытых в коллективном бессознательном, структур человеческой психики, наследуемых каждым поколением подобно тому, как наследуется хромосомный набор. Архетипический код формирует единство культуры, структурирует человеческие взаимоотношения, делает возможной связь различных культурно-исторических эпох [25]. Архетипы бинарны, представлены оппозициями *Бог-дьявол, добро-зло; отцы-дети, свой-чужой* и др. Они являются «стержневыми», структурирующими культуру и транслирующими «вечную» тематику, проблематику и систему образов в тексте, связующими многие поколения читателей. Актуализация архетипов в новых культурно-исторических условиях приводит к их смысловой валентности и пространственно-временной динамике. Так, *проблема Бога* раскрывается в «Кентерберийских рассказах» сквозь призму человеческой веры, морали, религиозных институтов. Дж. Чосер мас-

¹⁰ Рецензии на книгу Кентерберийские рассказы. URL: <https://readly.ru/book/82309/reviews> (дата обращения: 21.08.2025).

¹¹ Цит. по: Гадамер Г.Г. Философия и поэзия. URL: https://bookscafe.net/read/gadamer_gans-filosofiya_i_literatura-237791.html (дата обращения: 12.09.2025).

¹² Джефффри Чосер — Характеры людей неизменны. URL: <https://irecommend.ru/content/kharaktery-lyudei-neizmennyy> (дата обращения: 21.08.2025).

¹³ Кентерберийские рассказы. Джефффри Чосер. https://www.livelib.ru/review/4275991-kenterberijskie_rassказы-dzheffri-choser (дата обращения: 21.08.2025).

терски противопоставляет духовные идеалы и примеры суетной жизни. Он показывает разные подходы к вере и религиозным обязанностям: в то время как одни персонажи искренне устремлены к нравственному совершенству, другие используют религию в корыстных целях. Чосер не осуждает своих героев, но повествует о том, как труднодостижимо духовное совершенство, насколько сложно людям соблюдать религиозные предписания в условиях социального неравенства, среди множества искушений и пороков, показывая: *...жизние людей, кто в славе, в силе, / Все дни свои счастливо проводили. / И вдруг, низвергнуты в кромешный мрак / Нужды и бедствий, завершили так / Свой славный век бесславною кончиной. / Как враг людской бессчетные личины / Принять готов...*¹⁴. «Кентерберийские рассказы» не дают читателю однозначного ответа на вопрос о Боге, но заставляют глубоко задуматься о природе веры и ее роли в жизни.

Проблема *добра и зла* исследуется всесторонне. Зло у Чосера — не абстрактное понятие, а живое, проникающее в самые глубины человеческой души. Оно многолико и может присутствовать в любом человеке, независимо от его социального статуса. Зло проявляется в коварстве и лицемерии представителей церкви, жадности и алчности купцов, жестокости рыцарей, тонком и изысканном коварстве, маскирующемся под маской благочестия и добродушия представителей знатного сословия, грубости простолюдинов. Добро показано на контрасте с порочными поступками представителей различных сословий. Чосер не судит своих героев, а правдиво показывает их читателю: *...Но что мне делать: правду передать / Иль все с начала лживо сочинять? / <...> Я вас хочу предупредить заране: / Добра скоромного здесь целый воз; / Но шуток тех не принимай всерьез*¹⁵ <...>. Автор часто ставит своих героев в сложные ситуации выбора, побуждая читателя поразмышлять о правильности их поступков и тем самым самостоятельно делать выводы о природе добра и зла и их влиянии на человеческие судьбы; о способах борьбы со злом, а также о собственных нравственных ценностях и принципах.

«Вечная» проблема взаимоотношения *отцов и детей*, заявленная в «Общем прологе» через образы Рыцаря и его сына Сквайра, получает развитие в последующих рассказах, но особенно в «Рассказе Мажордома» и «Рассказе Врача». Тема отцов и детей помогает раскрыть взгляды Чосера на вопросы воспитания, морали, чести, совести, достоинства. Автор показывает читателю различные примеры и итоги воспитания и передачи духовных ценностей от старшего поколения к молодому, заставляет читателя размышлять о пользе нравственного примера, о необходимости старшего поколения служить моральным образцом поколению младшему. Так, у Рыцаря, который *был*

¹⁴ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 246.

¹⁵ Там же. С. 116.

достойный человек. / ...*Не посрамил он рыцарского рода; / Любил он честь, учтивость и свободу*¹⁶ ...вырос достойный его сын, Сквайр, о котором лестно отзывается Франклин: ...*Хоть молод ты, а все ж / Разумника такого не найдешь / Среди юношей...*¹⁷, вместе с тем признавая, что сам он, простой и неученый человек, сумел нажить достаток и добиться уважения, но не смог воспитать достойного сына, не состоялся как родитель: ...*Родил я сына и скажу вам прямо, / Такой дурашливый он и упрямый...* / *Мой сын — дурак. Уверен я, что он / Мое богатство без ума растратит...*¹⁸. В «Рассказе Мажордома» читатель сталкивается с персонажем — грубым, лживым и жадным Мельником, чьи моральные принципы очень низки: ...*Позор жены и дочери бесчестье / Он утаил, не думая о мести*¹⁹. Настолько же безнравственно и поведение дочери Мельника: ...*Прощай, мой милый. Приходи опять. / Найдешь у двери то, что своровать / Велел отец мне...*²⁰. В «Рассказе Врача» главный персонаж — прекрасная Виргиния, чья ...*чистота души давала ей / Способность оказать сопротивление / Любому натиску и вождельню*²¹ — символ жертвенности во имя чести семьи и доброго имени своего отца — мужественного, щедрого, знатного и богатого рыцаря Виргиния.

Проблема *свой-чужой* рассматривается многогранно, в социальном, религиозном, национальном, моральном аспектах. Так, автор показывает различные поведенческие модели персонажей, относящихся к разным социальным слоям. Истории, рассказанные ими, язык и стиль повествования, моральные принципы часто отражают их положение в обществе, что приводит к столкновениям в их взаимодействии, — таково столкновение Мажордома и Мельника. Отдельные персонажи (например, Монах) должны служить примером высоких моральных принципов, однако их поступки демонстрируют несоответствие нормам морали, что создает противоречие между их «своим» статусом и «чуждым» поведением. Тему «свой — чужой» развивают разные национальные и культурные типы, например, англичанин и француз. Так, Аббатиса говорит по-французски... *плавно, / Как учат в Стратфорде, а не забавным / Парижским торопливым говорком...*²², то есть использует в своей речи вариант англо-норманнского языка, долго сохранявшегося в Англии в качестве языка двора, суда и монастырей и сильно отличавшегося от живого французского (парижского) говора. Группа паломников объединилась

¹⁶ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 524.

¹⁸ Там же. С. 524–525.

¹⁹ Там же. С.162.

²⁰ Там же. С. 159.

²¹ Там же. С. 286.

²² Там же. С. 7.

в стремлении поклониться мощам не «заморских» святых, а «национального» святого Фомы Бекета, бывшего архиепископа Кентерберийского; то есть «свои» паломники противопоставлены массе «чужих» паломников, идущих поклониться иным мощам: ...*Тогда со всех концов родной страны / Паломников бесчисленных вереницы / Мощам заморским снова поклониться / Стремилась истоиво; но многих влек Фома Бекет*²³ ... В религиозном отношении паломники, несмотря на единое намерение поклониться мощам Фомы Бекета, имеют разные представления о вере и морали, что противопоставляет их как «своих» и «чужих».

Согласно Ю.М. Лотману, текст является знаком культуры, в которой он был создан, выполняет функцию коллективной культурной памяти [27. С. 74] и фиксирует ценности культуры определенного периода, что позволяет рассматривать его как элемент *эпохального кода культуры — совокупности знаков и знаковых систем, характерных для той или иной эпохи* [25].

Время создания «Кентерберийских рассказов» — конец XIV в. — является переломным культурно-историческим этапом, Предвозрождением. Главной особенностью культуры этого периода является ее *секуляризация* — постепенный переход от средневекового теоцентризма к возрожденческому антропоцентризму. Эпохальным кодом Предвозрождения является рост личного и национального самосознания, появление литературы на национальном языке. В «Кентерберийских рассказах» он фиксируется как *жанровый, идейно-образный и языковой синтез* привычных религиозных воззрений и возросшего интереса к личности человека и жизненным перипетиям, которые стало возможно описать на родном языке.

Исследователи обратили внимание на сложность определения жанра книги Чосера, поскольку тексты, из которых она складывается, представляют энциклопедию литературных жанров Средневековья [7].

Сам Чосер определил жанр своего произведения как *Tales — рассказы*. Универсальность этой найденной Чосером жанровой формы, которая «сделала возможной и оправданной предельную свободу и откровенность мысли и слова» [28. С. 392; 29. С. 127], позволяет максимально полно и всесторонне описать действительность, а также свидетельствует об активном авторском поиске: поэт, экспериментируя с традиционными жанрами, существенно видоизменяя их, создает свою неповторимую манеру письма.

Новой у Чосера была стихотворная форма его рассказов (для сравнения — новеллы Дж. Бокаччо написаны прозой). Чосеру важно было приблизиться к стандартам, заданным великими итальянскими мастерами. Если Боккаччо, находившемуся в центре этого литературного процесса, не нужно было подтверждать свою гуманистичность, то для Чосера этот вопрос мог быть

²³ *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 3.

принципиальным: если бы он писал прозой, он не смог бы войти в круг авторов, чьи творения стремились к античным идеалам [7; 11].

Новаторство Чосера усматривается в мастерском сочетании возрожденческой литературной формы и элементов средневековых жанров. Этим объясняется эффект заинтересованности читателя — видение уже знакомого материала в ином свете.

Секуляризация повлияла на систему образов: как среди пилигримов в качестве знатного сословия (Рыцарь, Сквайр), так и «низов», крестьянского сословия — Пахарь, Мельник. Это было нетипичным для литературы Средневековья: как в героическом эпосе, так и в куртуазной литературе образ человека из простонародья отсутствовал, он как бы находился вне сословных рамок «благородных» литературных жанров героической поэмы и куртуазного романа. У Чосера с добротой и душевностью представлен образ Пахаря, который был *...терпеньем, трудолюбием богат, / ...зняя иль мороза / Он не боялся, скромн был и тих / И заповедей слушался святых, / ...И десятину нес трудом иль платой, / Хотя имел достаток небогатый*²⁴, а также с лукавством и легкой иронией выведен образ Мельника – бабника и балагура, но ловкого и предприимчивого дельца, способного «за помол тройную плату взять». Эти образы являются символическими для переходной эпохи, их появление предвосхищает появление возрожденческих литературных простонародных персонажей.

У Чосера появляется новый герой, горожанин, в котором уживались вера в Бога и осознание себя творцом собственной жизни; он озабочен обретением не духовных ценностей, а материального достатка; борется не с великанами или чудовищами, а преодолевает вполне реальные житейские трудности; одерживает победу не силой и мужеством, а благодаря качествам характера: ловкости, сметливости, предприимчивости, рассудительности, умению с достоинством выйти из трудной ситуации (даже при помощи плутовства). Отметим, что эти качества героя поощряются в западноевропейской литературе позднего Средневековья [30].

Такие характеристики Чосер дает Купцу: *Он курс эю высчитывать умел / И знатно на размене наживался / И богател <...> / И так искусно вел свои расчеты, / Что пользовался ото всех почетом*²⁵; Юристу: *...Его богатства быстро умножались. / <...> Он знал законы со времен Вильяма / и обходил — уловкой или прямо — / Любой из них, но были неоспорны / Его решенья*²⁶; Франклину: *Не знал он отроду, что значит сплин / <...> В парламенте отстаивал он гордо / Свои права, обиды не спускал, / Не раз в палате графство*

²⁴ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 22–23.

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Там же. С. 15.

представлял²⁷; Шкиперу: *Он с совестью своею был сговорчив / <...> И, праведника из себя не корча, / И в ремесле своем большой мастак, / <...> Он твердо в гавань правил / И лоцию сам для себя составил²⁸*; Доктору: *С ним в ремесле врачебном ни единый / Врач лондонский соперничать не мог; / Как только он болезнь определял, / Он тотчас же лекарство назначал, / А друг аптекарь эту рецептуру / Вмиг обращал в пилюли и микстуру. / Они давно тем делом занимались / И с помощью взаимной наживались²⁹*; Эконому: *Всегда так ловко бирки он сочтет, / Что сливки снимет и свое возьмет³⁰*; Мажордому, который никогда не попадал впросак³¹.

Особенностью литературы Предвозрождения является появление в ней полноправных *женских образов*. Ранее женские образы незначительно упоминались в героическом эпосе, они использовались лишь как фон к общему повествованию; не звучала их речь. В куртуазной литературе воспевался возвышенный образ Прекрасной Дамы, женские простонародные образы были выведены за рамки куртуазной культуры. У Чосера присутствуют дамы, представляющие не просто разные сословия, но и сферы жизни: духовную — Аббатиса Эглантина, а также вторая Монахиня (отсылка к Средневековью), и мирскую сферу — Батская ткачиха (гуманистическая тенденция). Женщины-паломницы упоминаются Чосером в «Общем прологе»: автор в самом начале своего повествования дает понять читателю, что в его произведении будет затронут «женский вопрос», а также «вечные» темы любви и верности, семьи и брака. образу прелестной аббатисы, на застежке четок которой начертан девиз «*Amor vincit omnia*» («Любовь превыше всего») — двусмысленный вариант евангельского текста «Превыше всего любовь», — как символ сочетания веры в Бога и осознание ценности любви «в миру», противопоставлен образ ткачихи из Бата. Это простолюдинка, энергичная, волевая, неунывающая и жизнелюбивая вдова, пережившая пятерых мужей и мечтающая о новом браке, хваткая и предприимчивая особа, воплощающая в себе ценности новой эпохи: *...Дела, земля и дом — / Над всем я власть свою установила³²*.

Реализация архетипа *свой — чужой* у Чосера происходит через характерное для переходной эпохи сатирическое обличение распутного поведения духовенства. С негодованием описывает Чосер беспутного жирного Монаха, чья *Зеркальным шаром лоснилась тонзура, / Свисали щеки, и его фигура / Вся оплыла*», который доход церкви *тратил он, как свой. / Он не дал бы и*

²⁷ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 16.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 19.

³⁰ Там же. С. 24.

³¹ Там же. С. 25.

³² Там же. С. 350.

ломаной полушки / *За жизнь без дам, без псарни, без пирушки*³³. Резкой критике подвергается развратный Кармелит, который «в капюшоне для своих подружек / Хранил булавок пачки, ниток, кружев. / Он многим девушкам успел пробить / В замужество путь, приданым одаря.³⁴ Не меньшее отвращение вызывает «тупой» и корыстный Пристав церковного суда, учивший прихожан «как отлучением пренебрегать, / Коль в кошельке не думаешь скрывать / Свои деньжонки»³⁵, а также его близкий приятель, лицемер, «обманищик и нахал» Продавец папских индульгенций, томимый к Приставу «нежной страстью» и напевающий ему «как сладко нам вдвоем»³⁶. Этим крайне отрицательным «чужим» персонажам противопоставлен светлый образ «своего» приходского Священника, доброго, бедного, изнуренного нуждой: ...Его богатство — мысли и дела, / Направленные против лжи и зла. / <...> Он прихожан Евангелю учил / И праведной, простою жизнью жил. / <...> Но коль лукавил грешник закоснелый, / Он обличал его в глаза и смело / Епитимью на лордов налагал. / <...> он слову Божью и святым делам / Учил, но прежде следовал им сам³⁷. Образ приходского Священника является обобщенно-собирательным образом современника Чосера реформатора английской церкви Уиклифа и его последователей³⁸. Появление такого персонажа в литературе было явлением примечательным и новаторским: на смену исторической личности в тексте пришел вымышленный герой, в характере которого типизированы черты представителей поколения переходной эпохи.

Все эти персонажи у Чосера находятся в равноправной ситуации — совершают паломничество к мощам святого Фомы Бекета (намек на религиозное Средневековье). Но встречаются они в таверне (светское заведение, намек на Возрождение). Аллегорически путь паломников можно рассматривать как путь к духовному возрождению (через различные жизненные перипетии, показанные в рассказах, к мощам; а также перемежаются рассказы на светские и духовные темы). Связующим персонажем между рассказчиками и их историями выступает трактирщик Гарри Бейли (герой нового, возрожденческого, типа), но «Рассказы» оканчиваются проповедью священника о семи смертных грехах и способах их искупить (т.е. снова возвращение к средневековой тематике). По пути к святым мощам Гарри Бейли советует богомольцам рассказывать занимательные истории, чтобы скоротать дорогу в Кентербери и обратно. Образ трактирщика Гарри Бейли двойствен: он реализует возрожденческую концепцию о том, что человеческая жизнь должна быть

³³ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 9–10.

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Там же. С. 27.

³⁶ Там же. С. 28.

³⁷ Там же. С. 21–22.

³⁸ Там же. С. 645.

полной радости, а не уныния, «соединять полезное с приятным», но он выступает и как *дьявол-искуситель*, заявляя, что страдание губит (а не спасает, как было принято думать в средневековье) душу человека: *Коль с рожей постной едет путник бедный, / Вот это плохо, это даже вредно*³⁹. У Чосера обозначается цель — *духовное возрождение*, и путь ее достижения — *земная жизнь и ее трудности*: тот, кто достойно выдержит *земное* испытание, получит *небесную благодать* (рассуждение в духе Средневековья: земная жизнь есть подготовка к вечной жизни).

В «Кентерберийских рассказах» представлена не только полномасштабная панорама современной Чосеру Англии, но и типичные черты английского характера, а также обозначены признаки становления национального самосознания, что позволяет называть поэта выразителем английского национального духа — *системы ценностей и смыслов культуры народа, зафиксированной в национальном языке, или национального культурного кода* [25].

Для создания картины исторического прошлого страны Чосер вводит в текст достоверную информацию об исторических событиях, значимых для Англии. Например, представляя бравого Шкипера в «Общем прологе», автор пишет, что Шкипер был *«из западного графства»*, а читатель понимал, что речь идет о Южном Дэвоне и порте Дартмут, откуда в 1181 г. отплыли первые английские крестоносцы. Говоря о Йомене, Чосер упоминает «большой лук», то есть отсылает читателей к событиям Столетней войны, где именно йомены составили основной костяк английской пехоты и стрелами нанесли большой урон французам. В рассказе Капеллана упомянут *...Джеффри, славный мэтр былых времен, / Что Ричарда, сраженного стрелой, / воспел в стихах со слезной похвалою!*⁴⁰, при этом читатель вспоминал о Джеффри де Винсофе, придворном поэте, в стихах прославившего погибшего в 1199 г. в бою короля Ричарда Львиное Сердце.

Автор демонстрирует понимание английских законов. Так, в Общем прологе упоминаются жены мелкого дворянства, мечтающие *«шлейф носить длинней»*: речь идет о «Законе о роскоши»⁴¹, согласно которому люди низких званий могли носить одежду из грубого сукна стоимостью не выше двенадцати пенсов.

Автор рассказывает о национальных обычаях и традициях, которыми гордится народ. Например, в рассказе Батской ткачихи упоминается Дэнмауский окорок: в графстве Эссекс, в Дэнмау, окорок выдавали в качестве награды супружеским парам, которые никогда не ссорились. Также ткачиха говорит об обычае совершать первую часть венчального обряда на паперти у

³⁹ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 31.

⁴⁰ Там же. С. 275-276.

⁴¹ Там же. С. 642.

церковных дверей: ...*пять ведь раз / На паперти я верной быть клялась*⁴². Об английской традиции — дарить барана победителю кулачных состязаний — рассказывает Мельник, побеждавший всех в кулачных боях: ...*приз всегда — барана — получал*⁴³. В «Общем прологе» упоминается *лондонский эль*, бывший предметом гордости лондонцев⁴⁴ и традиционно стоивший на пять шиллингов дороже кентского эля (за бочку).

В тексте описаны события, хорошо известные современникам Чосера. Например, в «Общем прологе» Купец ...*требовал, чтоб охранялись воды / В пути из Миддлбурга в Оруэлл*⁴⁵: в 1359 г. в Англии был введен сбор «с тоннажа и веса» за перевозимый по морю товар, при этом деньги направлялись на построение английского военного флота. Доктор медицины ...*Со дней чумы сберег мешочек плотный; / И золото — медикамент целебный — / Хранил, должно быть, как припас лечебный*⁴⁶. Чума разразилась в Англии в 1348–1349 гг. и выкосила более половины населения страны. Каламбур Чосера о золоте — не только как о плате за лечение, но и о том, что золото считалось незаменимым лекарством против многих болезней.

Чосер вводит в текст много национальных имен, как реальных: *Ричард I, Джек Стро*, так и легендарных, ассоциировавшихся исключительно с английской культурой: *Король Артур, Ланселот, Гавейн*; в том числе упоминаются имена национальных Святых — *святой Фома Бекет* и мест паломничества — *аббатство Хэйл* в Глостершире; фамильярные английские прозвища: *Сэр Джон* — простак, разговорное прозвище священников; *Тальбот (Тибальд)* — традиционная кличка кота в английском животном эпосе, *Скотт* — излюбленная кличка рабочих коней в северных графствах Англии. В тексте присутствует множество географических названий, представляющих все уголки Англии: *Соуерк, Чипсайд, Кентерберри, Лондон, Страдфорд, Оруэлл, Кембридж, Оксфорд, Трэммингтон, Норфолк, Бат* и т.д.

Упоминается и ряд других английских реалий, придающих «Кентерберийским рассказам» национальный колорит: *таверна «Табард», Братство Ронсевалея* (дом для паломников в Лондоне, торговавший реликвиями и индульгенциями), *Тан* (старый англосаксонский термин, обозначающий мелких беспоместных дворян), *Лолларды* (народные проповедники, участники антикатолического движения в Англии), *Бэйлиф* (пристав гражданского суда), *нобль* (первая в Англии золотая монета, отчеканена в 1339 г. при Эдуарде III), *фартинг* (самая мелкая английская монета в четверть пенса), *шериф* (представитель королевской власти в английском графстве).

⁴² Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 317.

⁴³ Там же. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 642.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Там же. С. 19.

Чосер описывает повседневный быт студентов Оксфорда. В Общем прологе изображен Студент, внешность которого свидетельствует о крайней бедности, нищете: *...Не конь под ним, а щипаная галка, / И самого студента было жалко — / Такой он был обтрепанный, убогий, худой...*⁴⁷. Парламентский указ 1388 г. давал разрешение на финансовое самообеспечение обучающихся, поэтому деньги Студент... *клянчил, грешная душа, / У всех друзей и тратил на ученье*⁴⁸. В рассказе Мельника студент Душка Николас, несмотря на то, что он прошел весь курс наук, остается бедным, его знания пока не приносят ему дохода: *...Когда же денег из дому не слали, / Провизией друзья его снабжали*⁴⁹. Но студенты, несмотря на убогую жизнь, не предаются идеала настоящего ученого: им *...милее двадцать книг иметь, / Чем платье дорогое, лютню, снедь; На их скромных полках стоят... книги древних мудрецов, астролыбии и счеты*⁵⁰.

В образах героев рассказов автором воплощаются многие черты национального характера, что говорит о вкладе Чосера в формирование английской национальной идентичности. Так, в образе Чосера-пилигрима обнаруживаются склонность к остроумной самокритике, использование иронии как основной составляющей юмора (английский юмор): на просьбу трактирщика рассказать что-нибудь «поскоромней» Чосер отвечает, что «ему это не по силам», и добавляет: *...вот разве что стишок один я вспомню*⁵¹, что говорит о присущем этому персонажу тонком юморе. Далее, когда трактирщик с нетерпением прерывает его рассказ в стихах, он предлагает поведать слушателям о Мелибее, и называет этот длинный поучительный рассказ — 922 строки — «безделкой в прозе», что можно воспринять лишь с иронией. О ценностях семейной жизни рассказывает Батская ткачиха, стремящаяся создать новую семью после смерти каждого мужа: *...мне послана отрада / Пяти мужьям женою верной быть*⁵². Любовь к родной стране показана через старинные предания, легенды: *В дни короля Артура / По всей стране звучало эльфов пенье; / Фей королева со своею свитой, / В лесах водила эльфов хоровод...*⁵³. Легенда о жизни короля Артура, эльфы, феи — персонажи английской мифологии — являются исключительно национальным символом. Все это делает текст Чосера очень «английским», узнаваемым, отличным от любого другого текста того времени.

Эпоха Предвозрождения характеризовалась ростом национального самосознания и использованием *национальных языков* при создании литературных

⁴⁷ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 13.

⁴⁸ Там же. С. 14.

⁴⁹ Там же. С. 118.

⁵⁰ Там же. С. 14, 117.

⁵¹ Там же. С. 232.

⁵² Там же. С. 318.

⁵³ Там же. С. 352–353.

произведений. До XIV в. официальным языком в Англии был французский. Коренное население говорило в быту на англосаксонском языке, в церковных кругах пользовались латынью. Рост национального самосознания и становление национального языка — сложный процесс, который отобразил Дж. Чосер, используя в своем произведении родной язык. Чосер писал на английском Лондона, который к XIV в. возобладал над другими диалектами, став основой национального литературного языка. Л. Бенсон отмечает преобладание у Чосера форм лексических единиц восточно-центрального диалекта, лежащего в основе лондонского диалекта, наряду с которыми встречаются формы кентского и юго-западного диалектов: прилагательные *bisy*, *besy*, *busy*; существительные *chirche* / *cherche* (church), *highte* / *heghte* (height), *burthe* / *birthe* (birth), *honde* / *hande* (hand) и т.д. [14]. Среднеанглийский язык, которым написаны «Кентерберийские рассказы», — это закономерность эпохи становления английского национального самосознания, и другим способом выразить этот онтологический и экзистенциальный импульс было невозможно. Чосер писал произведение *о народе* и *для народа*: лучше и яснее, чем на родном языке, такой фундаментальный замысел реализовать было нельзя. Поэтому текст Чосера является запечатлением онтологического опыта; его языковое пространство вызывает в читателе переживание подлинности и интенсивности, что позволяет рассматривать «Кентерберийские рассказы» в качестве *текста-первоисточника национального английского языка*.

Вместе с тем Чосер, отлично владевший английскими диалектами, использовал их в речи некоторых персонажей, что делает текст более живым и реалистичным. Так, студенты Алан и Джон из рассказа Мажордома являются уроженцами севера страны: *...родились / На севере, но места их рожденья / Я в точности не знаю, к сожаленью*⁵⁴, в их речи звучит северный диалект: *Alan the clerk in all this melody / Gave John a poke and said, 'Are ye awake? / Did ye ever hear sich sang for guidness sake? / There's family prayers for ye among they noddies! / Wild fire come doon and burn them up, the bodies!*⁵⁵.

Чосер стал реформатором в области стихосложения, автором особого типа строфы — чосеровой, или английской, состоящей из семи строк, написанной ямбическими пентаметрами по схеме *ababbcc*. Чосеровой строфой изложен рассказ Студента о многострадальной Гризельде. Символично, что именно в уста Студента вкладывает поэт стихи, написанные английской строфой: на наш взгляд, Студент — образец нового типа ученого, всецело посвящающий себя науке, открытый новому знанию, поэтому он говорит у Чосера «новым языком»:

---

⁵⁴ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 151.

⁵⁵ Chaucer Geoffrey. The Canterbury tales. URL: http://The_canterbury_tales_penguin_classics_by_geoffrey_chaucer_nevill_coghill_z-lib.org.pdf (accessed: 17.05.2025). P. 148.

*Upon the western shores of Italy
Where Monte Viso lifts into the cold,
There lies a plain of rich fertility
With many a town and tower to behold,
Built by their forefathers in days of old,
And other lovely things to see in legion.
Saluzzo it is called, this splendid region...*⁵⁶

—
*На Западе Италии, у ската
Холодного Весула, край лежит,
Плодами пашен и садов богатый,
Он городами древними покрыт,
И путника его цветущий вид
Всечасно приглашает оглянуться,
Название края этого — Салуццо...*⁵⁷

Смещение фокуса внимания на личностную проблематику породило авторство. Исследователи отмечают резко возросшее число авторских текстов в сравнении с литературой Средневековья, отличавшейся анонимностью или приглушенностью индивидуального начала⁵⁸.

У Чосера отчетливо виден авторский стиль — *система этических установок, композиционных, языковых особенностей — чосеровский образ мира — авторский код* [25] — то, что позволило авторам-потомкам (П. Догерти. «*Canterbury tales of mystery and murder*»; П. Акройд. «*The Clerkenwell tales*») назвать Дж. Чосера знаковым для своих произведений писателем, а его «Кентерберийские рассказы» определить как веховое произведение не только английской, но и ряда иностранных литератур [2].

В «Кентерберийских рассказах» Чосер ориентируется на читательскую аудиторию, поднимает тему творчества и авторского предназначения. Чосер в тексте многократно обращается к читателю. Так, в рассказе Сквайра — желание порадовать читателя рассказом о любви, заставить его забыть про все напасти: *...я почту за счастье, / Коль мой рассказ по вкусу будет вам / И всем достопочтенным господам*⁵⁹. В рассказе Франклина — обращение к читателю с целью направить его по пути нравственного поиска: *...вам, господа, вопрос один задам: / Скажите, самым благородным вам / Кто показался?*⁶⁰. В рассказе второй Монахини — просьба дописать рассказ или исправить

---

⁵⁶ *Chaucer Geoffrey*. The Canterbury tales. URL: http://The_canterbury_tales_penguin_classics_by_geoffrey_chaucer_nevill_coghill_z-lib.org.pdf (accessed: 17.05.2025). P. 384.

⁵⁷ *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 412.

⁵⁸ История русской литературы X–XVII вв. / под ред. Д.С. Лихачева. Москва : Просвещение, 1979. С. 377.

⁵⁹ *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 501.

⁶⁰ Там же. С. 557.

его, — это уже посыл к будущим поколениям читателей, попытка автора выстроить диалог с читателем: *У вас, читатели, прошу прощенья / За то, что неискусен мой рассказ, / Но я его пересказал для вас, / Легенде следуя, ее словами. / Коль плох мой труд, его исправьте сами*⁶¹; в рассказах Врача, Купца, написанных на суетные, житейские темы, — призыв автора искать наставленья, назидание; в Отречении Чосера (*Chaucer's retractions*) — прямое обозначение просветительской авторской миссии: *For our Book says "all that is written is written for our doctrine" and that is my intention*⁶².

Несмотря на то, что языковые барьеры могут препятствовать восприятию литературы, тем не менее есть тексты, воспринимаемые как классические далеко за пределами национальных литератур. Чосер безусловно относится к таким авторам. В русской культуре имя Чосера стало известным в 20-е – 30-е гг. XIX в., — тогда о нем упомянул в А.С. Пушкин, назвав «творцом шутиливых повестей», поставив в один ряд с Боккаччо, Лафонтеном, Байроном, понимая его значение в культуре Англии и в мировой литературе⁶³.

Переводы «Кентерберийских рассказов» в России неоднократно издавались в XIX и XX вв.: перевод Ф.И. Шау, 1859; перевод Д. Минаева, 1875; И.А. Кашкин и О.Б. Румер, 1946 г., — классический перевод текста Дж. Чосера; Т. Попова дополнила данный перевод, и в 2007 г. он был переиздан. Переводы «Кентерберийских рассказов» издаются в России большими тиражами, что свидетельствует о востребованности текста Дж. Чосера разными поколениями российских читателей. По мнению Х. Блума, писатели, как Чосер, являют собой феномен непревзойденного литературного совершенства, интеллектуального, образотворческого и метафорического, способного торжествовать над любым переводом и подчинять себе *любую* область культуры⁶⁴. Так, в 2000 г. был создан кукольный рисованный фильм «Кентерберийские рассказы» режиссера Аиды Зябликовой. В 2015 г. в Санкт-Петербурге был исполнен совместный проект «Открытой сцены» и театра «ТРУ» в рамках фестиваля «Точка доступа: театр в городе» — спектакль «Кентерберийские рассказы». История, рассказанная Чосером, интерпретировалась на новый лад: к известным книжным событиям прибавились новые, ведь за это время в Кентербери их произошло много; действие спектакля разворачивается

---

⁶¹ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. Москва : Изд-во АСТ, 2024. С. 561.

⁶² Перевод наш: *Ибо в нашей Книге сказано: «Всё написанное написано для нашего учения», и это моё намерение.* Цит. по: *Chaucer Geoffrey. The Canterbury tales.* URL: http://The_canterbury_tales_penguin_classics_by_geoffrey_chaucer_nevill_coghill_z-lib.org.pdf (дата обращения: 17.05.2025). P. 575.

⁶³ Цит. по: Пушкин и Чосер. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-378.htm> (дата обращения: 02.11.2025).

⁶⁴ Цит. по: Блум Х. Шекспир как центр канона: Глава из книги «Западный канон». <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/12/shekspir-rfr-czentr-kanona.html> (дата обращения: 03.09.2025).

в работающем гипермаркете, где к каждому зрителю прикрепляется свой актер, играющий специально для него; актеры и зрители совершают совместное паломничество к мощам святого Фомы Бекета⁶⁵. В 2022 г. в Томске проводились литературно-музыкальные вечера «„Кентерберийские рассказы“ Джеффри Чосера», на которых были представлены инсценировки новелл в сопровождении Муниципального музыкального камерного театра «Ренессанс», погружившие зрителей в эпоху Средних веков Западной Европы⁶⁶.

Спектр интерпретаций текста Чосера, насыщающих и питающих его интеллектуальное поле, расширяется. Каждая новая интерпретация, соприкосновение с другими языками обеспечивают диалог культур [25], удерживая этот классический текст в фокусе культуры.

В Италии в 1972 г. режиссер Пьетро Паоло Пазолини экранизировал «Кентерберийские рассказы»: объектом его внимания явились человеческие пороки и страсти, серьезный упадок церковных нравов, юмор и жизненный уклад Англии XIV в. Экранизация П. Пазолини показала, что и современный человек оказывается в таких же ситуациях и вынужден решать те же проблемы, что и герои произведения Чосера. В этом смысле «Кентерберийские рассказы», поднимающие «вечные» вопросы и апеллирующие к опыту, конституирующему природу человека, являются универсальным классическим текстом, обеспечивающим непрерывность культурного диалога [26. С. 267].

В Великобритании по мотивам «Кентерберийских рассказов» были созданы опера шотландского композитора Эрика Чисхолма (1961), а также мюзикл «Кентерберийские рассказы» (реж. М. Старки, текст Н. Когхилла, музыка Д. Хокинса и Р. Хилла, 1968). Они имели большой успех, особенно мюзикл, выдержавший 2080 представлений, благодаря искусному соединению чувственной и бытовой сторон человеческой жизни, а также морали, которую извлекает зритель. В 2006 г. появилась новая постановка «Кентерберийских рассказов» в театре Гилгуда, Лондон (реж. Майк Поултон и Грегори Доран). Эта версия «Рассказов» от Королевской шекспировской труппы объединяет в себе рэп-вступление, кукольный театр, театр теней, оперу и фарс. По мнению критиков, пьеса «вбирает в себя не только совершенно непристойное, но и глубоко трогательное, в ней есть духовность; а когда паломники добираются до Кентербери, трудно не заплакать»⁶⁷. Существует современная рэп-версия «Кентерберийских рассказов» канадского певца Баба Бринкмана,

⁶⁵ Кентерберийские рассказы. URL: <https://ptj.spb.ru/prensa/premiere/2015-2016/spb-open-stage-kenterberijskie-rasskazy/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁶⁶ Литературно-музыкальный вечер «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера. URL: <https://www.culture.ru/events/2451953/literaturno-muzykalnyi-vecher-kenterberiiskie-rasskazy-dzheffri-chosera> (дата обращения: 10.10.2025).

⁶⁷ Перевод наш. Цит. по: Previews: The Canterbury Tales, Gielgud Theatre, London. <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/theater-dance/features/previews-the-canterbury-tales-gielgud-theatre-london-6095583.html> (дата обращения: 15.10.2025).

в ее основу положены рассказы продавца индугенций, батской ткачихи, капеллана и купца, но тексты наполнены актуальным содержанием, имеют отсылки к сегодняшнему миру искусства и шоу-бизнеса⁶⁸. Таким образом, многократное переосмысление текста Дж. Чосера в различных видах искусства говорит о его понимании и принятии современной аудиторией.

Всплеск интереса к «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера, возникший на стыке тысячелетий, доказывает: в эпоху перемен и новых технологий публика вновь обращается к классическому произведению⁶⁹, написанному о человеке и для человека на все века [31]. И это обеспечивает диалогичность текста Чосера, его протяженность во времени. «Кентерберийские рассказы» выступают в этом отношении как текст-код, очень перспективный для непрерывного смыслопорождения, поскольку для читателя, слушателя или зрителя сквозь призму чосеровского мировосприятия явственно проступают черты современной реальности; уникальность текста Чосера в том, что он всегда актуален и помогает каждому новому поколению заглянуть вглубь себя, попытаться найти ответы на «вечные» жизненные вопросы.

Заключение

«Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера являются многоуровневой системой, вобравшей в себя архетипический, эпохальный, национальный, авторский коды. Архетипический код фиксирует бинарные архетипы, транслирующие основы культуры, «вечные» образы, тематику и проблематику, которые связывают многие поколения читателей. Эпохальный код сообщает ценности культуры Предвозрождения: «Кентерберийские рассказы» являются художественной моделью этой эпохи. Национальный код транслирует ценности культуры английской нации, зафиксированные Чосером на среднеанглийском языке. Авторский код Чосера — его образ мира — жанровая, стилистическая, идейно-образная неповторимая аура его текста. Наличие этих кодов позволяет рассматривать «Кентерберийские рассказы» как *классический* текст, вызывающий живой интерес у разных поколений читателей.

Временная дистанция наращивает культурную ауру текста Чосера, насыщает его новыми смыслами. То, что когда-то было откликом на злобу дня, утрачивает актуальность, однако онтологические и антропологические универсалии проступают рельефнее и выглядят убедительнее. Например, рассказ Слуги каноника об алхимии был своеобразным протестом Чосера против алхимиков-шарлатанов и имел сильный общественный резонанс: статут

---

⁶⁸ The Rap Canterbury Tales. URL: [https://openlibrary.org./books/OL821298M/The Rap_Canterbury_Tales](https://openlibrary.org./books/OL821298M/The_Rap_Canterbury_Tales) (accessed: 27.10.2025).

⁶⁹ Katz Brigit (5 February 2020). “A New App Guides Readers Through Chaucer’s ‘Canterbury Tales’”. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/new-app-guides-readers-through-canterbury-tales-180974134/> (accessed: 20.12.2025).

1403 г. о запрете «умножения золота и серебра» появился, предположительно, как реакция на событие, изложенное Чосером в тексте. Однако злободневность темы алхимиков со временем исчезла, обнажив «вечную» тему — знание и ответственность человека за его использование: по Чосеру, только Бог видит, употребит ли человек знание во имя добра или же во зло, поэтому тайна знания «известна Богу одному».

Итак, «Кентерберийские рассказы» необходимы новым эпохам, потому что они являются «текстом-кодом» — идеальным образцом для последующей интерпретации, порождающим другие культурные коды, открывающим разные смыслы. Это и есть феномен диалога культур: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера выполняют коммуникативную функцию, приводя в движение сознание читателя / зрителя / слушателя многих стран и эпох. «Кентерберийские рассказы» — перспективный ресурс для других текстов культуры: цитаты, аллюзии, композиционная конструкция, сюжетные линии, типы героев, возобновляясь в новом контексте, сохраняют отчетливую связь с первоисточником и развивают вневременной диалог культур. И в этом — универсальность и вечность произведения Дж. Чосера.

Список литературы

1. *Гарднер Дж.* Жизнь и время Чосера / пер. с англ.; предисл. З. Гачечиладзе. Москва : Радуга, 1986.
2. *Акройд П.* Чосер / пер. с англ. Е. Осеневой. Москва : КоЛибри, 2011.
3. *Горбунов А.Н.* Чосер средневековый. Москва : Лабиринт, 2010.
4. *Кашкин И.А.* Для читателя-современника : статьи и исследования. Москва : Советский писатель, 1977. С. 221–255.
5. *Bloom Harold.* The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York : Harcourt Brace, 1994. P. 105–127.
6. *Мосолкина Т.В.* Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 58–63. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>.
7. *Смутькевич А.А.* Основные направления творческого поиска Джеффри Чосера // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 20–26. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63> EDN: SZROQC
8. *Винокурова Т.Н., Бахтурин В.В.* Жизнь английского средневекового общества по «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера // Лингвокультурологические особенности иноязычного дискурса : сборник научных трудов. Омск : Омский государственный технический университет, 2018. С. 29–37. EDN: TUUDED
9. *Морозов А.А.* Джеффри Чосер — автор и персонаж «Кентерберийских рассказов» // Союз криминалистов и криминологов. 2017. № 1–4. С. 173–176. EDN: XZBDUD
10. *Яблонская О.В.* Купцы и ремесленники «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 3–1. С. 5–12. EDN: YPMDCT
11. *Штульберг А.М.* Культурологическая специфика английского гуманизма (сравнительная характеристика «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера и «Декамерона» Джованни Боккаччо): специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат дис. ... канд. культурологии. Москва, 2008. EDN: ZNUICV

12. Рыбакова О.Г. Парадоксы личности Джеффри Чосера в социокультурной среде средневековой Англии // Омский научный вестник. 2008. № 5 (72). С. 258–259. EDN: KNWWKR
13. Гачечиладзе З.Г. Джеффри Чосер и пути развития английского ренессанса : специальность 10.01.05 : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1991. 70 с. EDN: ZKOQIB
14. The Riverside Chaucer / ed. by L. Benson. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1327 p.
15. Мелентьева О.А. Словари рифм Чосера: принципы построения // Казанская наука. 2020. № 10. С. 79–81. EDN: VFVGCQ
16. Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 512 с.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. С. 14–285.
18. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва : Гнозис, 2003.
19. Валикова О.А. Архетипика романа А. Жаксылыкова «Поющие камни» // Наука и образование: проблемы и тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 частях. Уфа, 20–21 декабря 2013 года / редкол. Т.С. Искужин (отв. редактор), М.Х. Идельбаев, Г.А. Кабакович, Г.Ш. Зайнуллина, Т.А. Тухватуллин, М.Б. Абакачева, О.Б. Нигматуллин (отв. секретарь). Уфа : Автономная некоммерческая организация «Исследовательский центр информационно-правовых технологий», 2013. С. 313–317.
20. Яковлева С.В. Единицы кодов культуры и их роль в формировании национального культурного пространства коренных народов России : на материале космонимов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 398–412. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-398-412> EDN: ADOUZK
21. Маслова В.А. Коды лингвокультуры. Москва : ФЛИНТА: Наука, 2018.
22. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука-Аттикус, 2014. (Культурный код). EDN: YXLHAW
23. Валикова О.А. Межкультурная коммуникация в художественном измерении / О.А. Валикова, У.М. Бахтиреева, В.П. Синячкин // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума, Сочи, 16–17 октября 2017 года / Редколлегия : Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова [и др.]. Сочи: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. С. 253–258.
24. Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 томах. Т. 5. Москва, 1997. С. 306–327. EDN: PUEVZB
25. Худолей Н.В. Классический текст культуры как система коммуникативного кодирования: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2017. EDN: WZDVCZ
26. Михайлова М.В. Эстетика классического текста. СПб. : Алетейя, 2012.
27. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. С. 14–285.
28. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Эксмо. 2014. ISBN 978-5-699-75931-6 EDN: IAGLZD
29. Benson S.D. The Canterbury Tales: personal drama or experiments in poetic variety? // The Cambridge Companion to Chaucer / ed. by P. Boitany. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.
30. Худолей Н.В. Восток и Запад: культура, ментальность, литература (на примере сравнительного анализа художественных текстов средневековья) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 8. С. 231–235. EDN: SNFCTH
31. Agbabi P. Telling Tales. London: Faber and Faber. 2014.

References

1. Gardner, J. 1986. *The Life and Times of Chaucer*. Moscow: Raduga publ. (In Russ.)
2. Ackroyd, P. 2011. *Chaucer*. Moscow: KoLibri publ. (In Russ.)

3. Gorbunov, A.N. 2010. *Medieval Chaucer*. Moscow: Labyrinth publ. (In Russ.)
4. Kashkin, I.A. 1977. *For the Contemporary Reader: Articles and Research*. Moscow: Sovetsky Pisatel publ. (In Russ.)
5. Bloom, Hd. 1994. *The Western Canon: The Books and School of the Ages*. New York: Harcourt Brace, pp. 105–127. ISBN 0-15-195747-9
6. Mosolkina, T.V. 2020. “Everyday Reality of England in Fiction and Historical Sources of the 14th–15th Centuries.” *Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, Vol. 20, no. 1, pp. 58–63. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63> (In Russ.) EDN: SZROQC
7. Smulkevich, A.A. 2015. “The Main Directions of Geoffrey Chaucer’s Creative Search.” *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*, no. 2, pp. 20–26. (In Russ.) EDN: TUUDED
8. Vinokurova, T.N. and V.V. Bakhturin. 2018. Life of English Medieval Society According to Geoffrey Chaucer’s “The Canterbury Tales”. In *Lingvocultural Features of Foreign-Language Discourse: Collection of Scientific Papers*. Omsk: Omsk State Technical University, pp. 29–37. (In Russ.) EDN: XZBDUD
9. Morozov, A.A. 2017. “Geoffrey Chaucer as Author and Character of ‘The Canterbury Tales’.” *Union of Criminologists*, no. 1–4, pp. 173–176. (In Russ.) EDN: YPMDCT
10. Yablonskaya, O.V. 2019. “Merchants and Craftsmen of ‘The Canterbury Tales’ by Geoffrey Chaucer.” *Culture and Civilization*, vol. 9, no. 3–1, pp. 5–12. (In Russ.) EDN: AKNPFH
11. Shtulberg, A.M. 2008. *Cultural Specificity of English Humanism (Comparative Characteristics of Geoffrey Chaucer’s Canterbury Tales and Giovanni Boccaccio’s Decameron)*: Specialty 24.00.01 “Theory and History of Culture.”: Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Cultural Studies. Moscow. (In Russ.) EDN: ZNUICV
12. Rybakova, O.G. 2008. “Paradoxes of Geoffrey Chaucer’s Personality in the Sociocultural Environment of Medieval England.” *Omsk Scientific Bulletin*, no. 5, pp. 258–259 (In Russ.) EDN: KNWWKR
13. Gachechiladze, Z.G. 1991. *Geoffrey Chaucer and the Development Paths of the English Renaissance*: Specialty 10.01.05: Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences. Tbilisi. (In Russ.) EDN: ZKOQIB
14. *The Riverside Chaucer*. 2008. 3rd ed. Edited by L. Benson. Oxford: Oxford University Press publ.
15. Melentyeva, O.A. 2020. “Chaucer’s Rhyme Dictionaries: Principles of Construction.” *Kazan Science*, no. 10, pp. 79–81. (In Russ.) EDN: VFVGCQ
16. Barthes, R. 2004. *The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture*. Moscow: Sabashnikov publ. (In Russ.)
17. Lotman, Yu.M. 2005. *The Structure of a Literary Text. On Art*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb. publ. (In Russ.)
18. Krasnykh, V.V. 2003. ‘One’s Own’ among ‘Strangers’: Myth or Reality? Moscow: Gnozis publ. (In Russ.)
19. Valikova, O.A. 2013. “Archetypes of A. Zhakhsylykov’s novel ‘Singing stones’.” In Science and education: problems and development trends” In *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 3 parts*. Ufa: Autonomous Non-Profit Organization Research Center for Information and Legal Technologies, pp. 313–317. (In Russ.)
20. Yakovleva, S.V. 2022. “Cultural Code Units and Their Role in Formation of the National Cultural Space of the Indigenous Peoples of Russia: Based on Cosmonyms.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 3, pp. 398–412. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-398-412> (In Russ.) EDN: ADOUZK
21. Maslova, V.A. 2018. *Codes of Linguistic Culture*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. EDN: COXULF (In Russ.)
22. Lotman, Yu.M. 2014. *Inside the Thinking Worlds*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus publ. (Cultural Code). (In Russ.)

23. Valikova, O.A. 2017. "Intercultural communication in the artistic dimension." O.A. Valikova, Bakhtikireeva, U.M., and V.P. Sinyachkin. *Text of culture and culture of the text: Proceedings of the IV International Pedagogical Forum*. Sochi: Society of Teachers of Russian Language and Literature, pp. 253-258. (In Russ.) EDN: YXLHAW
24. Bakhtin, M.M. 1997. *The Problem of Text. Bakhtin M.M. Collected Works*. In 7 volumes. Vol. 5. Moscow publ. (In Russ.) EDN: PUEVZB
25. Khudolei, N.V. 2017. *Classic Text of Culture as a System of Communicative Coding: Specialty 24.00.01 "Theory and History of Culture"*: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Cultural Studies. Ulan-Ude. 23 p. (In Russ.) EDN: WZDVCZ
26. Mikhailova, M.V. 2012. *Aesthetics of the Classical Text*. St. Petersburg: Aletya publ. (In Russ.)
27. Lotman, Yu.M. 2005. *The Structure of the Fiction Text. On Art*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. publ. (In Russ.)
28. Bakhtin, M.M. 2014. *The Works by François Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Eksmo publ. ISBN 978-5-699-75931-6 (In Russ.) EDN: IAGLZD
29. Benson, S.D. 2003. *The Canterbury Tales: personal drama or experiments in poetic variety?* The Cambridge Companion to Chaucer / Ed. by P. Boitany. Cambridge: Cambridge Univ. Press publ.
30. Khudolei, N.V. 2014. "East and West: Culture, Mentality, Literature (Based on the Comparative Analysis of Medieval Fiction Texts)." *Vestnik of KrasSAU*, no. 8, pp. 231–235. (In Russ.) EDN: SNFCTH
31. Agbabi, P. 2014. *Telling Tales*. London: Faber and Faber publ.

Сведения об авторах:

Худолей Наталья Викторовна — кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89. ORCID: 0000-0001-6574-6362; eLibrary SPIN-код: 2888-5952. E-mail: nvkkaf@mail.ru.

Исаева Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89. ORCID: 0009-0008-3888-838X; eLibrary SPIN-код: 5398-4822. E-mail: isaevatb@kspu.ru.

Лефлер Наталья Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89. ORCID: 0009-0001-0016-6882; eLibrary SPIN-код: 8927-5652. E-mail: natalefler@kspu.ru.

Bio notes:

Natalia V. Khudolei is a Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the English Language Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoi St, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6574-6362; eLibrary SPIN-code: 2888-5952. E-mail: nvkkaf@mail.ru

Tatiana B. Isaeva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Language Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoi St, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-3888-838X, eLibrary SPIN-код: 5398-4822. E-mail: isaevatb@kspu.ru.

Natalia O. Lefler is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Language Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoi St, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-0016-6882; eLibrary SPIN-код: 8927-5652. E-mail: natalefler@kspu.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-172-191

EDN: IALFAU

Научная статья / Research article

У истоков письменной нормы: диалектизмы в вепсских стихах Н.В. Абрамова конца 1980-х — начала 1990-х гг.

М.Ю. Кузнецов^{id}

Казанский научный центр Российской академии наук, *Казань, Российская Федерация*,
Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*,
✉ kuzur0712@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены характерные для стихов вепсского поэта Н.В. Абрамова диалектные черты, обусловленные его происхождением из дер. Ладва Подпорожского района Ленинградской области, коренные жители которой говорят на среднем диалекте вепсского языка. Ранее в прибалтийско-финской филологии подобного исследования не предпринималось, что делает данную работу актуальной. Цель — выявить, какие именно диалектные черты можно обнаружить в поэзии Н.В. Абрамова, какие из них были скрыты литературной правкой, а какие остались без изменения и почему. Диалектизмы в стихах Н.В. Абрамова конца 1980-х — начала 1990-гг. в основном рассматриваются на материале публикаций в сборнике *Koumekümne koume* («Тридцать три», Петрозаводск, 1994), ранних номерах газеты *Kodima* и в выпусках журнала *Punalippu/Carelia*, вышедших на рубеже десятилетий. Так как современная петрозаводская письменная норма вепсского языка в то время только формировалась, анализ указанных стихотворений в разных источниках (и их трансформаций от издания к изданию) позволяет внести ясность в ход её становления. В исследовании применялись сравнительный, описательный и текстологический методы. Выявлено, что многие ладвинские диалектизмы в стихах Николая Абрамова, в частности в рифмах, оказались скрыты литературной правкой, однако внимательный лингвистический анализ текстов с привлечением сведений из диалектологии и литературоведческий анализ особенностей рифмы в творчестве поэта в большинстве случаев позволяют восстановить, как сочинённые им стихотворные строки выглядели изначально. Вместе с тем отмечено, что принесение отдельных рифм в жертву литературной правке явилось неизбежной издержкой в деле становления вепсской письменной нормы, без которой вряд ли можно было бы говорить о создании единого для всех вепсов литературного языка и литературной традиции, начало которой во многом и положил именно Н.В. Абрамов.

Ключевые слова: вепсский язык, вепсская литература, вепсская поэзия, нормы младописьменных языков, становление письменной нормы, литературная правка

История статьи: поступила в редакцию 04.03.2025; принята к печати 06.05.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кузнецов М.Ю.* У истоков письменной нормы: диалектизмы в вепсских стихах Н.В. Абрамова конца 1980-х — начала 1990-х гг. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 172–191. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-172-191> EDN: IALFAU

© Кузнецов М.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

At the Beginning of the Written Norm: Dialectisms in N.V. Abramov's Vepsian Poems of late 1980s — early 1990s

Maksim Yu. Kuznetsov

Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation,
RUDN University, Moscow, Russian Federation,
✉ kuzur0712@yandex.ru

Abstract. The study examines the dialectal features of the poems of the Vepsian poet N.V. Abramov, due to his origin from the village of Ladva of the Podporozhsky district of the Leningrad region, the indigenous inhabitants of which speak the middle dialect of the Vepsian language. It was not previously attempted in Finnic philology and makes this work relevant. The aim of this study is to identify, which dialectal features can be found in the poetry of N.V. Abramov, which of these features were hidden by literary editor, and which remain unchanged, and to understand why. Dialectisms in N.V. Abramov's poems of the late 1980s — early 1990s are mainly considered on the material of publications in the collection “Koumekümne koume” (“Thirty-three”, Petrozavodsk, 1994), early issues of the newspaper “Kodima” and in the issues of the magazine “Punalippu”/“Carelia” published on the turn of the decades. Since the modern Petrozavodsk written norm of the Vepsian language was just being formed at that time, the analysis of these poems in various sources (and their transformations from one edition to another) allows us to clarify the course of its formation. The study uses comparative, descriptive methods and method of textual analysis. It has been revealed that a number of Ladva dialectisms in the poems of Nikolai Abramov, in particular in rhymes, turned out to be hidden by literary editing, however, a careful linguistic analysis of texts involving information from dialectology and a literary analysis of the features of rhyme in the poet's work in most cases allow us to restore how the poetic lines composed by him looked originally. At the same time, it is noted that sacrificing individual rhymes to literary editing was an inevitable cost in the formation of the Vepsian written norm, without which it would hardly be possible to talk about creating a literary language and literary tradition that is uniform for all Vepsians, the beginning of which was largely laid by N.V. Abramov.

Key words: Vepsian language, Vepsian literature, Vepsian poetry, norms of young written languages, formation of written norms, literary correction

Article history: received 04.03.2025; accepted 06.05.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kuznetsov, M.Yu. 2026. “At the Beginning of the Written Norm: Dialectisms in N.V. Abramov's Vepsian Poems of late 1980s — early 1990s.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 172–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-172-191> EDN: IALFAU

Введение

Николаю Викторовичу Абрамову (1961–2016), уроженцу простой крестьянской семьи из дер. Ладва Подпорожского района Ленинградской области (на современных картах — группа деревень вокруг дер. Казыченская), выпала редкая удача стать одним из значимых литераторов своего народа — вепсов. В известном смысле он ещё при жизни стал литературным символом своего

народа, таким как для русских (и, шире, русскоязычных) является А.С. Пушкин, для татар — Г. Тукай, для башкир — М. Карим, для удмуртов — К. Герд, а для карел — В. Брендоев. Николай Абрамов одним из первых стал писать и публиковать стихи на вепсском языке в период возрождения его письменности, начавшегося с конца 1980-х гг., и навсегда вошёл в историю вепсской литературы как человек, стоявший у её истоков и введший язык своего народа в круг языков, на котором создаются заметные литературные произведения. Как отмечает известный исследователь вепсского языка, литератор и переводчик Н.Г. Зайцева, «Николай Абрамов, прежде всего, показал нам, как надо писать. Он нам показал, как красив и звучен наш язык» [1. С. 16]. «Он впитал в себя всё, чем богато было его село, став поистине народным вепским поэтом, любимым и читаемым, которому, к сожалению, была отмерена короткая жизнь, всего 55 лет» [2. С. 438]. Три первые номера газеты *Kodima*, тогда ещё обозначавшейся как спецвыпуск газеты «Прионежье», украшены именно его стихотворениями¹; ему же принадлежит и первое отдельное поэтическое издание на вепсском языке — сборник стихов *Koumekümne koume* («Тридцать три»)², который «и стал той ласточкой, которая делает лето» [3. С. 60]. Интересно, что первоначально поэт хотел назвать свой первый сборник стихов *Kodiman poig* («Сын родины»)³, по названию своего самого объёмного стихотворения на вепсском языке из ранних, но в итоге это название получил цикл «взрослых» стихотворений в сборнике *Koumekümne koume*.

Николай Абрамов пришёл в литературу русскоязычным поэтом в 1984 г., когда его стихи впервые были опубликованы в районной газете Подпорожского района «Свирские огни» [4. С. 318]⁴. Писать стихи он начал, «лёжа в больнице со сломанными ногами». Сам Николай говорил об этом так: «*Aloitin kyllä myöhään, 19-vuotiaana sairaaloita potilaana kiertäessäni. Kirjoitin venäjäksi, sillä vepsä oli silloin virallisista kuvioista pois pyyhitty kieli*»⁵ (перевод с фин-

¹ *Abramov N. Kaivoine // Kodima. 1993. No. 1. P. 3 = Абрамов Н. Колодец // Родина. 1993. № 1. С. 3; Abramov N. Kalas // Kodima. 1993. No. 2. P. 4 = Абрамов Н. На рыбалке // Родина. 1993. № 2. С. 4; Abramov N. Lekam cerkvoile ristad // Kodima. 1993. No. 3. P. 1 = Абрамов Н. Поднимем на церкви кресты // Родина. 1993. № 3. С. 1.*

² *Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. 54 p = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. 54 с.*

³ *Abramov N. Kodite ; Sinun käded — kuti koivun barbad ; Minä kolen, konz langetas lehtud ; Varastan sindai ; Astun mecha... ; Vanh koir ; Minun päiväd — kuti keväz'joged... // Carelia. 1992. No. 8. P. 100 = Абрамов Н. Родная дорога ; Руки твои — словно ветви берёз ; Я умру, когда опадут листья ; Жду тебя ; Иду в лес... ; Старая собака ; Мои дни — как лесные реки // Карелия. 1992. № 8. С. 100.*

⁴ Люди. Времена. Родная сторона: Подпорожские писатели, поэты и краеведы: библиографический указатель. Подпорожье : Подпорожская центральная районная библиотека, 2021. С. 7.

⁵ *Abramov N. Kodite ; Sinun käded — kuti koivun barbad ; Minä kolen, konz langetas lehtud ; Varastan sindai ; Astun mecha... ; Vanh koir ; Minun päiväd — kuti keväz'joged... // Carelia. 1992. No. 8. P. 100 = Абрамов Н. Родная дорога ; Руки твои — словно ветви берёз ; Я умру, когда*

ского: «Я начал [писать стихи] довольно поздно, 19-летним, когда пациентом ходил по больницам. Писал по-русски, так как вепский тогда был языком, вычеркнутым из официальных схем». — М. К.). Он «никогда не думал писать на своём родном языке, пока не встретился с филологом Ниной Зайцевой, которая уговорила его попробовать написать что-то на вепском. «С большим трудом дались мне эти строки, словно на иностранном языке писал. Потом стало проще. А теперь пишется легко, в своё удовольствие»», — рассказывал Н.В. Абрамов американскому журналисту в 1994 г.⁶

Писать на вепском языке Н.В. Абрамову было трудно, возможно, потому, что тогда, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в период, к которому относятся его первые поэтические произведения, новая письменная норма вепского языка была ещё недостаточно сформирована, — очень трудно писать, когда неизвестно, как правильно (а тем более когда такое знание в принципе ещё не выработано). Современная петрозаводская письменная норма вепского языка, разработанная главным образом практическими и теоретическими трудами Н.Г. Зайцевой, была явлена эксплицитно, в виде, доступном для сознательного освоения, только на рубеже веков: именно к этому времени относятся грамматические издания, заложившие вепскую письменную норму с точки зрения грамматики (грамматика для вузов в двух частях вышла в 1995 и 2000 гг., грамматика для школ — в 2003 г.); лексическую сторону нормативного вепского языка заложили словари Н.Г. Зайцевой и её коллег, первый из которых увидел свет в 1995 г. До появления этих трудов (а во многом, вероятно, и после) авторы с родным вепским языком родом из разных мест его распространения пытались писать в газету на своих диалектах, но их тексты подвергались редакторской правке Н.Г. Зайцевой, бывшей главным редактором газеты *Kodima* до 2001 г., — и по мере того, как представление о будущей письменной норме и желательных для неё фонетических и грамматических вариантах созревало в её работе, расхождений в текстах становилось всё меньше; именно так и вырабатывался общий для всех вепсов письменный вепский язык, использующийся в Карелии и частично за её пределами и поныне.

Приблизительно до середины 2010-х гг. Н.Г. Зайцева была редактором всей вепскоязычной литературы, поэтому редактором сборника стихов Н.В. Абрамова *Koumekümne koume* стала тоже она. Однако так как стихи (которые Н.В. Абрамов — по крайней мере поначалу — очевидно, писал на родном для него ладвинском говоре средневепского диалекта) в силу наличия в них особенностей ритмики и рифмы поддаются редакции в меньшей степени, чем проза, в текстах стихов из сборника *Koumekümne koume* осталось довольно

опадут листья ; Жду тебя ; Иду в лес... ; Старая собака ; Мои дни — как лесные реки // Карелия. 1992. No. 8. С. 100.

⁶ *Тиен Д.* В поисках вепсов / пер. с англ. С. Егорова // *Kodima*. 1994. No 8 (17), eloku (август). С. 2–3.

много диалектизмов — диалектных ладвинских фонетических и грамматических черт. В ряде случаев анализ рифмы в сочетании с языковыми данными других стихов даже даёт возможность восстановить первоначальный фонетический облик слова, использованного поэтом. Кроме того, благодаря тому, что в нашем распоряжении имеются публикации вепских стихов Н.В. Абрамова из петрозаводских журналов «Punalippu», «Carelia» и «Kipinä», выходящих преимущественно на финском языке, мы можем составить себе впечатление о том, как выглядели вепские стихи Н.В. Абрамова либо первоначально, либо после их первичной правки Н.Г. Зайцевой до публикации в сборнике *Koumekümne koume*. Эту работу можно рассматривать как филологическое исследование, продолжающее традиции лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН по исследованию поэтических текстов, созданных представителями народов России, как больших, так и малых (на эти темы лаборатория выпускает как монографии [5], так и отдельные статьи [6-8]).

Цель исследования — выявить, какие именно диалектные черты (воспринимаемые как таковые с позиций сегодняшнего дня, к которому петрозаводская письменная норма вепского языка уже сложилась) могут быть обнаружены в поэзии Н.В. Абрамова конца 1980-х — начала 1990-х гг., какие из этих черт были скрыты литературной правкой, а какие остались и по каким причинам.

Материалы и методы

Исследование проводится на материале публикаций стихов Н.В. Абрамова в сборнике *Koumekümne koume* («Тридцать три», Петрозаводск, 1994), ранних номерах газеты *Kodima* и в выпусках журнала «Punalippu»/«Carelia», вышедших на рубеже 1980-х — начала 1990-х гг., также привлекаются и другие источники в виде отдельных книг на вепском языке 1990-х и 2000-х гг., в которых публиковались стихи Н.В. Абрамова. В работе используются сравнительный, описательный методы, а также метод текстологического анализа.

Результаты и обсуждение

Сравнение публикаций одного из самых известных вепских стихотворений Н.В. Абрамова *Kaikuččel — ičeze mägi...* («У каждого своя гора») в журнале *Punalippu* (1989 г.), сборнике *Koumekümne koume* (1994 г.) и сборнике *Pagiškam, vel' l' / «Поговорим, брат»* (2005 г.) показало, что это стихотворение подвергалось последовательным редакционным изменениям. Эти изменения показаны в табл. 1.

Таблица 1. Сравнение текстов стихотворения Н.В. Абрамова
Kaikuččel — ičeze mägi... по разным источникам
 Table 1. Comparison of the texts of N.V. Abramov's poem
Kaikuččel — ičeze mägi... according to various sources

Kaikuččel — ičeze mec*	Kaikuččel — ičeze mec**	Kaikuččel — ičeze mec***
<i>Kaikuččel — ičeze mägi, Kaikuččel — ičeze koum... Tähtheižen homencuu nägen, Dengoid vuu kormanas om.</i>	<i>Kaikuččel — ičeze mägi, Kaikuččel — ičeze koum... Tähthaižen homencel nägen, Dengoid vö! kormanas om.</i>	<i>Kaikuččel — ičeze mägi, Kaikuččel — ičeze koum... Tähthaižen homencel nägen, Dengoid vö! kormanas om.</i>
Okha mi uradad nores, <i>Tuleb i miidennost mel'...</i> <i>Kaikuččel — ičeze dorog, Kaikuččel — ičeze kel'.</i>	Okha mö uradad nores, <i>Tuleb i meidennoks mel'...</i> <i>Kaikuččel — ičeze elo, Kaikuččel — ičeze kel'.</i>	<i>Jokstase janišad-voded, Pördamoiš kodinnoks mest. Kaikuččel — ičeze jogi, Kaikuččel — ičeze mec.</i>
<i>Jostasoi janišad-voded, Tulemei kodinnost mest. Kaikuččel — ičeze jogi, Kaikuččel — ičeze mec.</i>	<i>Jokstasoi janišad-voded, Tulemei kodinnoks mest. Kaikuččel — ičeze jogi, Kaikuččel — ičeze mec...</i> 1987	<i>Nores mö uradad olem, Tuleb i meidennoks mel'.</i> <i>Kaikuččel — ičeze elo, Kaikuččel — ičeze kel'.</i> 1987

*¹ Abramov N. Kaikuččel — ičeze mec ; Pihl' // Punalippu. 1989. No. 2. P. 46. = Абрамов Н. У каждого — свой лес ; Рябина // Красный флаг. 1989. № 2. С. 46.

**² Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaičeva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 6. = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 6.

***³ Abramov N. Pağiškam, vel'!'. Поговорим, брат / ред.: Н. Г. Зайцева. Петрозаводск : Периодика, 2005. С. 6.

Источники: составлено М.Ю. Кузнецовым / Sources: compiled by M.Yu. Kuznetsov.

Так как публикация 1989 г., по-видимому, не редактировалась, диалектные черты речи Н.В. Абрамова представлены в ней (если брать стихи) в наиболее чистом виде. Так, помимо того, что мы из неё узнаём, что это стихотворение 1987 г. первоначально называлось *Kaikuččel — ičeze mec* («У каждого свой лес»), мы видим, что в его первоначальном тексте присутствовали такие черты, как:

- 1) вокализация сочетаний «гласный + l» → *uu* (*homencuu*, *vu*, но не *kaikuččel*);
- 2) переход *ai* → *ei* (*tähtheižen*), *ei* → *ii* (*miidennost*), *au* → *ou* (*koum*);
- 3) упрощение группы согласных *ks* → *s* (*jostasoi*);
- 4) переход *ö* → *e* (*mest*);
- 5) диалектный облик отдельных служебных слов и местоимений (*okha*, *mi*);
- 6) показатель аппроксиматива II -*nnost* (*miidennost*, *kodinnost*);
- 7) форма 1 л. мн. ч. глагола на -*mei* (*tulemei*);
- 8) форма 3 л. мн. ч. глагола наст. вр. на -*tasoi* (*jostasoi*);
- 9) диалектная лексема *dorog*, заимствованная из русского языка, а также диалектная лексема *homenc*⁷.

⁷ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Ленинград : Наука, 1972. С. 128.

Это хорошо согласуется с особенностями среднего диалекта, описанными в виде списка И.В. Бродским⁸. После правки для сборника *Koumekümne koume* среди этих черт остались лишь немногие: осталось только слово *okha* ‘пусть’ (письм.: *olgha*), довольно часто встречающееся в поэзии Н.В. Абрамова, и те особенности, **изменение которых могло бы нарушить рифму и ритм**. Так, *koum* ‘могила’ (письм.: *kaum*) осталось потому, что оно зарифмовано с *om*, а *mest* ‘снова’ (письм.: *möst*) — потому, что оно зарифмовано с *tes* ‘лес’; остальные аналогичные черты устранены. Слово *dorog* заменено на *elo* ‘жизнь’, что приводит к некоторому изменению смысла, потере метафоры: «У каждого своя дорога» — «У каждого своя жизнь». Глагольные окончания — *-mei* и *-tasoi* остались в целях сохранения ритма.

Перед публикацией этого же стихотворения в сборнике *Pagiškam, vel'l'* с ним произошёл ещё ряд изменений (возможно, уже авторских). Окончание *-tasoi* заменено на *-tase* (хотя это, по-видимому, ещё менее распространённый вариант), а «проблемное» *tulemei* ‘придём’ — на *pördamoiš* ‘вернёмся’ (возвратное спряжение). Перестроена и фраза с *okha*. Что касается форм с показателями *-tasoi* и *-tase*, то ни та ни другая формы не зафиксированы ни в исследованиях [9; 10], ни в диалектной грамматике⁹, хотя форму на *-tasoi* автор данных строк слышал лично от сотрудницы Вепского центра фольклора в с. Винницы О.Г. Спирковой (уроженки с. Озёра, обозначаемого на картах как группа деревень вокруг дер. Лукинская). По устному свидетельству О.Г. Спирковой, «в Озёрах кому как нравится, тот так и говорит *-tehtas* или *tehtasoi*» (передано примерно. — М.К.). В [10. С. 225–227] приводятся формы на *-tasei*, *-dasei*, зафиксированные только в дер. Немжа (она же группа деревень вокруг дер. Кармановская). Можно предположить, что если формы на *-tasoi* / *-tasei* бытуют в территориально близких к Ладве оятских деревнях, то в Ладве может быть такая же. Это подтверждается тем, что она зафиксирована в речевом образце, записанном именно в Ладве: *küzeltasei* (причём там же видим и *sanotas*)¹⁰. В тексте записанной в Ладве сказки «Ukoine da razbainikad» («Старичок и разбойники») встречаются формы *pagištasoï* ‘разговаривают’, *ratasoï* ‘делают’ и *luktäsoï* ‘читают’ (но вместе с тем и *pagištast* ‘разговаривают’, *sanutaze* ‘говорят’ и *eletaze* ‘живут’)¹¹. В ладвинских текстах из финляндских сборников образцов вепской речи¹², записанных около 135

⁸ Бродский И.В. Самоучитель вепского языка. Санкт-Петербург: Эл. изд., 2008. С. 326–331.

⁹ Зайцева М.И. Грамматика вепского языка (фонетика и морфология). Ленинград: Наука, 1981. 360 с.

¹⁰ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепской речи. Ленинград: Наука, 1969. С. 36.

¹¹ Vepsän rahvhan sarnad. Вепские народные сказки / сост. Н.Ф. Онегина и М.И. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1996. С. 129.

¹² Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista / keränneet E.N. Setälä ja J.H. Kala; julkaissut ja suomentanut E.A. Tunkelo apunaan R. Peltola. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1951. (Suomalais-Ugrilaisen seuran toimituksia / Mémoires de la société finno-ougrienne: 100). P. 381–451.

и 90 лет назад соответственно (тексты из сборника, выпущенного в 1951 г., записывались Э.Н. Сетяля в 1888–1889 гг.¹³), форм 3 л. мн. ч. презенса на *-tasoi / -tasei* не обнаружено. Вероятно, эта загадочная форма является результатом смешения форм из простого и возвратного спряжений, причём относительно недавнего: *pestas* ‘моют’ + *pezesoi* ‘моются’ (форма отмечена именно как ладвинская в финляндской грамматике вепсского языка Р. Грюнталья¹⁴) = *pestasoi*.

Возвращаясь к анализу языка стихотворения, следует сказать, что оно, таким образом, от издания к изданию становится значительно «менее диалектным» и «более литературным». Обращает на себя внимание и то, что поменяны местами его вторая и третья строфы.

Теперь рассмотрим стихотворение *Pihl'* («Рябина») (табл. 2).

Во втором столбце — вариант этого стихотворения из книги для чтения *Lugem i pagizem vepsäks* 1991 г., для которой оно уже было отредактировано. В первом же столбце представлено стихотворение в его первоначальном виде, в котором мы наблюдаем:

1) *mid'a* с переднерядным гласным;

2) переход *ei* → *ii* (*siizud, niizne*), *au* → *ou* (*jougal*), *ou* → *uu* (*kuumekimne*), *ai* → *ei* (*minei*; в письменном языке *minei* – это форма аллатива (‘мне’), но здесь явно подразумевается форма адессива (письм.: *minai* ‘у меня’));

3) переход *ö* → *e* (*mest, leb, seb*);

4) переход *ü* → *i* в первом слоге некоторых слов (*ilähän, kuumekimne*, но не *sügüz*; Слово *kuumekimne* ‘тридцать’ (письм.: *koumekimne*) состоит из двух частей: *kuume* ‘три’ + *kimne* ‘десять’. Поэтому здесь имеет место быть переход *ü* → *i* в первом слоге второй части сложного слова);

5) вокализацию сочетания «гласный + v» → *ou* (*ahou*);

6) упрощение групп согласных *ks* → *s* (*jostas*) и *kt* → *tt* → *t* (*rustad*);

= Образцы прионежских и средневепских диалектов / собрали Э.Н. Сетяля и Ю.Х. Кала; издал и перевёл на финский язык Э.А. Тункело при помощи Р. Пелтолы. Хельсинки : Финно-угорское общество, 1951. (Издания Финно-угорского общества: 100). С. 381–451 ; Näytteitä vepsän murteista / keränneet ja julkaisseet L. Kettunen ja P. Siro. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. — (Suomalais-Ugrilaisen seuran toimituksia / Mémoires de la société finno-ougrienne: LXX). P. 85–100 = Образцы вепсских диалектов / собрали и издали Л. Кеттунен и П. Сиро. Хельсинки : Финно-угорское общество, 1935. — (Издания Финно-угорского общества: LXX). С. 85–100.

¹³ Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista / keränneet E.N. Setälä ja J. H. Kala; julkaissut ja suomentanut E.A. Tunkelo apunaan R. Peltola. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 1951. (Suomalais-Ugrilaisen seuran toimituksia / Mémoires de la société finno-ougrienne: 100). P. III = Образцы прионежских и средневепских диалектов / собрали Э.Н. Сетяля и Ю.Х. Кала; издал и перевёл на финский язык Э.А. Тункело при помощи Р. Пелтолы. Хельсинки : Финно-угорское общество, 1951. (Издания Финно-угорского общества: 100). С. III.

¹⁴ Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 2015. (Apuneuvoja suomalais-ugrialaisten kielten opintoja varten / Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen: XVII). P. 143 = Грюнталь Р. Вепсская грамматика. Хельсинки : Финно-угорское общество, 2015. (Пособия для изучения финно-угорских языков: XVII). С. 143.

- 7) диалектный облик местоимения *mina* ‘я’;
 8) показатель 3 л. мн. ч. глаголов наст. вр. *-tas (letas, jostas)*;
 9) диалектные слова *kutnä* ‘как’ (записано неточно), *bask* ‘красивый’ и *proidub* ‘пройдёт’, заимствованное из русского языка¹⁵.

Таблица 2. Сравнение текстов стихотворения Н.А. Абрамова *Pihl'* по разным источникам
 Table 2. Comparison of texts of N.A. Abramov's poem "Pihl'" according to various sources

Pihl' [*]	Pihl' ^{**}	Pihl' ^{***}
<i>Mid'a sižud jogen päl, Pal'hal joughal, pal'hal päl? Rustad marjad kanda mest, Kacub sinun päle mec...</i>	<i>Midä seižud jogen päl Pal'hal jaughal, pal'hal päl? Rusttad marjad kanda mest, Kacub sinun päle mec.</i>	<i>Midä seižud jogen päl Pal'hal jaughal, pal'hal päl? Rusttad marjad kanda mest, Kacub sinun päle mec.</i>
<i>Kut'na nižne sina bask, Kazvad čomas, mustas mas, Nägub rindal reboin händ, Letas kurged ilähän.</i>	<i>Kutnä neižne, sinä bask, Kazvad čomas mustas mas, Rindal nägub reboin händ, Kurged letas ülähän.</i>	<i>Kuti neižne, sinä bask, Kazvad čomas mustas mas, Rindal nägub reboin händ, Letas kurged ülähän.</i>
<i>Proidub sügüz', tuleb tal'v, Lankteb sinun vihand pal't, Ahov alastoman leb, Mecoi rustad marjad seb...</i>	<i>Mäneb sügüz', tuleb tal'v, Lankteb sinun vihand pal't. Ahav alastoman löb, Pühud rusttad marjad söb.</i>	<i>Mäneb sügüz', tuleb tal'v, Lankteb sinun vihand pal't. Ahav alastoman löb, Pühud rusttad marjad söb.</i>
<i>Voded jostas, kutna los, Minei — kuumekimne voz, Olin konz-se mina nor', Oli konz-se minei koir...</i>		1988

^{*} Abramov N. Kaikuččel — ičeze mec ; Pihl' // Punalippu. 1989. No. 2. P. 46. = Абрамов Н. У каждого — свой лес ; Рябина // Красный флаг. 1989. № 2. С. 46.

^{**} Zaiceva N., Mullonen M. Luges i pagizem vepsäks. Petroskoi : Karjala, 1991. P. 27. = Зайцева Н., Муллонен М. Читаем и говорим по-вепски. Петрозаводск : Карелия, 1991. С. 27.

^{***} Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 7. = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 7.

Источники: составлено М.Ю. Кузнецовым / Source: compiled by M.Yu. Kuznetsov.

Итак, звуковые явления, изменение которых не разрушило бы рифму, оказались исправлены (в том числе исправлены и оба слова в рифменной паре *leb – seb* → *löb — söb*), а слово *mest*, зарифмованное с *mec*, осталось в диалектном виде. Осталась и форма *letas* ‘летят’, так как её литературный вариант *lendaba*, который длиннее на один слог, разрушил бы ритм. Заменено слово *proidub*. Особо важно отметить формы *ilähän* и *kuumekimne*. Наблюдающееся в них фонетическое явление свойственно южному диалекту вепсского языка, на котором говорят в Бокситогорском районе Ленинградской области, но спорадически, в отдельных словах, встречается и в других говорах, в частности в Ярославичах и Мягозере (Миницкой) [10. С. 66–67]. В Ладве это явление не отмечено [10. С. 180–182], однако, если учесть, что мать поэта М.А. Абрамова

¹⁵ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Ленинград : Наука, 1972. С. 42, 250, 484.

родом из Мягозера¹⁶, можно сделать вывод, что эту языковую особенность Николай Викторович освоил от мамы.

Особый интерес представляет рассмотрение разных версий детского стихотворения *Kaivoine* («Колодец»), давшего название детскому циклу в сборнике *Koumekümne koume* (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение текстов стихотворения Н.В. Абрамова *Kaivoine* по разным источникам

Table 3. Comparison of texts of N.V. Abramov's poem "Kaivoine" according to different sources

Kaivoin*	
<p><i>Minä jätin pert'he vauktan paidan, Panin mustan, kuti kondin karv. Sanui tatoi, mīsto tari kaida Meile kahtes päiväs — süvä kaiv.</i></p> <p>Kaivamei, kaivamei kaikel kanzal kaivon, Lendamei ülähäks äjan pakušt mad. <i>Minä en unohta, kuti hüväd pajod, Nenidä päiveižid, okha jüged rad.</i></p>	<p><i>Taho löutud čoma, tatoi tezi, Rindal meiden armaz korged pert'... Toižeks ehtaks tuli kaivho vezi, Meile toi hän äjan hüväd mel't.</i></p> <p><i>Sel'gteine, sel'gteine vezi meiden kaivos, Okha ei lopte hän, kuni hengiš mö... Kaivoine, kaivoine, anda joda taivast, En lainda tähtheižid, okha vätas hö!</i></p>
Kaivoin**	
<p><i>Minä jätin pert'he vauktan paidan, Panin mustan, kuti kondjan karv. Sanui tatoi, mīše tariž kaida Meile kahtes päiväs süvä kaiv.</i></p> <p>Kaivamei, kaivamei kaikel kanzal kaivon, Lendamei ülähäks äjan pakušt mad. <i>Minä en unohta, kuti hüväd pajod, Nenidä päiväižid, okha jüged rad.</i></p>	<p><i>Taho löutud čoma, tatoi tezi, Rindal meiden armaz korged pert'... Toižeks ehtaks tuli kaivho vezi, Meile toi hän äjan hüväd mel't.</i></p> <p><i>Sel'kteine, sel'kteine vezi meiden kaivos, Okha ei lopte hän, kuni hengiš mö... Kaivoine, kaivoine, anda joda taivast, En lainda tähthaižid, okha vätas hö!</i></p> <p>1992</p>
Kaivoine***	
<p><i>Minä jätin kod'he vauktan paidan, Panin mustan, kuti kondjan karv. Sanui tatoi, mīše tariž kaida Meile kahtes päiväs süvä kaiv.</i></p> <p>Kaivam mö, kaivam mö kaikel kanzal kaivon, Lendam mö ülähäks äjan pakušt mad. <i>Minä en unohta, kuti hüväd pajod, Nenidä päiväižid, olgha jüged rad!</i></p>	<p><i>Taho löutud čoma, tatoi tezi, Rindal meiden armaz korged pert'!.. Toižeks ehtaks tuli kaivho vezi, Meile toi hän äjan hüväd mel't.</i></p> <p><i>Sel'ktaine, sel'ktaine vezi meiden kaivos, Olgha ei lopte hän, kuni hengiš mö... Kaivoine, kaivoine, anda joda taivast, En lainda tähthaižid, olgha vätas hö.</i></p>

^{*)} Abramov N. Kaivoine // Kodima. 1993. No. 1. P. 3. = Абрамов Н. Колодец // Родина. 1993. № 1. С. 3.

^{**)} Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 52. = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 52.

^{***)} Kottina A., Maksimov A., Zaiceva N. Meiden sana. Petroskoi : Periodika, 1998. P. 5. = Коттина А., Максимов А., Зайцева Н. Наше слово. Петрозаводск : Периодика, 1998. С. 5.

Источники: составлено М.Ю. Кузнецовым / Sources: compiled by M.Yu. Kuznetsov.

¹⁶ Земля родных людей. Вепсская земля: Ленинградская область. Подпорожский район: сборник / под общ. ред. Н.М. Ковальской и А.А. Сырова. Санкт-Петербург : Инкери, 2014. С. 139–140.

В третьем столбце представлен текст публикации этого стихотворения в сборнике для внеклассного чтения *Meiden sana*, в котором оно предстаёт уже в достаточно глубоко отредактированном виде. Однако есть основания считать, что слегка отредактирована уже его первая публикация в первом номере газеты *Kodima*: зарифмованные местоимения *mö* ‘мы’ и *hö* ‘они’ представлены в литературном виде, тогда как в средневепском диалекте они звучат как *mii* и *hii*¹⁷; так же и местоимение *meiden* ‘наш’ выглядит не так, как ожидалось бы в диалекте: *miiden*.

Итак, в первой публикации можно увидеть следующие диалектные особенности:

1) переход *au* → *ou* (*vouktan*), *äi* → *ei* (*päiveižid*, *tähtheižid*), *ai* → *ei* (*sel'gteine*);

2) диалектный облик некоторых грамматических слов (*mišto*, *tari*, *okha*);

3) диалектный (или, возможно, разговорный) облик основы слова *kondi* ‘медведь’, совпадающий с его начальной формой; в письменном языке основа *kondja-*;

4) форма 3 л. мн. ч. глагола наст. вр. на *-tas* (*vätas*) (здесь — внутри синтетической, то есть составной формы пов. накл. 3 л. мн. ч.);

5) составная форма повелительного наклонения 3 л. ед. и мн. ч. (*okha ei lopte*, *okha vätas*);

6) показатель формы 1 л. мн. ч. глагола *-mei* (*kaivamei*, *lendamei*);

В литературном языке вместо составных форм повелительного наклонения 3 л. *okha ei lopte* ‘пусть не кончается’, *okha vätas* ‘пусть играют’ следовало бы сказать *algha lopkoiš*, *väkaha*. Но подобные замены почти никогда не укладываются в ритм стихотворных строк, вследствие чего эта составная форма стала одним из наиболее характерных диалектизмов для поэзии Николая Абрамова. Та же форма встречается и в стихотворениях *Keskes hubad uned nousta...* / *Huba uni* (*okha/olgha muštištadas* ‘пусть вспоминают’, письм.: *muštištagma*; *okha/olgha var'joičeškab* ‘пусть охраняет’ (в составе этой формы Н.В. Абрамовым употреблён ещё и аффикс со значением будущего времени *-ška-* [9. С. 80]), письм.: *varjoikaha*)¹⁸, «Kodiman poig» (*okha/olgha nägub* ‘пусть виднеется’, письм.: *nägugaha* — интересно, что в публикации в журнале *Carelia* 1993 г. представлены варианты с *olgha*, а в публикации в сборнике *Koumekümne koume* возвращены варианты с *okha*, — возможно, это была

¹⁷ Бродский И.В. Самоучитель вепского языка. Санкт-Петербург: Эл. изд., 2008. С. 327.

¹⁸ Abramov N. Vihandas sarnas ; Kaivoine ; Napan' minun veneh... ; Mecoiden pajod ; Čoma mecha keväz'säl... ; Sügüz' ; Keskes hubad uned nousta... ; Jevdokija ; Kodiman poig // Carelia. 1993. No. 9. P. 30 = Абрамов Н. В зелёной сказке ; Колодец ; Сгнила моя лодка ; Песни леса ; Хорошо в лес по весенней погоде ; Осень ; Встать посреди дурного сна ; Евдокия ; Сын родины // Карелия. 1993. № 9. С. 30; Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 26 = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 26.

уступка редактора по настоянию самого поэта, привыкшего к варианту *okha* и считавшего его более близким себе)¹⁹, «Änikod» (*okha vänttudas* ‘пусть завянут’, письм.: *vänttugaha*; *okha ei taci* ‘пусть не выбрасывает’, письм.: *algha tackoi*; *okha mustištab* ‘пусть почернеет’, письм.: *mustištagha*)²⁰ и в др. Тем не менее тогда, когда два варианта этой формы равносложны, замена возможна. Так, в детском стихотворении *Orav* («Белка») читаем:

Elägaha näd!
Elägaha orav!

Elägaha = *okha eläb* ‘пусть живёт’, оба варианта здесь содержат по четыре слога. В этом виде эти строки представлены уже в публикации 1990 г.²¹, то же видим в сборнике *Lugem i pagizem vepsäks*²² и в сборнике *Koumekümne koume*²³. В стихотворении *Päcil* видим ту же форму в варианте *elägüha* (возможно, опечатка)²⁴. Аналитическая (т. е. простая, однословная) форма пов. накл. 3 л. не свойственна западным говорам среднего диалекта; в них, по наблюдениям Н.Г. Зайцевой, как раз употребляется составная конструкция с *okha* [9. С. 127].

Форма 1 л. мн. ч. глаголов на *-mei* сплошь характерна для западных говоров среднего диалекта, и в том числе для ладвинского говора. Она наиболее частотна на всей территории распространения вепсского языка, и именно она нормативна для старой вепсской письменной нормы 1930-х гг. (*Erasiš vepskijoiš tahoš radvaihed äilugos ez'mäšt' i tošt' mest' sanusoi agjanke -mai, -maa, -tai, -taa, -m, -t (astumai, astumaa, astutai, astutaa, astum, astut)*). *Literaturnijas keles otasoï agjad -mei i -tei*. ‘Отдельных вепсских местах глаголы во множественном числе первого и второго лица произносятся с окончанием *-mai, -maa, -tai, -taa, -m, -t (astumai, astumaa, astutai, astutaa, astum, astut)*; в литературном языке берутся окончания *-mei i -tei*’)²⁵ и «оятской» вепсской письменной

¹⁹ *Abramov N. Vihandas sarnas*; Kaivoine; Napan' minun veneh...; Mecoiden pajod; Čoma mecha keväz'säl...; Sügüz'; Keskes hubad uned nousta...; Jevdokija; Kodiman poig // Carelia. 1993. No. 9. P. 31 = *Абрамов Н. В зелёной сказке*; Колодец; Сгнила моя лодка; Песни леса; Хорошо в лес по весенней погоде; Осень; Встать посреди дурного сна; Евдокия; Сын родины // Карелия. 1993. № 9. С. 31; *Abramov N. Koumekümne koume* / red.: N. Zaičeva. Petroskoi: Karjala, 1994. P. 24–25 = *Абрамов Н. Тридцать три* / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 24–25.

²⁰ *Abramov N. Koumekümne koume* / red.: N. Zaičeva. Petroskoi: Karjala, 1994. P. 33–34 = *Абрамов Н. Тридцать три* / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 33–34.

²¹ *Abramov N. Jäniš*; *Orav*; *Kondi* // Kipinä. 1990. No. 2. P. 19 = *Абрамов Н. Заяц*; *Белка*; *Медведь* // *Искорка*. 1990. № 2. С. 19.

²² *Zaičeva N., Mullonen M. Lugem i pagizem vepsäks*. Petroskoi: Karjala, 1991. P. 9 = *Зайцева Н., Муллонен М. Читаем и говорим по-вепски*. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 9.

²³ *Abramov N. Koumekümne koume* / red.: N. Zaičeva. Petroskoi: Karjala, 1994. P. 43 = *Абрамов Н. Тридцать три* / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 43.

²⁴ *Ibid.* P. 51 = Там же. С. 51.

²⁵ *Hämäläinen M., Andrejev F. Vepskijan kelen grammatik*. Leningrad: Kirja, 1934. P. 33 = *Хямляйнен М., Анореев Ф. Грамматика вепсского языка*. Ленинград: Кирья, 1934. С. 33.

нормы И.В. Бродского²⁶. Однако в петрозаводскую письменную норму был включен вариант *-m* из северновепского диалекта и восточных говоров среднего диалекта, так как это позволяет лучше дифференцировать личностно-числовые показатели простого и возвратного спряжений [9. С. 77]. Поэтому при редактировании стихов Н.В. Абрамова для их помещения в сборники, предназначенные для детей, которым преподавался письменный вепский язык, форма на *-mei* заменялась формой на *-m*; при этом — в силу того, что форма на *-m* оказывается короче на один слог, — этот слог часто можно было возместить за счёт местоимения *mö* ‘мы’. Так, строчка *kaivamei, kaivamei kaikel kanzal kaivon* ‘копаем, копаем всей семьёй колодец’, сохранившаяся в таком виде и в сборнике *Koumekümne koume*, в сборнике *Meiden sana* трансформировалась в *kaivam mö, kaivam mö kaikel kanzal kaivon* ‘копаем мы, копаем мы всей семьёй колодец’. По свидетельству И.В. Бродского, самому Н.В. Абрамову такая замена не нравилась. Однако с позиций изучения вепского языка детьми составители сборника, очевидно, считали это неизбежной издержкой (с этой же целью диалектная форма *okha* ‘пусть’ была заменена на *olgha* (3 раза)). То же касается и стихотворения *Kalas* («На рыбалке») (приводим фрагменты) (см. табл. 4):

Таблица 4. Сравнение текстов стихотворения Н.В. Абрамова *Kalas* по разным источникам (фрагменты)
Table 4. Comparison of texts of N.V. Abramov's poem “Kalas” from various sources (fragments)

<i>Venhen pästamei mö vedhe, Koiran ištutamei edhe. <...> Samei äjan kalad ehtaks, Kut-ni kod'he vemei kahten*.</i>	<i>Venhen pästamei mö vedhe, Koiran ištutamei edhe. <...> Samei äjan kalad ehtaks, Kut-ni kod'he vemei kahten**.</i>	<i>Venhen pästam hotkemb vedhe, Koiran ištutam mö edhe, <...> Sam mö äjan kalad ehtaks, Kut-ni kodihe vem kahten***.</i>
---	--	--

^{*)} Abramov N. Kalas // Kodima. 1993. No. 2. P. 4 = Абрамов Н. На рыбалке // Родина. 1993. № 2. С. 4.

^{**)} Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaicva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 47 = Абрамов Н. Тридцать три / ред. Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 47.

^{***)} Kottina A., Maksimov A., Zaicva N. Meiden sana. Petroskoi : Periodika, 1998. P. 47–48 = Коттина А., Максимов А., Зайцева Н. Наше слово. Петрозаводск : Периодика, 1998. С. 47–48.

Источники: составлено М.Ю. Кузнецовым / Source: compiled by M.Yu. Kuznetsov.

Вместо *pästamei mö* ‘выпускаем мы’ в сборнике 1998 г. читаем *pästam hotkemb* ‘выпускаем быстрее’, в случае с *kod'he vemei* ‘домой принесём’ с пропуском гласного перед показателем иллатива этот гласный восстанавливается и получается *kodihe vem*. Такие замены позволяют сохранить ритм стиха, благодаря чему и оказывается возможно их провести. В публикации стихотворения *Päcil* («На печи») употреблены сразу оба варианта: *Lämän varjoičemei*

²⁶ Бродский И.В. Грамматика вепского языка: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. С. 140–142.

tahon, Huban mänetamei aigan и тут же *Magadam mö, kuti kättes*.²⁷ Вероятно, в первых двух случаях замены *-mei* на *-m + mö* не проведено, так как в непосредственной близости от глаголов (в соседних строчках) местоимение *mö* уже есть:

<...>
Vaiše meile eile tulläšt,
Lämän varjoičemei tahon!
 <расстояние между строфами>
Päcil kažinke mö kahten
*Huban mänetamei aigan*²⁸.

В этой связи необходимо обратить внимание и на стихотворение *Lekam cerkvoile ristad / Lekam ristad* («Поднимем (на церкви) кресты») (табл. 5):

Таблица 5. Сравнение текстов стихотворения Н.В. Абрамова *Lekam cerkvoile ristad / Lekam ristad* по разным источникам
 Table 5. Comparison of texts of N.V. Abramov's poem *Lekam cerkvoile ristad / Lekam ristad* according to various sources

Lekam cerkvoile ristad*	Lekam ristad**
<i>Konz-se elo ol' — jüged i huba,</i> Mišto <i>necišpei elospei lähtta —</i> <i>Cerkvad sounsimei, tegimei — klubad,</i> <i>Ristad tacimei, lendimei — tähthad.</i>	<i>Konz-se elo ol' jüged i huba,</i> Miše <i>necišpei elospei lähtta —</i> <i>Cerkvad saupsimei, tegimei klubad,</i> <i>Ristad tacimei, lendimei — tähthad.</i>
<i>Jumalata mö astuimei külläks,</i> <i>Vaiše paremb-ik tegihez elo?</i> <i>Mijak ristituid ei nägu küläs?</i> <i>Mijak praznikan ei kulu kello?</i>	<i>Jumalata mö astuimei külläks,</i> <i>Vaiše paremb-ik tegihez elo?</i> <i>Mijak ristituid ei nägu küläs?</i> <i>Mijak praznikan ei kulu kello?</i>
<i>Ei kus venceida tütrid i poigid,</i> <i>Lapsed tegesoi — ei kus heid ristä...</i> Mišto <i>te meiden oliži oiged —</i> <i>Lekam jumalan pertile ristad.</i>	<i>Ei kus venčaida tütrid i poigid,</i> <i>Lapsed tegesoi — ei kus heid ristä...</i> Miše <i>te meiden oliži oiged —</i> <i>Lekam jumalan pertile ristad.</i>

^{*)} Abramov N. Lekam cerkvoile ristad // Kodima. 1993. No. 3. P. 1 = Абрамов Н. Поднимем на церкви кресты // Родина. 1993. № 3. С. 1.

^{**)} Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 28 = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 28.

Источники: составлено М.Ю. Кузнецовым / Sources: compiled by M.Yu. Kuznetsov.

Отдельные мелочи (*mišto — miše, sounsimei — saupsimei, venceida — venčaida* (с в *venceida* — это, вероятно, просто опечатка), а также, вероятно, ещё перед первой публикацией: *mii – mö, hiid – heid*) здесь исправлены, но наиболее заметные диалектные черты остались на месте. Это:

²⁷ Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 51 = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 51.

²⁸ Ibid. P. 51 = Там же. С. 51.

1) переход *äi* → *ei* внутри показателя элатива *-späi/-špäi* (*necišpei elospei*; отметим, что показатель *-spei/-špei* также нормативен для старой нормы 1930-х²⁹ и новой «оятской» нормы И.В. Бродского³⁰);

2) наращение *z* на форме 3 л. ед. ч. имперфекта (простого прошедшего времени) в возвратном спряжении (*tegihez*);

3) показатель формы глагола 3 л. мн. ч. наст. вр. в возвратном спряжении *-soi* (*tegesoi*);

4) показатель формы 1 л. мн. ч. глагола *-mei* (*saupsimei, tegimei, tacimei, lendimei, astuimei*).

Таким образом, это стихотворение значительно лучше сохраняет первоначальный диалектный облик. В конце его первой и начале второй строфы, как видим, употреблён целый ряд однотипных форм с показателем *-mei*, что затруднило бы их замену на формы с показателем *-m*, как это сделано в стихотворениях *Kaivoine* и *Kalas*. Точно так же — тогда, когда замене на литературный вариант с показателем *-ba* препятствует ритм, — остаются привычные для Н.В. Абрамова исконно пассивные формы на *-tas, -das* (и производные от них варианты *-tasoi, -dasoi; -tase, -dase*), выражающие значение 3 л. мн. ч. в наст. вр. Возьмём для примера вторую строфу из стихотворения *Kezapäiv küläs* («Летний день в деревне»):

Lapsed joges kül'ptäs, vätas,
Vaiše heinäntegon aig
Tuleb — nitül heinän kätas,
*Haravoitas... Ratas kaik.*³¹

Литературные эквиваленты выделенных форм звучат как *kül'bese* (или *kül'besoiš*; этот вариант (с глагольным показателем 3 л. мн. ч. наст. вр. в возвратном спряжении *-soiš*) противоречит большинству грамматик и учебных пособий, но стал едва ли не единственным возможным в нынешних номерах газеты *Kodima*). В переводе аллегорической сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» на вепсский язык, выполненном автором настоящей статьи и отредактированном Н.Г. Зайцевой, в качестве аффикса 3 л. мн. ч. наст. вр. в возвратном спряжении также используется не *-sel-še, a -soiš* (*sijadasoiš, haikostelesoiš, peitäsoiš* и т. д.³²), *vändaba, kändaba, haravoičeba, radaba*, что не вписывается в ритм стихотворения. Но есть пример и вероятной замены формы

²⁹ *Hämäläinen M., Andrejev F.* Vepskijan kelen grammatik. Leningrad : Kirja, 1934. P. 17–19 = *Хмяляйнен М., Андреев Ф.* Грамматика вепсского языка. Ленинград : Кирия, 1934. С. 17–19.

³⁰ *Бродский И.В.* Грамматика вепсского языка: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. С. 105.

³¹ *Abramov N.* Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 48 = *Абрамов Н.* Тридцать три / ред. Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 48.

³² *Sent-Ekzüperi A. de.* Penikaine princ / vepsän kel'he kändi M. Kuznecov; toimiti N. Zaiceva. Neckarsteinach : Edition Tintenfaß, 2023. P. 53, 75, 77 = *Сент-Экзюпери А. де.* Маленький принц / на вепсский язык перевёл М. Кузнецов; отредактировала Н. Зайцева. Неккарштайнах : Эдишн Тинтенфасс, 2023. С. 53, 75, 77.

на *-tas*, *-das* на форму на *-ba*: в стихотворении *Vihandas sarnas* («В зелёной сказке») находим *vasttaba* и *kukkuba*.³³ Есть и контрпример незамены одной формы на другую в условиях, когда такая замена могла бы произойти: в переводе на вепсский язык стихотворения Н.М. Рубцова «Зимняя песня» Н.В. Абрамов употребляет зарифмованные формы *paladas* и *valadas*³⁴, которые не заменяются на нормативные *palaba* и *valaba* в книжной публикации в сборнике *Kurgiden aig*. Более того, форма прош. вр. *sanuiba* (исторически активная, но употребляемая в среднем диалекте в пассивном значении [10. С. 96]), употреблённая в газетной публикации перевода, в книжной публикации оказалась заменена на форму *sanutas*³⁵ (хотя такое её — пассивное — употребление как раз соответствует письменной норме).

Поскольку стихотворения Николая Абрамова подверглись редакции, подстройке под нормативный вепсский язык, многие диалектизмы, вероятно употреблённые им при написании стихотворений, оказались затушёваны, спрятаны. Однако внимательный анализ рифмы позволяет их восстановить.

Так, в стихотворении *Čoma mecha keváz'säl...*³⁶ встречается странная рифма *kül'mäd — sil'mäd*, а в стихотворении *Linneb sinuta pal'laz kaik ma* — такая же рифма *lindud — künded*. Такие рифмы (с несовпадением ударных гласных) действительно возможны, они называются *диссонансом* или *консонансом*³⁷, но для поэзии Н.В. Абрамова они нехарактерны (в отличие от более поздней вепсской поэзии — например, от детских стихов О.Ю. Жуковой). Но тот факт, что в неотредактированных публикациях его стихов встречались формы *ilähän* и *kuumekimne* (см. выше), позволяет предположить, что и в этих стихотворениях изначально было *kil'mäd* и *künded*. Рифмы *kil'mäb — sil'mäd*,

³³ *Abramov N. Vihandas sarnas*; Kaivoine; Napan' minun veneh...; Mecoiden pajod; Čoma mecha keváz'säl...; Sügüz'; Keskes hubad uned nousta...; Jevdokija; Kodiman poig // Carelia. 1993. No. 9. P. 27 = *Абрамов Н. В зелёной сказке*; Колодец; Сгнила моя лодка; Песни леса; Хорошо в лес по весенней погоде; Осень; Встать посреди дурного сна; Евдокия; Сын родины // Карелия. 1993. № 9. С. 27; *Abramov N. Koumekümne koume* / red.: N. Zaiceva. Petroskoï: Karjala, 1994. P. 8 = *Абрамов Н. Тридцать три* / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 8.

³⁴ *Rubcov N. Tal'ven pajo / vepsäks om kändnu N. Abramov* // Kodima. 1994. No. 2 (11). P. 4 = *Рубцов Н. Зимняя песня / на вепсский язык перевёл Н. Абрамов* // Родина. 1994. № 2 (11). С. 4; *Rubcov N. Tal'ven pajo / vepsäks om kändnu N. Abramov* // Kodima. 1996. No. 12 (45). P. 2 = *Рубцов Н. Зимняя песня / на вепсский язык перевёл Н. Абрамов* // Родина. 1996. № 12 (45). С. 2.

³⁵ *Abramov N. Kurgiden aig* / red.: N. Zaiceva. Petroskoï: Periodika, 1999. P. 49 = *Абрамов Н. Время журавлей* / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск: Периодика, 1999. С. 49.

³⁶ *Abramov N. Vihandas sarnas*; Kaivoine; Napan' minun veneh...; Mecoiden pajod; Čoma mecha keváz'säl...; Sügüz'; Keskes hubad uned nousta...; Jevdokija; Kodiman poig // Carelia. 1993. No. 9. P. 29 = *Абрамов Н. В зелёной сказке*; Колодец; Сгнила моя лодка; Песни леса; Хорошо в лес по весенней погоде; Осень; Встать посреди дурного сна; Евдокия; Сын родины // Карелия. 1993. № 9. С. 29; *Abramov N. Koumekümne koume* / red.: N. Zaiceva. Petroskoï: Karjala, 1994. P. 23 = *Абрамов Н. Тридцать три* / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 23.

³⁷ *Словарь литературоведческих терминов* / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. Москва: Просвещение, 1974. С. 69.

lindud – *kinded* выглядят гораздо более органично на общем фоне абрамовской поэзии. То же самое можно предположить и для пары *poud* — *kuld* в стихотворении *Čoma mecha kevüz'säl...* В черновиках Абрамова эти слова, вероятно, выглядят как *puud* — *kuud*. Это предположение подтверждает утратившая точную рифму пара *poudad* — *kuldad* из стихотворения *Sügüz'* («Осень»)³⁸. Вероятно, в оригинале было *puudad* — *kuudad* (при этом в публикации в журнале *Carelia* видим промежуточную стадию редакции: *puudad* — *kuldad*³⁹). Есть и другие примеры потери рифмы: так, в стихотворении *Keskes hubad uned nousta... / Huba uni*⁴⁰, вероятно, оказались потеряны сразу три ассонансных рифмы: *nuusta* — *kucta*, *kinded* — *mindai*, *oma* — *kouman* (в публикациях стихотворения читаем: *nousta* — *kucta*, *künded* — *mindai*, *oma* — *kauman*). Есть такие случаи и в переводах: так, в переводе из С.А. Есенина *Kudmavauged iknas. Iknan taga ahav...* («Над окошком месяц. Под окошком ветер...» [11. С. 21]) на фоне точных и приблизительных ассонансных рифм встречаем пару *iče* — *neiččen*⁴¹. Но у поэта, в диалектной речи которого явно имелся переход *ei* → *ii* (примеры из стихотворения *Pihl'* см. выше), в черновиках, скорее всего, было написано *iče* — *niiččen*. Впрочем, имеются и контрпримеры, когда рифменные пары, **одним** из членов которых является диалектизм, сохраняются в печатном сборнике. Это не только пары *mest* – *tes* из стихотворений *Kaikuččel* — *ičeze mägi* и *Pihl'* (см. выше), а также *Kodite* («Родная дорога»)⁴², но и пара *süudad* (письм.: *sildad*) – *südäin* из стихотворения *Järven randal* («На берегу озера»)⁴³.

В стихотворении *Änikod* («Цветы») встречаем рифменную пару *hei* – *ei*⁴⁴. Форма *hei* ‘они’ действительно известна вепсскому языку: в диалектном «Словаре вепсского языка» М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен такая форма приводится с пометой N⁴⁵, что означает «Нойдла Тихвинского района Ленинград-

³⁸ *Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 29 = Абрамов Н. Тридцать три / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 29.*

³⁹ *Abramov N. Vihandas sarnas ; Kaivoine ; Napan' minun veneh... ; Mecoiden pajod ; Čoma mecha kevüz'säl... ; Sügüz' ; Keskes hubad uned nousta... ; Jevdokija ; Kodiman poig // Carelia. 1993. No. 9. P. 30 = Абрамов Н. В зелёной сказке ; Колодец ; Сгнила моя лодка ; Песни леса ; Хорошо в лес по весенней погоде ; Осень ; Встать посреди дурного сна ; Евдокия ; Сын родины // Карелия. 1993. № 9. С. 30.*

⁴⁰ *Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 26 = Абрамов Н. Тридцать три / ред. Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 26.*

⁴¹ *Jesenin S. “Kudmavauged iknas. Iknan taga ahav...” ; “Vända tal'jank rohked, vända tal'jank heled...” / vepsäks om kändnu N. Abramov // Kodima. 1996. No. 12 (45). P. 2 = Есенин С. “Над окошком месяц. Под окошком ветер...” ; “Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...” / на вепсский язык перевёл Н. Абрамов // Родина. 1996. № 12 (45). С. 2 ; *Abramov N. Kurgiden aig / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Periodika, 1999. P. 44 = Абрамов Н. Время журавлей / ред.: Н. Зайцева. Петрозаводск : Периодика, 1999. С. 44.**

⁴² *Abramov N. Koumekümne koume / red.: N. Zaiceva. Petroskoi : Karjala, 1994. P. 10 = Абрамов Н. Тридцать три / ред. Н. Зайцева. Петрозаводск : Карелия, 1994. С. 10.*

⁴³ Там же. С. 27.

⁴⁴ Там же. С. 34.

⁴⁵ *Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Ленинград : Наука, 1972. С. 142.*

ской области»⁴⁶ (вероятно, имелась в виду дер. Нойдала Бокситогорского района Ленинградской области, которая располагалась на территории, вклинивающейся в Тихвинский район). Вероятнее всего, Николай Абрамов сам так не говорил, а в его черновиках эта рифменная пара выглядела как *hii* — *ii*. Тем не менее следует отметить, что в ладвинских текстах из сборника *Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista* такая форма всё же обнаруживается⁴⁷. Однако записана она там как *hei*, что означает, что собиратели слышали от информантов что-то среднее между *hei* и *hii*. Скорее всего, в 1888–1889 гг. они застали переход *hei* в *hii*, но в детские годы Н.В. Абрамова (1960-е гг.) в Ладве говорили уже только *hii*.

Полный список замеченных автором потерянных диалектных рифм в сборнике Н.В. Абрамова *Koumeküimne koume* приводится в отдельной публикации [12. С. 12–13]. Но отметим, что потерю этих рифм при редакции следует считать неизбежной: при осуществлении важнейшего для будущего вепсского языка дела формирования его письменной нормы принесение в жертву отдельных поэтических созвучий — это лишь малая, незначительная издержка.

Заключение

Таким образом, нами показано, что в стихах Н.В. Абрамова конца 1980-х — начала 1990-х гг. им активно использовались диалектизмы — черты родного для него ладвинского говора, не соответствующие нынешней петрозаводской вепсской письменной норме. В результате литературной правки многие из них оказались затушёваны, однако анализ рифмы в сочетании с данными наиболее ранних вепскоязычных публикаций Н.В. Абрамова позволяет восстановить ряд диалектных черт, которые были свойственны его вепсской речи. Потерю части характерных для него диалектизмов при публикации стихотворений следует воспринимать как неизбежную издержку в важнейшем деле создания общего письменного вепсского языка, однако эти данные могут иметь большое значение для изучения вепсской диалектологии и при академической, текстологически выверенной публикации вепсских стихотворений поэта.

Список литературы

1. Зайцева Н.Г. Выразительные средства стихов Николая Абрамова и их воздействие на вепсский литературный язык // Большой поэт малого народа Николай Абрамов : сб. материалов Первой конф. памяти поэта Николая Абрамова. 15 марта 2017 года. Подпорожье : Подпорожская центральная районная библиотека, 2017. С. 9–17. EDN: ZSLRHL

⁴⁶ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Ленинград : Наука, 1972. С. 12.

⁴⁷ Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista / keränneet E.N. Setälä ja J.H. Kala; julkaissut ja suomentanut E.A. Tunkelo apunaan R. Peltola. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 1951. (Suomalais-Ugrilaisen seuran toimituksia / Mémoires de la société finno-ougrienne: 100). P. 409, 410, 413 = Образцы прионежских и средневепсских диалектов / собрали Э.Н. Сетяля и Ю.Х. Кала; издал и перевёл на финский язык Э.А. Тункело при помощи Р. Пелтолы. Хельсинки : Финно-угорское общество, 1951. (Издания Финно-угорского общества: 100). С. 409, 410, 413.

2. *Зайцева Н.Г.* Вепская художественная словесность — путь к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?) // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. Т. 18. № 4. С. 433–441. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441> EDN: FOXQBO
3. *Мишин А.И., Строгалыцкова З.И.* Вепская литература в меняющемся мире // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р.П. Лони́на) : материалы Первой межрегион. краеведческой конф. «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. С. 38–79. EDN: TLOZKP
4. *Артемьева Г.А.* «Большой поэт малого народа»: сохранение творческого наследия вепского поэта Николая Абрамова в Подпорожской центральной районной библиотеке // *Проблемы краеведческой деятельности библиотек* : сб. статей и материалов. Вып. 6 / сост. и науч. ред. Н.М. Балацкая. Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2021. С. 318–331.
5. *Арзамазов А.А.* Поэзия финно-угорских народов Урало-Поволжья: внешние вызовы, внутренние трансформации, новые смыслы. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2023. 388 с. ISBN: 978-5-9690-1089-5 EDN: VXFTWP
6. *Арзамазов А.А., Сайфулина Ф.С.* За пределами этнической экзистенции. Художественный мир эрзянского поэта Александра Арапова // *Филология и культура*. 2025. № 4 (82). С. 114–121. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-82-4-114-121> EDN: APCPXX
7. *Арзамазов А.А.* Художественный феномен Антонины Кымытваль: этногендерный ракурс // *Вестник Марийского государственного университета*. 2025. № 3 (59). С. 368–377. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-368-377> EDN: SEUKOV
8. *Кузнецов М.Ю.* Роман Марии Векшиной «Город Оч / Вопреки»: идеальный удмуртский мир? // *Национальные картины мира в литературах народов Волго-Уралья* : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 125-летию М. Сеспеля (Чебоксары, 14–15 ноября 2024 г.) / сост. и науч. ред. В.В. Никифорова. Чебоксары : ЧГИГН, 2025. С. 226–230. EDN: ТРЕНGM
9. *Зайцева Н.Г.* Вепский глагол : сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск : Периодика, 2002. 286 с.
10. *Зайцева Н.Г.* Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. 393 с. ISBN: 978-5-9274-0720-0 EDN: XAFAYH
11. *Чикина Н.В.* Лирика С. Есенина в переводе Н. Абрамова // *Большой поэт малого народа Николай Абрамов* : сб. материалов Первой конф. памяти поэта Николая Абрамова. 15 марта 2017 года. Подпорожье : Подпорожская центральная районная библиотека, 2017. С. 19–24. EDN: ZSLTRJ
12. *Кузнецов М.Ю.* Диалектные черты в вепских текстах Н.В. Абрамова // *Литературное наследие Николая Абрамова* : сб. материалов IV Межрегион. конф., 24 января 2023 г. Подпорожье : Подпорожская центральная районная библиотека, 2023. С. 9–17.

References

1. Zaitseva, N.G. 2017. “Expressive means in Nikolai Abramov’s poetry and their influence on the Vepsian language.” In *Great poet of small people Nikolai Abramov: proceedings of the first conference in memory of Nikolai Abramov Proceedings*, March 15. Podporozhye: Podporozhskaya tsentral’naya raionnaya biblioteka publ, pp. 9–17. (In Russ. and Veps.) EDN: ZSLRHL
2. Zaitseva, N.G. 2021. “Vepsian literature as an aspiration to the revival of the people (“up the stairs leading down?”).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 4, vol. 18, pp. 433–441. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441> (In Russ.) EDN: FOXQBO
3. Mishin, A.I., and Z.I. Strogal’shchikova. 2011. “Vepsian literature in a changing world.” In *Vepsians and their cultural heritage: the connection of times (in memory of R.P. Lonin)*. *Proceedings of the first interregional local history conference “Lonin Readings”, Sheltozero village*, September 22, 2010. Petrozavodsk : Karel’skii nauchnyi tsentr RAN publ., pp. 38–79. (In Russ. and Veps.) EDN: TLOZKP

4. Artem'eva, G.A. 2021 "The great poet of a small people: preservation of the creative heritage of the Vepsian poet Nikolai Abramov at the Central library of the Podporozhsky district." In N.M. Balatskaya (comp. and scientific ed.). *Problems of local history activity of libraries: collection of articles and materials*, issue 6. Saint-Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka publ., pp. 318–331. (In Russ.)
5. Arzamazov, A.A. 2023. *Poetry of the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region: external challenges, internal transformations, new meanings*. Kazan: Akademiya nauk Respubliki Tatarstan publ. ISBN 978-5-9690-1089-5 (In Russ.) EDN: VXFTWP
6. Arzamazov, A.A., and F.S. Saifulina. 2025. "Beyond ethnic existence. The Erzya poet Alexander Arapov's artistic world." *Philology and Culture*, no. 4 (82), pp. 114–121. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-82-4-114-121> (In Russ.) EDN: APCPXX
7. Arzamazov, A.A. 2025. "The artistic phenomenon of Antonina Kymytval: an ethno-gender perspective." *Vestnik of the Mari State University*, vol. 19, no. 3, pp. 368–377. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-368-377> (In Russ.) EDN: SEUKOB
8. Kuznetsov, M.Yu. 2025. "Maria Vekshina's novel "The city of Och / Against": is an ideal Udmurt world?" In *National worldviews in the literatures of the Peoples of the Volga-Urals: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 125th anniversary of M. Sespel*, Cheboksary, November 14–15, 2024. Edited by V.V. Nikiforova. Cheboksary: ChGIGN publ. (In Russ. and Udmurt). EDN: TPEHGM
9. Zaitseva, N.G. 2002. *The Vepsian Verb. Comparative study*. Petrozavodsk: Periodika publ. (In Russ. and Veps.)
10. Zaitseva, N.G. 2016. *Essays on Veps dialectology (linguistic and geographical aspect)*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN publ. ISBN: 978-5-9274-0720-0 (In Russ. and Veps.) EDN: XAFAYH
11. Chikina, N.V. 2017. "Lyrics of S. Yesenin translated by N. Abramov." In *Great poet of small people Nikolai Abramov: proceedings of the first conference in memory of Nikolai Abramov*, March 15, 2017. Podporozhye: Podporozhskaya tsentral'naya raionnaya biblioteka publ., pp. 19–24. (In Russ. and Veps.) EDN: ZSLTRJ
12. Kuznetsov, M.Yu. 2023. "Dialectal features in N.V. Abramov's Vepsian texts." In *Literary heritage of Nikolai Abramov: collection of materials of the IV Interregional conference, January 24, 2023*. Podporozhye: Podporozhskaya tsentral'naya raionnaya biblioteka publ., pp. 9–17. (In Russ. and Veps.)

Сведения об авторе:

Кузнецов Максим Юрьевич — научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр, Российская академия наук, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31; аспирант кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой дидактики, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-6344-0204; eLibrary SPIN-код: 4552-0244. E-mail: kuzur0712@yandex.ru

Bio note:

Maksim Yu. Kuznetsov is Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2/31 Lobachevsky St, Kazan, 420111, Russian Federation; Postgraduate Student of the Department of Russian Studies, Ethnic-Oriented Pedagogy and Digital Didactics, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6344-0204; SPIN-code: 4552-0244. E-mail: kuzur0712@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-192-203

EDN: GOPGJN

Научная статья / Research article

Поэтика образа *homo creator* в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова

В.С. Косенко

Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Москва, Российская Федерация,

✉ visha-k@mail.ru

Аннотация. В антропософском ряду литературных типов (*homo ludens*, *homo faber*, *homo dreamer* и пр.) не фигурирует герой *homo creator* (творческая личность, человек искусства). В исследовании заявлен такой тип героя и представлена аналитика его образа — на материале повести «Башня молчания» Явдата Ильясова. Для достижения цели — понимания творческой личности — и решения поставленных задач (описание рефлексивных практик героя повести; анализ поэтики образа главного героя; отношение героя повести к собакам вообще и псу, доставшемуся ему в подарок; раскрытие семантики заглавия повести), с опорой на литературоведческие труды (М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, С.Н. Зенкина, С.Д. Кржижановского, Ю.М. Лотмана, Ю.Б. Орлицкого, Ю.К. Щеглова), выявлены приемы поэтики, участвующие в создании литературного образа Омара Хайяма, поэта и ученого. Среди таких приемов рассмотрены: особая оптика героя *homo creator*, фокус которой моделирует разные виды экфрасиса (живописный, обрядовый); интрадигетическая образность (когда герои картины «оживают» и становятся действующими персонажами повести); театрализация в моделировании ситуаций (режиссирование «спектакля» с элементами карнавализации: травестированием, «перевертышами», «ситуацией наоборот»); создание субъектной точки зрения главного героя в процессе написания им «Книги печали» (в которой герой анализирует судьбы поэтов и ученых предшествующих эпох); отношения с собакой, представленные в эволюционном ракурсе (от неприятия собак до преданных отношений с собакой по кличке Басар). Повесть «Башня молчания» в таком аспекте анализируется впервые. Мировая *хайямиана*, таким образом, пополняется новыми гранями литературного образа Омара Хайяма, выявленными автором.

Ключевые слова: Омар Хайям, экфрасис, литературные типы, заглавие, собака

История статьи: поступила в редакцию 06.11.2025; принята к печати 06.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Косенко В.С. Поэтика образа *homo creator* в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 192–203. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-192-203> EDN: GOPGJN

The Poetics of the *Homo Creator* in the Novel “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov

Victoriya S. Kosenko^{id}

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russian Federation,

✉ visha-k@mail.ru

Abstract. The anthroposophical series of literary types (*homo ludens*, *homo faber*, *homo dreamer*, etc.) does not include the hero *homo creator* (a creative person, a man of art). The study declares such a hero type and presents an analysis of his image — based on the story “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov. To achieve the goal — understanding the creative personality — and solving the tasks (description of the protagonist’s reflective practices; analysis of the poetics of the protagonist’s image; the protagonist’s attitude towards dogs in general and the dog he received as a gift; disclosure of the semantics of the story’s title), based on literary studies (M.M. Bakhtin, I.R. Galperin, S.N. Zenkin, S.D. Krzhizhanovsky, Yu.M. Lotman, Yu.B. Orlitsky, Yu.K. Shcheglov), poetic techniques involved in the creation of the literary image of Omar Khayyam, a poet and scientist, are identified. Among such techniques are considered: the special optics of the hero *homo creator*, the focus of which models different types of ekphrasis (picturesque, ritual), intradiegetic imagery (when the characters in the painting “come to life” and become characters in the story); theatricalization in modeling situations (directing a “performance” with elements of carnivalization: treveterisation, “turncoats”, “the opposite situation”); the creation of the protagonist’s subjective point of view in the process of writing his “Book of Sorrow” (in which the protagonist analyses the fates of poets and scholars of previous eras); his relationship with his dog, presented from an evolutionary perspective (from rejection of dogs to a loyal relationship with a dog named Basar). This is the first time that the story “The Tower of Silence” has been analysed in this way. The world of Khayyam is thus enriched with new facets of the literary image of Omar Khayyam, revealed by the author.

Key words: Omar Khayyam, ekphrasis, literary types, title, dog

Article history: received 06.11.2025; accepted 06.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kosenko, V.S. 2026. “The Poetics of the *Homo Creator* in the Novel “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 192–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-192-203> EDN: GOPGJN

Введение

Образ творческой личности (*homo creator*), прототип которой — реально существовавший человек, привлекал внимание писателей во все времена, особенно в XX в. Они пытаются наделить такого героя чертами, отличающими его от обычных людей, вывести некую парадигму таланта.

Цель исследования — понять устройство такого образа — героя *homo creator*, для чего мы исследуем поэтику образа Омара Хайяма в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова. Задачи статьи: описать рефлексивные практики как элемент поэтики образа Хайяма; его оптику, участвующую в

создании картины мира героя *homo creator* (среди приемов — различные виды экфрасиса, интрадиггетическая образность, травестийность); отрефлексировать роль образа собаки в континууме образа Хайяма, а также раскрыть контекстуальную семантику заглавия повести.

В основе анализа статьи лежит методология, базирующаяся на работах по поэтике М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, С.Н. Зенкина, С.Д. Кржижановского, Ю.М. Лотмана, Ю.Б. Орлицкого, Ю.К. Щеглова.

Результаты и обсуждение

Хайямиана

Личность поэта и ученого (математика, астронома) Омара Хайяма (1048–1131) получила мировую славу только в XIX в., благодаря переводам рубаи Хайяма английским поэтом Эдвардом Фицджеральдом (1809–1883).

В XX в. написано столь много художественных текстов с главным героем Хайямом, что появляется термин *хайямиана* для выделения таких сочинений в отдельный корпус (часть из них рассмотрена в нашей статье: [1]). Это произведения на разных языках, Омар Хайям предстает в них, с одной стороны, в устойчивом контексте отношений с историческими личностями (сельджукским правителем Маликшахом, его визирем Низам-аль-Мульком — покровителями поэта, с ассасином Хасаном ибн Саббахом — эта историческая личность сопровождает образ Хайяма во всех повествованиях, но с разными, порой противоположными установками), с женщинами (во всех текстах женские образы разные — отличаются имена, возраст, социальный статус). С другой стороны, степень психологизма в портрете Хайяма во всех произведениях хайямианы разная, что отчасти объяснимо, например, жанровой установкой: это может быть детективное повествование (роман А. Маалуфа «Самарканд»), авантюрное (роман Г. Лэмба «Омар Хайям»), историческое (повесть Я. Ильясова «Заклинатель змей»), лироэпическое (повесть М. Симашко «Хадж Хайяма»).

Русскоязычная повесть «Башня молчания» (1982) Явдата Ильясова отличается оригинальными приемами в изображении личности Хайяма, его внутренней жизни, которые не встречаются ни в одном из текстов хайямианы. В частности, в этой повести представлены размышления Хайяма о природе таланта, творческой личности, которые приводят героя к экзистенциальным выводам. Неоконченной повести «Башня молчания» (Я. Ильясов трагически погиб в 1982 г.) предшествовала другая — «Заклинатель змей», тоже об Омаре Хайяме, ее сюжет строится на последовательности исторических фактов и событий, которые совпали с жизнью Хайяма. В «Башне молчания» ракурс изображения героя перенесен на его внутреннюю жизнь, на его рецептивное восприятие происходящего в повседневности и предшествовавшей ему истории.

Книга печали

Осознавая себя особенным человеком («Мы — чудаки»¹), выходящим за рамки «нормальности» (в представлении человека не только XII в., но, как видится из сегодняшнего прочтения, социальной «нормы» вообще), Омар Хайям в повести «Башня молчания» пытается осмыслить свое положение в социуме, сопоставляет себя с поэтами предшествующих эпох — людьми творческими и талантливыми (этот тип героя мы называем *homo creator*). Задуманная Хайямом «Книга ученых» в процессе работы превращается в «Книгу печали» — печали, в регистре которой Хайяму видятся судьбы талантливых людей всех времен. Когда его возлюбленная, приревновав к писанию книги, предложила сделать выбор между нею и книгой, Хайям выбрал творчество: «Для меня моя книга не развлечение <...> Труд. Смысл жизни. Долг»².

Проблема — кто достоин биографии — занимает главного героя повести, Омара Хайяма. К нему обращается городской обыватель: «„Написал бы книгу обо мне“». — „О тебе? Ты даже сатиры не заслуживаешь. Ведь чтобы попасть в сатиру, надо что-то сделать, не так ли? Эпитафию — куда ни шло, могу написать“». — „Но я еще живой!“ — „Это тебе кажется“»³, — собственно, в этих словах выражена формула Хайяма, имеющая отношение к биографии *homo creator*. В этой точке зрения герой Ильясова совпадает с научными умозаключениями по теории биографии Ю.М. Лотмана, который писал, что каждый тип культуры вырабатывает модель «людей без биографии» и «людей с биографией» [2. С. 106]. Вторые, по Лотману, это те, для которых среди фатальных возможностей становится актуальным *выбор*: следовать *норме* или идти своим путем, *анормальным*, по мнению большинства. Именно эти люди попадают в коллективную память культуры. Только они, считает Лотман, «имеют биографию» [2. С. 107]. Герой Ильясова говорит: «Одно утешительно: кто помнит, как звали этих злых, недалеких людей? <...> Имя же создателя великой книги и название ее останутся на земле навечно. Во всяком случае, до тех пор, пока на ней не переведутся люди грамотные»⁴. Заметим, что повесть Ильясова писалась в 1982 г., работа Лотмана — в 1986 г. Каждый — ученый и писатель, не пересекаясь, приходит к одному и тому же умозаключению.

«Эх, как хочется всякому, чтобы имя его прогремело»⁵, — говорит ильясовский Хайям. «Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию» [2. С. 106], — считает Лотман.

Персонажами «Книги печали» Хайяма выступают Аристотель, Рудаки, Фирдоуси, Абу Али ибн Сина, Бируни и еще много других поэтов и ученых.

¹ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 326.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ Там же. С. 379.

Хайям создает их биографии в регистре взаимоотношений с властью, во время работы останавливаясь и рассуждая о том, что изменилось с той поры, когда жил его герой, а чаще — что осталось неизменным.

Рудаки (ок. 859–954) был крайне удачлив как поэт, еще при жизни был наделен титулом «Адам поэтов», но в конце пути его ослепили — Ильясов указывает причину: это увлечение вольнодумного поэта учением карматов (они боролись против духовенства и богачей-дехкан): «И Рудаки не минуло несчастье. Однажды ночью его схватили, скрутили руки за спиной, и палач раскаленным добела толстым железным прутом выжег ему глаза. Больной, потерявший все, он вернулся в родное селение и умер год спустя в нищете»⁶.

Поэт Фирдоуси (940–1020), в течение четырех десятилетий создававший эпос «Шахнаме», был оскорблен завистниками жалкой подачкой за свой труд и умер.

Ученый Бируни (973–1048), как и Фирдоуси, получил за свой труд «Звездный канон» оскорбительную плату, отправив ее назад и сопроводив словами: не нуждается ни в чем, имея крышу, одежду и пищу. За такой независимый ответ Бируни был брошен в тюрьму.

Все, о ком пишет ильясовский Хайям, поднимают одни и те же вопросы: «Богатство и бедность. Мишура событий и устойчивость добра и человечности. Родина и чужбина. Радость и горе. Правда и ложь. Достоинства ума и одаренности. Образованность и невежество. Любовь и ненависть. Жизнь и смерть»⁷. Хайям горд, что принадлежит к этому кругу. Все творчески одаренные люди мучительно ищут ответы на эти вопросы, большинство — себе в ущерб: не только ими написанные слова, высказанные вслух суждения, но и мысли считаются преступными — настолько, что обыватели называют этих людей «чужими под солнцем». «Мы открыто говорим за них то, чего они сами не смеют не то что сказать — даже подумать»⁸, — заключает Хайям.

Наблюдательность и аналитические способности творческой природы Хайяма рождают в теле повести философские метафоры, выполняющие функцию социального диагноза. Одна из таких метафор — «башня молчания».

Башня молчания

Вначале «башня молчания» появляется в тексте как обозначение древнего артефакта — погребального сооружения зороастрийцев. В повести эта башня именуется *дакма* (есть и другое название, не вошедшее в повесть, но существующее в повседневности людей, живущих до сих пор в соседстве с такими башнями, — *чилтык*, в Каракалпакстане). Какое отношение имеет зороастрийская погребальная башня к эпохе и творчеству Омара Хайяма?

⁶ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 377.

⁷ Там же. С. 383.

⁸ Там же. С. 383.

Во-первых, следы зороастрийской культуры к XII в. были вполне видными: «Город. Оазис. Прибежище гебров — зороастрийцев, не пожелавших принять новую веру — ислам. О чем свидетельствует скорбная „башня молчания“ на холме у въезда в знойный Йезд»⁹. (Кстати, о зороастрийской культуре немало рассуждает и поэт Рудаки, герой современного романа «Возвращение в Панджруд» Андрея Волоса.)

Во-вторых, наблюдая эти дакмы, Хайям выстраивает картину мира предков-зороастрийцев и сравнивает ее с современностью. Первоначально, увидев дакму, он называет способ погребения у гебров варварским: они оставляют тела усопших в дакмах, куда слетаются хищные птицы и расклевывают их до костей.

«Некрасиво, конечно, — подумал Омар брезгливо. — Но разве нынче наша страна — не та же зловещая Башня молчания?»¹⁰. И что лучше — быть съеденным земляными червями или вольными птицами? — неожиданный вывод Хайяма, разрушающего клишированные постулаты о чужой культуре (и религии) как недостойной, — так «башня молчания» из реального объекта становится метафорой жизни, современной ему и той, которую он рассматривает во время работы над «Книгой печали».

И.Р. Гальперин назвал заглавие «закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [3. С. 133] — именно так реальная деталь в сюжете повести Ильясова превращается в метафору, а будучи вынесенной в заглавие, — выражает «основной замысел, идею, концепт создателя текста» [3. С. 133]. О том же писал и С. Кржижановский: заглавие — «стянутая до объема двух-трех слов книга» [4. С. 3].

Таким образом, несмотря на то, что повесть посвящена исключительно Омару Хайяму, образ которого находится в центре развития сюжета, ее заглавие далеко от имени поэта, оно о времени, о человеке вообще — такова концепция всего произведения, сосредоточенная в заглавии¹¹. В финале повести, когда был убит его друг — пес Басар, Омар Хайям захоронил его на «башне молчания»: «Клюйте, вороны! Серые и черные...»¹².

Онтика homo creator

Создавая образ героя *homo creator*, писатель использует приемы, подчеркивающие его инаковость в сравнении с окружающими. Хайям *видит* вокруг иначе, чем все остальные. Зашедший к нему гость замечает, что Хайям скудно

⁹ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повесть / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 393.

¹⁰ Там же. С. 401.

¹¹ Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. Москва : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 73.

¹² Ильясов Я.Х. Башня молчания... Указ. изд. С. 486.

живет, лошадь бы прикупил. Зачем? — отвечает Хайям (кстати, «Господин Зачем» — так назвали поэта обыватели). — Спешить — сокращать жизнь. Будучи на лошади, многое упускаешь. Идя пешком, останавливаешься у ручья, слушаешь его журчание, щебетание птиц, рассматриваешь растения, встречаешь людей, беседуешь с ними — узнаешь жизнь¹³.

Пристальным и оценивающим взглядом Хайяма представлено живописное полотно соседа-художника — подробнейшее описание изображенного на картине сюжета: позы персонажей, их одеяния, колористика, фон. Перед читателем *живописный экфрасис*, необходимый автору для того, чтобы заострить, акцентировать концепцию образа Хайяма, создать миромодель его картины мира [5. С. 15]. Спросив художника, кто представлен на полотне и услышав, что это Искандер Зулькарнайн (Александр Македонский), Хайям не сдерживается: «Нет, братец, — вздохнул Омар. — Это не Искандер Зулькарнайн. ... Это выдуманый Искандер. Не был он никогда святым старичком! Видишь ли, он жил задолго до пророка.

— Как — до пророка?

— Ну, пророка тогда еще не было.

— Как это — не было?

... И мусульман в ту пору не было. <...>

— Но... но ведь Искандер Зулькарнайн... сам был пророком, ниспосланным в этот мир до Мухамеда? — вскричал возмущенный художник.

— Нет. ... Он был громилой, захватчиком. И чалмы не носил. Молодой, краснолицый, рыжеволосый и пьяный язычник, умерший тридцати трех лет от роду. А ты представил его с белой бородкой, в голубом халате. Это все — неточно, потому и недостоверно. Знай: достоверность на картинах и в книгах достигается неукоснительной точностью деталей. Говорят, по изображениям на римской колонне императора Траяна можно до мельчайших подробностей изучить снаряжение, оружие и военный быт его времени»¹⁴.

Хайям, выявив множество исторических и фактических ошибок, догадывается, что двигало художником, — невежество и стяжательство, это две главные силы, две «змеи», с которыми Хайяму приходится сражаться в течение всей жизни, не случайно предыдущая повесть Я. Ильасова о Хайяме названа «Заклинатель змей».

Говоря о предпочтении термина *экфрасис* в научном дискурсе взамен лексемы *описание*, Р. Данилевский замечает, что экфрасис сопровождается *энергией* — когда в словесной передаче картины присутствует «духовная, мыслительная область, в которой совершается творчество и которая за него отвечает» [6. С. 37]. Энергия проецирует новые смыслы произведения, задуманные автором или рожденные в ходе интерпретации читателем и исследова-

¹³ *Ильасов Я.Х.* Башня молчания // Ильасов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 355.

¹⁴ Там же. С. 367.

телем. Наша аналитика сопряжена с воспроизводством этой *энаргии*, которая сопровождает восприятие живописного полотна Хайямом.

Наряду с упомянутым живописным экфрасисом в повести «Башня молчания» присутствуют *обрядовые экфрасисы*: описание процесса сватовства, похоронный обряд зороастрийцев. Помимо перечисления череды обязательных процедур, обрядовые экфрасисы создают психологический портрет участников обряда, их социальную «зомбированность» — взглядом Хайяма воспроизводится «сам „воздух“ времени и атмосфера места» [5. С. 66] и характеризуется образ поэта.

Окружающий Хайяма мир, благодаря его особенной оптике, предстает в виде картин, в состав которых входит *интрадиегетическая образность*: когда «картины или статуи... участвуют в развитии интриги наравне с обычными персонажами» [7. С. 13], по словам С.Н. Зенкина (теоретика интрадиегетического образа), и сам герой (Хайям) является по отношению к изображению, «сошедшему с картины, создателем или зрителем. В ряде сюжетов изображение «оживает, обретая магические» свойства, на него «направляется рефлексия героя» [7. С. 15]. Так, караванщики, идя по пустыне, видят причудливый саксаул: «Два сухих ствола сплелись. Ветвей мелких нет, их ветром снесло. Взгляни, отсюда — вроде голой женщины. <...> Ну до чего же похожа черная коряга на маленькую нагую женщину. Будто, закрыв глаза и склонив голову, она, замирая, слушает медный звон каравана. Даже волосы есть у нее, густые, пышные, — видно, какой-то суеверный проезжий набросил на корягу овечью шкуру»¹⁵.

Это природно-живописное полотно в оптике Хайяма оживает: «коряга» «вздыхнула, переступила с ноги на ногу — и... открыла глаза. И увидел Омар, что вовсе это не коряга, стоящая торчком, а именно женщина: нагая маленькая женщина»¹⁶. Он дает ей имя — Занге-Сахро, колокольчик пустыни, еще не раз встретит он ее, передвигаясь по пескам из города в город.

Поэт и собака

«Все они — правильные! Царевич Санджар, визирь Фахр, эмир Аргуш. И мой сосед Сафар, хоть он и художник. Тоже правильный. Даже те, двое, которые лезли к нам ночью. А мы с тобой — неправильные. Тебе, например, по всем правилам следует хлопать ушами и вилять хвостом. Но их нет у тебя, — отрубили, чтоб ты был злее, чтоб не мешали драться. А я — вообще черт-те что. Ладно! Утешимся тем, что все одаренные — неправильные. Одаренность — сама отклонение от нормы. Пусть они учат нас жить, — проживем как-нибудь по своему разумению...»¹⁷, — обращается к своей собаке Омар Хайям.

¹⁵ *Ильясов Я.Х.* Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 321.

¹⁶ Там же. С. 321.

¹⁷ Там же. С. 422.

Ни в одном из текстов о Хайяме (см.: [1]) рядом с ним нет собаки. Она появляется только в повести «Башня молчания» — это пес Басар, который помогает раскрыть новый (для хайямианы) уровень личности Хайяма.

История собаки как вида животного насчитывает пятьдесят тысяч лет — собака всегда была рядом с человеком (см.: [8. С. 46]). В литературе собака — самый частый из всех животных спутник человека [9. С. 126], писатели порой доверяют собаке как неангажированному субъекту высказывать претендующую на объективность точку зрения [9. С. 128].

В окружении враждебности, зависти и продажности Омару Хайяму становится небезопасно жить одному. Он получает от своего давнего знакомого собаку Басара: это был огромный, размером с осла, светло-бурый пес с гладкой блестящей шерстью, с обрубленными ушами и хвостом — «красивый пес, здоровый, могучий»¹⁸. До этой поры Хайям не был замечен в симпатиях к животным, в том числе к собакам, от «них — вонь и грязь»¹⁹, считал он. Вот растения — другое дело, от них прохлада и приятный запах. Настал момент, когда никакое растение не могло спасти Хайяма, — нужна была собака. Они — Хайям и Басар, недолго приглядываясь друг к другу, быстро нашли взаимопонимание, тем более что сразу подоспела опасность, которая могла стоить Хайяму жизни — спас Басар: перегрыз горло грабителю и убийце.

Хайям понял, что Басар не просто его охранник, он его друг, личность, достойная уважения. Лишь один раз оставив Басара во дворе у покоев султана, Хайям лишился друга: его растерзала стая собак, подначиваемая воинами султана, которые устроили развлечение — собачьи бои. Хайяму не оставалось ничего, кроме как похоронить своего друга по самому гуманному с его точки зрения обычаю — отнести тело пса на «башню молчания». Исследователь взаимоотношений собаки и человека в контексте мировой цивилизации, французский ученый Доминик Гийо пишет: «...погребальный обряд остается данью уважения, которое человек редко демонстрировал по отношению к какому-либо другому животному. Животные, в том числе домашние, нечасто удостоиваются собственных могил» [8. С. 43]. Эта новая грань образа Хайяма в мировой хайямиане добавляет гуманистические оттенки к личности героя.

Травестия

Артистизм, театрализация — устойчивые черты героя *homo creator* (см.: [10]). Если в других текстах хайямианы актерство Омара Хайяма выражено в переодевании [1], то в повести «Башня молчания» он выступает «режиссером» спектакля, разыгранного по канону карнавала. Свою подружку Хамиду наряжает в одежды юноши, называет Хамидом. Прямая травестия (девушка в

¹⁸ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 416.

¹⁹ Там же. С. 419.

роли юноши), «логика обратности», «наоборот» — черты карнавальской эстетики, сформулированные М.М. Бахтиным [11]. Назначенный на роль слуги, Хамид якобы страстно желает приобщиться к суфийскому братству — эта трагедия нужна Хайяму, чтобы проучить ханжу и притворщика, богослова Газали, от которого Хайям ждет неприятностей для себя.

Обратить заблудшую душу в свое братство — для Газали божественный подвиг. Довольно большой эпизод о встрече «Хамида» и Газали развивается по нарастающей: Газали удивляется красоте юноши, его глаз, стати, пытается читать нравоучения и наставления, которые «Хамид» просто и по-житейски парирует. Так, когда заходит речь о рае, ради которого надо вести аскетичный образ жизни, рае, где «текут реки с водой, не имеющей смрада, и молоком, которое не прокисает, и вином, приятным для пьющих, и медом очищенным. Вошедший в сад эдемский нарядится в шелка, в запястья золотые и жемчужные»²⁰, «Хамид» вопрошает: зачем далеко ходить за раем, когда все на земле — и ключевая вода, и приятное вино, и свежее молоко, и полная миска меда на столе, и золотые браслеты на его руке. Газали пытается возразить: «Здесь все кратковременно, там вечно». — «Так долго? Бабка моя прожила сто лет. Противно было смотреть на нее». — «Там — вечная молодость». — «Вечно — скучно»²¹. Каждый ответ «Хамида» Газали воспринимает как пощечину, в конце концов, побежденный житейской мудростью «Хамида», пустившегося в пляс, распустившего свои кудри по плечам и «превратившегося» в Хамиду, посрамленный святоша ретируется с проклятиями. Спектакль, задуманный Хайямом, удался. Его творческая натура одержала победу над ханжой Газали. По словам Ю.К. Щеглова и А.К. Жолковского, «функции, формулируемые для отдельного произведения, исходя из его темы... ввиду идентичности содержания этих произведений, окажутся инвариантными для всей группы, то есть совпадут с функциями в смысле Проппа» [12. С. 28–29].

Заключение

Рассмотренные приемы поэтики образа Хайяма в повести «Башня молчания» (оптика *homo creator*, карнавализация/трагедийность, живописный и обрядовый экфрасисы, интрадиетическая образность, театрализация) устойчивы для группы текстов, составляющих хайямиану. Новыми гранями образа Хайяма предстают в «Башне молчания» его субъектность в роли *биографа* и отношения с собакой. Поставленная цель — понять, как устроен образ Хайяма, прототипом которого стал реальный человек, о жизни которого сохранилось мало информации, реализована аналитикой образа Хайяма, такой подход способствует пониманию исторической личности поэта.

²⁰ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 439.

²¹ Там же. С. 439–440.

Список литературы

1. Косенко В.С. Мировая хайямиана: байопики об Омаре Хайяме // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2025. № 3 (86). С. 28–40. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2025.3.028> EDN: MVZJKJ
2. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-литературном контексте (к типологическому отношению текста и личности автора) // Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия : труды по русской и славянской мифологии : ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 106–121.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 140 с. EDN: VXKANF
4. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. Москва : Никитинские субботники, 1931. 36 с.
5. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте. Москва : Юрайт, 2025. 242 с. ISBN: 978-5-534-21305-8 EDN: QYUSGX
6. Данилевский Р. Г.Э. Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте : сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 35–43.
7. Зенкин С.Н. Imago in fabula: Интрадиегетический образ в литературе и кино. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 624 с. ISBN: 978-5-4448-1930-2 EDN: CJRKNN
8. Гийо Д. Люди и собаки / пер с фр. Т. Пятницыной. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. 328 с.
9. Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р., Шаймерденова Н.Ж. Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. № 4. С. 125–137. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137> EDN: NYTLWS
10. Косенко В.С. Судьба художника в романе «Последний кабан из лесов Понтеведра» Дины Рубиной (поэтика образа) // Филологические науки : научные доклады высшей школы. 2025. № 4. С. 91–99. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-25.091> EDN: XDMIRE
11. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва : Худож. литер., 1990. 543 с. EDN: VQMUNR
12. Щеглов Ю.К., Жолковский А.К. Структурная поэтика — порождающая поэтика // Ю.К. Щеглов. Проза. Поэзия. Поэтика : избранные работы / сост. А.К. Жолковский, В.А. Щеглова. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 15–32.

References

1. Kosenko, V.S. 2025. “World Hayamiana: Biopics about Omar Khayyam.” *Bulletin of Tver State University, Series “Philology”*, no. 3, pp. 28–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2025.3.028> EDN: MVZJKJ
2. Lotman, Yu.M. 1986. “Literary Biography in the Historical and Literary Context (on the Typological Relationship between the Text and the Author's Personality).” *Literature and Journalism. Problems of Interaction: Works on Russian and Slavic Mythology. Scientific Notes of the Tartu State University*, issue 683. Tartu, pp. 106–121. (In Russ.)
3. Galperin, I.R. 1981. *Text as an Object of Linguistic Research*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.) EDN: VXKANF
4. Krzhizhanovsky, S.D. 1931. *Poetics of Titles*. Moscow: Nikitsky Subbotniks publ. (In Russ.)
5. Shafranskaya, E.F., G.T. Garipova, and Sh.R. Keshfidinov. 2025. *Modern Literature. Types of Art in Literary Text*. Moscow: Yurayt publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-534-21305-8 EDN: QYUSGX

6. Danilevsky, R. 2013. “G. E. Lessing: The Collapse of Ekphrasis?” *The Inexpressible Expressible*: *Ekphrasis and the Problems of Visual Representation in Literary Texts: Collection of Articles*, compiled and edited by D. V. Tokareva. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., pp. 35–43. (In Russ.)
7. Zenkin, S.N. 2023. *Imago in Fabula: Intradiegetic Image in Literature and Cinema*. Moscow: New Literary Review publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-1930-2 EDN: CJRKNN
8. Guillo, D. 2019. *People and Dogs*, translated from French by T. Pyatnitsyna. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye publ. (In Russ.)
9. Shafranskaya, E.F., Sh.R. Keshfidinov, and N.Zh. Shaimerdenova. 2025. “The Image of a Dog in Contemporary Literature: Ethnic Overtones of Different Cultures.” *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, no. 4, pp. 125–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137> EDN: NYTLWS
10. Kosenko, V.S. 2025. “The Fate of an Artist in the Novel “The Last Boar from the Forests of Pontevedra” by Dina Rubina (Poetics of the Image).” *Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School*, no. 4, pp. 91–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.20339/PhS.4-25.091> EDN: XDMIRE
11. Bakhtin, M.M. 1990. *The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura publ. (In Russ.) EDN: VQMUNR
12. Shcheglov, Yu.K., and A.K. Zholkovsky. 2012. “Structural poetics — generative poetics.” In Yu.K. Shcheglov. *Prose. Poetry. Poetics: Selected Works*, compiled by A. K. Zholkovsky, V.A. Shcheglova. Moscow: New Literary Review publ., pp. 15–32. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сценической речи, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский переулок, д. 6. ORCID: 0009-0006-5533-8748; eLibrary SPIN-код: 3659-1142, E-mail: visha-k@mail.ru

Bio note:

Victoriya S. Kosenko is a Cand. Sc. in Philology, Assistant Professor of Russian Institute of Theater Arts (GITIS), Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), 6 Maly Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-5533-8748; eLibrary SPIN-code: 3659-1142. E-mail: visha-k@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-204-216

EDN: GOXANO

Научная статья / Research article

Ролевая лирика раннего творчества О. Сулейменова

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ valikova-o@rudn.ru

Аннотация. Ролевая лирика — особый тип репрезентации авторского сознания в художественном тексте. Она открывает автору возможность говорить «языками» других героев, неэквивалентных ему, но стремящихся к субъектному слиянию. Ролевых субъектов правомерно называть функциональными масками самого автора, который перевоплощается в различных персонажей, выступающих в сложной системе интеракции с повествователем. В качестве материала для исследования выбраны ранние лирические произведения известного казахстанского поэта О. Сулейменова. Установлено, что лирика О. Сулейменова с точки зрения авторского сознания выходит за пределы эготивной и апеллятивной; для нее характерна контаминация обоих нарративных типов, генерирующая семиотически усложненные тексты. Этот вывод имеет принципиальное значение для характеристики авторских приемов, составляющих художественный метод писателя.

Ключевые слова: ролевой субъект, авторское сознание, автор, ролевой герой, эготивная лирика, апеллятивная лирика, функциональная маска

История статьи: поступила в редакцию 05.10.2025; принята к печати 10.12.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Валикова О.А. Ролевая лирика раннего творчества О. Сулейменова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 204–216. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-204-216> EDN: GOXANO

Role-playing Lyrics of O. Suleimenov's Early Works

Olga A. Valikova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ valikova-o@rudn.ru

Abstract. Role-playing lyrics are a special type of representation of the author's consciousness in a literary text. It allows the author to speak the "languages" of other characters who are not equivalent to him but who strive for subjective fusion. Role-playing subjects can rightfully be called functional masks of the author themselves, who transforms into various characters that act in a complex system of interaction with the narrator. The early lyric works of the renowned Kazakhstani poet

© Валикова О.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

O. Suleimenov were selected as the material for this study. It was established that, in terms of the author's consciousness, O. Suleimenov's lyrics go beyond the egotistic and appellative; they are characterized by a contamination of both narrative types, generating semiotically complex texts. This conclusion is fundamental for characterizing the author's techniques that comprise the writer's artistic method.

Key words: role-playing subject, authorial consciousness, author, role-playing hero, egotistical lyrics, appellative lyrics, functional mask

Article history: received 05.10.2025; accepted 10.12.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Valikova, O.A. 2026. "Role-playing Lyrics of O. Suleimenov's Early Works." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 204–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-204-216> EDN: GOXANO

Введение

Проблема авторского сознания, явленного в субъектной организации художественного текста, становится одной из наиболее значимых и перспективных в современных междисциплинарных исследованиях. Лирический герой, по Б. Корману, — и носитель сознания, и предмет изображения; именно он выступает открытым посредником между читателем и изображаемым миром [1. С. 39]. В работе, посвященной исследованию лирики Некрасова, Корман, последовательно развивающий концепции М. Бахтина, В. Виноградова, Л. Гинзбург, создает собственную систему выражения авторского сознания, которая включает следующие элементы: автор, автор-повествователь, лирический герой и герой ролевой лирики.

Лирика с проявлением авторского сознания в системе «ролевых моделей» характеризуется тем, что автор выступает не от своего лица, а от лица разных героев: «Здесь используется лирический способ овладения эпическим материалом: автор дает слово героям, явно отличным от него. Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись в своих героях, слившись с ними» [1. С. 42]. Если рассматривать лирическое произведение как структурно-семиотическую целостность, «двумя полюсами которой являются авторский и «геройный планы», автор и автор-повествователь будут располагаться ближе к собственно авторскому; герой ролевой лирики — к героическому; лирическое «я» и лирический герой — к промежуточному плану [2. С. 144].

Героя ролевой лирики С. Бройтман называет наиболее однозначной формой авторского сознания: субъект высказывания выступает в качестве «другого», близкого к драматическому [2. С. 145].

Особенности субъектно выраженных форм лирического «я» позволяют установить, что «собственно автор» наименее конкретизирован, в то время как герой ролевой лирики наиболее конкретизирован [3]. Это создает эпическую дистанцию между автором как носителем уникальной картины мира и героем как актуализатором определенного высказывания. По мнению В.П. Скобелева,

закономерен вопрос: не возникает ли установка на эпическое отдаление, которое делает произведения, обозначаемые как «ролевая лирика», произведениями лиро-эпическими или эпическими? [4. С. 10]. Функционирование ролевой лирики в «приграничной» к эпосу зоне отмечал еще Б. Корман, когда говорил о лирическом способе освоения эпического материала.

В ролевой лирике автор стремится не только «пробиться» к своему герою, но и слиться с ним вопреки социальным, гендерным, этическим рубежам, которые его от этого героя отдалают. Мы охарактеризовали бы данный феномен как субъектный синкретизм (не отождествлять с концепцией субъектного неосинкретизма С. Бройтмана). Вне зависимости от того, имеем ли мы дело с лирическим героем или героем ролевой лирики, конструктивно значимым остается образ сопереживания между автором и субъектом речи. Процесс, объединяющий оба типа субъектов, связан с тем, что наличие посредника между концепированным автором и читателем направлено на взаимоуподобление голоса автора и голоса героя. Посредник, обладающий собственным «правом голоса», в конечном счете стремится к слиянию с авторским видением мира, авторским голосом. Эта диалектичная двойственность сводится к тому что герой ролевой лирики, с одной стороны, сохраняет свою самость, с другой — влеком к растворению в авторской субъективности.

В конце XIX — нач. XX в. границы ролевой лирики размываются: ролевой повествователь может быть истолкован не как дистанцированная от автора фигура, но как внутреннее перевоплощение самого автора, открывающего в себе «другого» и примеряющего на себя разные личности. «Вследствие этого лирическое „я“ поэта отступает на второй план, давая возможность выдвигнуться на первый план поэзии „другого“ — условного субъекта повествования — персонажа, который принадлежит определенной эпохе и наделяется присущими ей эмоциональными и интеллектуальными чертами» [5. С. 127].

С представлениями о ролевой лирике возникает понятие авторской маски, концепцию которой в лингвопоэтическом аспекте разрабатывал еще В.В. Виноградов [6. С. 165]. Ю.И. Левин отмечает, что лингвистические способы создания образа автора (в частности языковой маски как его разновидности) зачастую зависят от коммуникативного статуса текста, в котором имеется эксплицитное «я» и — чуть реже — эксплицитное «ты» [7. С. 465]. По мнению Ю.И. Левина, в роли эксплицитного «я» может выступать лирическое лицо, полностью или частично совпадающее с реальным автором; лицо, заведомо отличное от реального автора (например, женщина, в то время как автор — мужчина) [7. С. 466]. В зависимости от способов экспликации авторского «я» Ю.И. Левин разделяет художественные тексты на эготивные и апеллятивные. Эготивные тексты написаны от 1-го лица (в том числе посредством инклюзивного местоимения «мы»), однако в них не используется эксплицитное «ты». 1-е лицо в эготивных текстах может быть соотнесено с реальным автором или с «чужим» голосом (в случае ролевой лирики). Исходя из концепции

Ю.И. Левина, В.С. Карпачев предлагает понимать под авторской маской эксплицитное «я» (1-е лицо текста), выступающее в зоне действия 3-го лица («другой»), когда заявленный автор текста заведомо не может совпадать с реальным [5. С. 128].

Ролевая лирика характерна для раннего творчества О.О. Сулейменова. Посредством перевоплощения в героев — представителей различных эпох и культурных локалов — поэт создает многомерные полифоничные произведения с напряженной внутренней динамикой и сложной интрасубъективной организацией. Рассмотрим избранные стихотворения поэта с точки зрения реализации принципа «ролевой маски» и попытаемся установить его (принципа) онтологическую интенциональность.

Обсуждение

Начнем со знаменитого стихотворения Олжаса «Аргмаки»:

Эй, половецкий край,
ты табунами славен,
вон воронье бродят
в ливнях сухой травы.

Дай молодого коня,
жилы во мне играют,
я проскочу до края,
город и степь накрена.

Ветер раздует пламя
в жаркой крови аргмака,
травы сгорят под нами,
пыль и копытный цок.

Твой аргмак узнает,
что такое атака,
бросим робким тропам
грохот копыт в лицо!¹

Несмотря на то, что стихотворение следует отнести к апеллятивной лирике (где адресатом выступает «половецкий край» как действующее лицо разворачивающихся событий), оно не ограничено только лишь заявленным модусом: эготивные элементы («Я проскочу до края», «травы сгорят под нами») расширяют коммуникативное пространство текста до функционально синкретичного, где авторской маской выступает образ *половца* как своеобразный код этнической самоидентификации. Ролевая маска автора актуализирует генети-

---

¹ Сулейменов О.О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 25.

чески значимые для *собственно автора* черты. Происходит взаимоуподобление авторского голоса и голоса «другого»; этот процесс можно с уверенностью назвать субъектно-синкретическим. Герой обращается к «полю», славному своими табунами, дает живописные его зарисовки, построенные на принципе оксюморона («ливни сухой травы»), *требует* дать ему молодого коня, — перед нами возникает образ бесстрашного всадника, готового промчатся до самого края *изведенного мира*. Олжас как биографический автор, собственно лирический автор и голос героя-половца ролевой лирики становятся единым целым. Это важный для поэта прием: он перевоплощается в славного потомка древнего народа, живущего, однако, в эпоху современности (неслучайно в стихотворении появляется *мотив города*). Тем не менее лирический субъект перемещается не только в пространстве, но и во времени («твой аргамак узнает, / что такое атака»), актуализируя образ *воина* Великой степи. Несмотря на то, что Ю.И. Левин четко дифференцирует эготивный и апеллятивный художественный тексты, мы наблюдаем процесс их взаимоналожения и потому квалифицируем стихотворение как апеллятивно-эготивное. Такая усложненность картины мира свидетельствует о целостности авторского мироощущения, для которого не характерна парцелляция на гетерогенные по своему семиотическому составу фрагменты. Художественное целое становится выпуклым, стереоскопическим, оно лежит за пределами какой-либо одной оси координат.

Черты апеллятивно-эготивной ролевой лирики находим и в следующем стихотворении:

У меня два тумана мужчин,
у тебя двадцать два тумана.
Мне китайский монах Му Чин
дал подарки от богдыхана.

Лирическим объектом, импульсно рождающим авторский миф о Тамерлане, выступает «хромой кузнец Темир-хан». Авторской маской эготивной функциональности здесь становится голос правителя разоренного Семиречья — вероятно, Моголистана.

Два ковра золотых,
два котла,
меч, украшенный изумрудами.
Ты пожег Альма-Тау дотла,
мой дворец белокрылый — грудами.

Объект здесь является импульсом к коммуникации, которая, однако, односторонне направлена. Апеллируя к имплицитному собеседнику, ролевой герой продолжает:

В свое войско увел мужчин,
два тумана в моем осталось.
Мне китайский монах Му Чин
два котла подарил и жалость.
Я его приказал схоронить.

Ролевой субъект не терпит ни жалости, ни подачек: неслучайно китайского монаха Му Чина велено *схоронить*. Непримирымый воин, он обращается к Тамерлану:

Вызываю, Темир, на бой,
я умею хромых рубить,
ты железный,
а меч — стальной.

Используя синонимы «железный — стальной», Олжас мастерски передает характеристики лирического объекта и лирического субъекта: железо куда податливее и мягче стали:

Двум ножам в одни ножны
не лечь!
Двум батырам не спать
спокойно!
Твоим салом я смажу меч,
твоя кожа нежней попоны.

Следует отметить, что создаваемый Олжасом образ батыра так же мифологичен, как и образ импульсного лирического объекта — Тамерлана. Перед нами ролевой субъект, не боящийся смерти и жаждущий — но только лишь на первый взгляд! — возмездия:

Вихрем черным ворвусь в аул,
всех, кто выше колена — в историю,
на скаку твою дочь Булбул
подхватчу
и в золе опозорю!

В последней строфе происходит смена лирического объекта: теперь им выступает Булбул. Ролевой субъект отказывается от всех предыдущих намерений: жизнь батыра утомила его. Он готов стать жатаком, лишь бы утешилось усталое сердце:

...Все не так.
Все не так, Булбул,
Альма-Тау сожженный брошу,
в самый нищий уйду аул,
два клочка запашу под просо².

Стихотворение «Молитва батыра Мамбета перед казнью» тяготеет к эго-тивной лирике. Здесь присутствует только один аппеллятивный элемент — восклицание «Аруах!».

Бисмилля!
Я в далеких походах забуду себя,
Я в битвах — по году,
в обидах — по горло,
я родился в седле,
умираю в цепях,
меня водят пешком, как собаку, по городу.

Ролевой субъект повествует о своей жизни и ее печальном итоге: рожденный в седле, он умирает в цепях, и по городу его водят *пешком* – нет худшей участи для истинного воина Великой степи.

Я забуду, как пахнет запаленный конь,
я забуду в зиндане гортанные кличи,
утром тело разрубят и бросят в огонь,
мое темя забудет былое величье.

Мотив забвения здесь функционально усилен художественными средствами, выступающими атрибутами батыра (запах запаленного коня, гортанные кличи). Герой, прошедший всю жизнь *над* землей, оказался *под* землей, и от былого величия не осталось и следа:

Я забуду, как жены боялись меня,
я как меч обнаженный,
но ржа меня режет.
Сердце в горле как яростная змея!

Э, не так!
Мое сердце — ошипанный кречет.
Все забуду,
молитвы — спасенье свое,
и пожары, и битвы, аллаха забуду...

---

² Сулейменов О.О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 30.

Говорят, что счастье мчит оленем,
не догнать на чалом,
не жалею.
У любой скалы меня встречала
смерть кривым кинжалом,
не жалею.
Об одном я только пожалею,
Что судьбу не повторить сначала.
Об одном я только пожалею,
что уйду, как ветерок по лицам,
что уже ничем не заболую,
что уже тоске не повториться.
Об одном я только пожалею,
сном последним в травах засыпая,
что не знал я никого милее
женщины
поэта Азербайя⁴.

Нарративная структура текста разворачивает перед читателем цепочку событий, составивших целую человеческую жизнь. На долю акына Смета выпало немало испытаний, однако ролевой субъект не жалеет о трудностях собственной судьбы. Все, о чем он жалеет, — это о том, что судьбе не дано повториться, и о том, что ему не довелось любить кого-либо столь же сильно, как женщину поэта Азербайя. Согласно ключевым концепциям ролевой лирики, в частности исследованиям Б. Кормана, между автором и ролевым субъектом должно возникнуть чувство сопричастности, чтобы дистанцирование между ними не ушло в эпическую форму. Рассмотренное стихотворение наглядно демонстрирует этот принцип. Олжас, перевоплощенный в акына Смета, разделяет его мировоззренческие установки; ролевой субъект, в свою очередь, стремится слиться с субъективностью самого авторского сознания. И здесь мы вновь наблюдаем явление субъектного синкретизма. Что это дает нам с точки зрения авторской интенциональности? Ролевая маска акына Смета — альтернативное воплощение самого Олжаса, который смотрит на мир с мудростью, достойной истинно *зрячего* поэта.

Примечательно, что в данном стихотворении присутствует прозаическая нарративная интерсекция, когда ролевая лирика сменяется собственно авторским модусом повествования. «Он пропел это на одном дыхании, не напрягаясь и не торопясь. Его плечи и голова отчетливо печатались на мрачающем небе. Днем он был некрасив, его образу не хватало голоса. И я вспомнил, что во всех встречах с ним мы видели, но ни разу не слышали его. Резко раздвинулся полог, вышел маленький седой Азербай.

---

⁴ Сулейменов О.О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 32.

— Алибек!

— Я здесь, отец.

— Дай двух коней, пусть уходят ...

— Тогда слушай, сын. И вы слушайте. Мужчина Смет опозорил меня. Но поэт Смет продолжит славу поэта Азербая.

И великий старик скрылся в юрте»⁵.

Не так много стихотворений в ранней лирике Олжаса, которые являли бы полное перевоплощение автора в ролевом субъекте, включая не только культурно-исторический, но и гендерный аспект. Примером такого перевоплощения служит стихотворение «Гадалка», где ролевым субъектом, обращенным к лирическому герою, выступает *женщина*:

Зайди в мой дом

со мною подыши.

Открой себя, как открываешь двери,

сними одежды пыльные с души,

доверясь так, чтобы тебе доверить.

Если плясун, зачем стоять?

Спляши!

Пусть рухнет балка

над моей гадальной.

Если поэт —

прочти мне для души

дастан Саади о дороге дальней.

Ты возбуди во мне угасший дух,

зачем огонь моих огромных окон?!

Где жив один,

найдется жизнь для двух,

не обойди тот дом, где одиноко⁶.

Ролевая героиня здесь обращается к имплицитному лирическому герою, не явленному в тексте прямо. На память приходят строки из другого стихотворения Олжаса: «Одинокое дерево не обойду». Лирический герой пришел в дом ролевой героини гостем, и она просит его открыться ей и довериться. Лейтмотивом стихотворения выступает *одиночество*, скрасить которое может лишь другая *душа*.

Перевоплощение в женский образ представлено и в стихотворении «Плач Красной Глебовны». Это в высшей степени апеллятивная лирика. Олжас в очередной раз творит миф — на этот раз о любви Буй-тура Всеволода и его милой «хоти». В «Слове о полку Игореве» представлено лишь несколько строк о

---

⁵ Сулейменов О.О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 33.

⁶ Там же. С. 65.

Красной Глебовне. Центральным женским персонажем выступает Ярославна. Однако Олжас дает право голоса и другой ролевой героине, чья любовь не менее самоотверженна:

— Сеют в землю тело,
веют дух от плоти.
увязаю в плаче,
в туге, как в болоте.
Уцелей, мой пахарь,
возвращайся с битвы,
не ходи на поле
без моей молитвы.
А кому молиться?
Тихо в чистом поле,
подает убийца
чашу истой боли.
...Волны, ходят кругом,
я, как берег дальний,
поднимаю руку —
доплыви, рыбарь мой,
проплыви проливы,
окунись в ладони,
будешь ты счастливым,
если не утонешь.
Но круги на волнах
расцвели багровы,
опустели челны, рвут тебя баграми⁷.

Тоскующая ролевая героиня не надеется увидеть мужа живым, однако плач ее полон горькой нежности и молитвенного самоотречения.

В данном случае мы не можем говорить о субъектном синкретизме — ролевая маска неэквивалентна собственно автору, она носит принципиально иной характер, не давая нам возможности отождествления ее с автором — биографическим и лирическим. Тем не менее это показательный образец апеллятивной лирики с эксплицитно выраженным «ты».

Заключение

Ролевая поэзия Олжаса многолика. Зачастую она преодолевает строго дифференцированные категории эготивной и апеллятивной лирики, синкретизируя оба типа в пространстве художественного текста. В таком случае языковая картина мира автора усложняется, становится семиотически многомер-

---

⁷ Сулейменов О.О. Век прозренья. Алматы, 2024. С. 91–92.

ной. Мы определяем такую лирику как апеллятивно-эготивную. В ранних произведениях Олжаса встречаются и «чистые» эготивные и апеллятивные тексты. В первом случае мы наблюдаем явление субъектного синкретизма, когда за маской ролевого субъекта скрываются мировоззренческие установки самого автора. Во втором — перевоплощение в принципиально отличного от автора ролевого субъекта, способного репрезентировать иной модус восприятия действительности. Это наглядно демонстрируют стихотворения, где явлена ролевая героиня. Экспериментируя с инструментами создания ролевой лирики, Олжас создает широкий диапазон художественных возможностей лирического текста. Авторская интенциональность, думается, направлена на создание полифоничного и многомерного текста, способного изменить или усилить оптику читательского восприятия.

Список литературы

1. Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. 390 с.
2. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Москва : Высшая школа, 1999. С. 141–153.
3. Сахневич М.С. К вопросу о формах авторского сознания в лирике // Вопросы русской литературы. 2014. № 30 (87). С. 124–130.
4. Скобелев В.П. Б.О. Корман о «ролевой лирике» // Кормановские чтения : материалы межвуз. науч. конф. / отв. ред. Д.И. Черашняя. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. Вып. 1. 248 с.
5. Карпачев В.С. Особенности коммуникативной организации ранних ролевых стихотворений Н.С. Гумилева (на примере поэтического сборника «Романтические цветы») // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 126–133.
6. Иванчикова Е.А. Категория «образа автора» в научном творчестве В.В. Виноградова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Москва : Наука, 1985. Т. 44. № 2. С. 123–134.
7. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. Москва : Языки русской культуры, 1998. 824 с.

References

1. Korman, B.O. 1978. *Nekrasov's Lyrics*. Izhevsk. (In Russ.)
2. Broitman, S.N. 1999. "The Lyrical Subject." In *Introduction to Literary Studies*. Moscow: Vysshaya Shkola Publishing House, pp. 141–153. (In Russ.)
3. Sakhnevich, M.S. 2014. "On the Forms of Authorial Consciousness in Lyrics." *Voprosy Russkoy Literatury (Problems of Russian Literature)*, no. 30 (87), pp. 124–130. (In Russ.)
4. Skobelev, V.P. 1993. "B.O. Korman on 'Role-Playing Lyrics'." In *Korman Readings: Proceedings of the Inter-University Scientific Conference*. Edited by D.I. Cherashnaya. Izhevsk: Udmurt State University Publishing House, Issue 1. (In Russ.)
5. Karpachev, V.S. 2016. "Features of the communicative organization of early role-playing poems by N.S. Gumilyov (based on the poetry collection 'Romantic Flowers')." *Bulletin of Slavic Cultures*, no. 1, pp. 126–133. (In Russ.)
6. Ivanchikova, E.A. 1985. "The category of 'author's image' in the scientific work of V.V. Vinogradov." *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language*, vol. 44, no. 2, pp. 123–134. (In Russ.)
7. Levin, Yu.I. 1998. *Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow: Languages of Russian Culture publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-0945-9937; SPIN-код: 5375-2387. AuthorID: 935823. E-mail: valikova-o@rudn.ru

Bio note:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0945-9937; SPIN-code: 5375-2387; AuthorID: 935823. E-mail: valikova-o@rudn.ru

АРСЕНАЛ

ARSENAL

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-217-228

EDN: GUTVOI

Научная статья / Research article

Соотношение и интеграция языка обучения и языка специальности при реализации соответствующих вузовских учебных программ в билингвальной учебной средеТ. Г. Джафаров^{id}, Н.Р. Гаджиева^{id}✉

Бакинский Славянский университет, г. Баку, Азербайджанская Республика

✉ gadzievanarmina5@gmail.com

Аннотация. Обоснование теоретической базы, проведение экспериментов, опыт работы и создание соответствующих учебных ресурсов для обучающихся и обучающихся имеют немаловажное значение при использовании билингвальной и полилингвальной моделей обучения, транслингвальной и транскультурной практики. Анализ научно-методической литературы, лингвокультурологических и лингводидактических исследований свидетельствует о том, что при изучении двуязычия и многоязычия, процесса интеграции и взаимообогащения языков возникает широкий спектр лингвистических и методических вопросов. Так как данная языковая ситуация подразумевает наличие благодатной транслингвальной и транскультурной практики, здесь следовало бы говорить также о двуязычных художественных текстах и практике художественного перевода, синхронном и последовательном переводах. Все эти аспекты двуязычия, многоязычия и транслингвальной практики могут быть рассмотрены и на уровне сравнительного языкознания и литературоведения. Осмысление и описание би-, поли-, транслингвальных контактов в учебной, научно-исследовательской, творческой и практической сферах деятельности людей требует необходимости системного планирования двуязычия и многоязычия, начиная с дошкольного и школьного этапов обучения и кончая подготовкой специалистов на всех уровнях высшего образования. Успех учебной, научной и практической деятельности во многом зависит от того, какая законодательная база, учебные стандарты и планы, учебные графики предлагаются для реализации конкретных учебных программ на разных этапах и уровнях обучения, особенно по подготовке специалистов по специальностям «Учитель иностранного языка (по языкам)», «Перевод (языки)», «Регионоведение (страны и регионы)», «Филология (язык и литература)» и др. Авторы статьи, ссылаясь на Национальные рамки квалификаций по пожизненному обучению, затрагивают языковую ситуацию во всех типах образовательных учреждений Азербайджана в плане осуществления билингвальной модели обучения, в то же время поднимают проблему интеграции и соотношения языков обучения и

© Джафаров Т.Г., Гаджиева Н.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

специальности в период обучения в бакалавриате. Анализ учебных программ показал отсутствие в большинстве случаев оптимальных учебных стандартов для обеспечения интеграции и соотношения в применении языка обучения (на котором студент закончил школу) и языка специальности. По мнению авторов статьи, решение проблемы создаёт реальную возможность а) соблюдения разумного паритета между языком обучения и специализации; б) охвата всех этапов изучения языка специальности (специализации); в) усвоения своей специальности (профессии) на необходимом уровне, умения одинаково удачно презентовать её и на государственном (в данном случае — обозначаемом как язык обучения), и на языке специальности (специализации); г) наличия возможностей в период осуществления учебной программы подключаться к программам мобильности студентов, усовершенствования своих знаний и умений в университетах стран специализации, продолжения там своего обучения на уровнях магистратуры и докторантуры; д) нахождения работы на внутреннем и международном рынках труда и т. д.

Ключевые слова: билингвальная и полилингвальная модели обучения, языковая ситуация, языки обучения и специализации

История статьи: поступила в редакцию 05.11.2025; принята к печати 06.01.2026.

Вклад авторов: *Джафаров Т.Г.* — концепция исследования, интерпретация данных; *Гаджиева Н.Р.* — сбор и систематизация материалов, оформление статьи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Джафаров Т.Г., Гаджиева Н.Р.* Соотношение и интеграция языка обучения и языка специальности при реализации соответствующих вузовских учебных программ в билингвальной учебной среде // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 217–228. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-217-228> EDN: GUTVOI

The Relationship and Integration of the Language of Instruction and the Language of Specialty in the Implementation of Relevant University Curricula in a Bilingual Educational Environment

Telman G. Jafarov^{id}, Narmina R. Gadjiyeva^{id}

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan,
✉ gadzievanarmina5@gmail.com

Abstract. The substantiation of the theoretical base, conducting experiments, work experience and the creation of appropriate educational resources for students and teachers are of great importance when using bilingual and multilingual learning models, translingual and transcultural practice. The analysis of scientific and methodological literature, linguacultural and linguodidactic studies indicates that when studying bilingualism and multilingualism, the process of integration and mutual enrichment of languages, a wide range of linguistic and methodological issues arise. Since this linguistic situation implies the existence of a fertile translingual and transcultural practice, we should also talk about bilingual literary texts and the practice of literary translation, simultaneous and sequential translations. All these aspects of bilingualism, multilingualism, and translingual practice can also be considered at the level of comparative linguistics and literary studies. The implementation of all these processes in the educational, research, creative and practical spheres of human activity require the need for systematic planning of bilingualism and multilingualism, starting from the preschool and school stages of education and ending with the training of specialists at all

levels of higher education. The success of educational, scientific and practical activities largely depends on what kind of legislative framework, educational standards and plans, study schedules are offered for the implementation of specific curricula at different stages and levels of study, especially for the training of specialists in Azerbaijani universities in the specialties of “Foreign language Teacher (in languages),” “Translation (languages),” “Regional Studies (countries and regions).” The authors of the article, referring to the National Framework of Lifelong Learning Qualifications, touch upon the language situation in all types of educational institutions in the republic in terms of implementing a bilingual learning model, at the same time raises the problem of integration and correlation of languages of study and specialty during undergraduate studies. The analysis of curricula has shown that in most cases optimal educational standards are missing to ensure integration and correlation in the application of the language of education (which the student used to study at school) and the language of the specialty. According to the authors of the article, solving the problem creates a real opportunity for a) maintaining a reasonable parity between the language of instruction and specialization; b) covering all stages of learning the language of the specialty (specialization); c) mastering one's specialty (profession) at the required level, the ability to present it equally successfully in the state (in this case, designated as language of instruction) and in the language of the specialty (specialization); d) the availability of opportunities during the implementation of the curriculum to join student mobility programs, improve their knowledge and skills at universities in the countries of specialization, continue their studies there at the master's and doctoral levels; e) finding work in the domestic and international labor markets, etc.

Key words: bilingual and multilingual learning models, language situation, languages of instruction and specializations

Article history: received 05.11.2025; accepted 06.01.2026.

Authors' contribution: *Jhafarov T.G.* — research concept, data interpretation; *Gadjiyeva N.R.* — collection and systematization of materials, article design. All authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Jafarov, T.G., and N.R. Gadjiyeva. 2026. “The Relationship and Integration of the Language of Instruction and the Language of Specialty in the Implementation of Relevant University Curricula in a Bilingual Educational Environment.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 217–228. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-217-228> EDN: GUTVOI

Введение

Сегодня в Азербайджане только в общеобразовательных школах около 100 000 детей обучаются на иностранных языках. Это стало возможным благодаря Конституции страны, законам об образовании и об общем образовании. Данную учебную и языковую ситуацию считаем вполне нормальной для толерантной и мультикультуральной страны, каковой является Азербайджан, где наряду с трепетным отношением к общечеловеческим ценностям созданы благоприятные условия также для изучения и пропаганды наследия этнических меньшинств. Для нашей страны, в дошкольных, общеобразовательных и высших учебных заведениях которой наряду с государственным языком русский выступает языком обучения, сохранение этих традиционных отношений, хода и темпа их развития, поддержание ныне возникшей языковой и учебной ситуации в республике имеет немаловажное значение. Ведь качественное изу-

чение русского языка, приобщение к русской литературе и культуре через их восприятие и умелое интегрирование с азербайджанскими реалиями — это одно из необходимых средств обеспечения качества обучения, уровня подготовки кадров для рынка труда страны. Возникает естественный вопрос о том, как помочь учащейся молодежи получить качественное образование на языке обучения? Естественно, что обучение на русском на всех ступенях и уровнях образования предусматривает создание соответствующих учебных программ, ресурсов, дополнительной литературы, повседневное общение на нем, широкое функционирование языка обучения, привлечение и создание художественных текстов и их адаптирование и т. д. Как же обеспечить качество их содержания, отвечающее интересам страны? В любой развитой стране обучение на других языках является требованием времени. В высокоразвитых и десятилетиями сложившихся обществах языковая ситуация регулируется как национальными интересами, духовными, культурными и учебными потребностями страны, так и профессиональной и трудовой деятельностью людей.

В настоящее время во многих странах предпочтение отдается билингвальной и полилингвальной моделям обучения, что предполагает изучение второго, третьего и большего количества языков путем введения определенных учебных дисциплин. На наш взгляд, процесс изучения любого иностранного языка необходимо рассмотреть как средство и способ приобщения к иной культуре и литературе, то есть как условие их восприятия на инациональной почве. В этом случае вопрос восприятия и рецепции языка и литературы из лингвистической и литературоведческой плоскости переносится в методическую. Ввиду того, что учебно-воспитательный процесс, интеллектуальное развитие учащихся при подборе учебного материала требует как коммуникативной и информативной, так и содержательной наполненности, это актуализирует основные принципы культурологического подхода к усвоению языка (антропологический, деятельностный и семиотический). «Культура, традиции, верования, ценности и опыт предыдущих поколений каждого народа передаются следующим поколениям через язык. Язык определяет поведение человека, его образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер и идеологию» [1. С. 211].

Исходя из описания учебной ситуации в образовательном и культурном пространстве Азербайджана, следует объективно относиться к парадоксам создавшихся языковых и учебно-воспитательных реалий и урегулировать их преобразование и трансформацию в объективный процесс развития общества.

Необходимость усвоения и применения государственного и международных языков в качестве учебных языков в вузах нашей страны определяется рамками Национальных квалификаций по пожизненному образованию¹. Свое-

---

¹ Framework of national qualifications of the Republic of Azerbaijan for lifelong education. URL: <https://e-qanun.az/framework/39622> (accessed: 09.10.2025).

образии исторического и культурного развития Азербайджана, толерантное отношение к традициям других народов способствуют пониманию того, что и в нашей стране «многоязычие в повседневной жизни людей и многоязычие в системе образования вместе способствуют формированию двуязычия и полилингвизма» [2. С. 259]. Данное явление обусловлено, с одной стороны, задачей сохранения культурного и научного наследия, созданного на разных языках в различные периоды истории, а с другой — потребностью в интеграции в мировое образовательное пространство и международный рынок труда.

Результаты и обсуждение

Как показывает опыт, будучи серьёзной мотивацией для овладения учебными предметами, получения высокой квалификации, продолжения учебной карьеры и профессионального роста, двуязычие и многоязычие должны быть мотивированы реалиями жизни и дистанцироваться от всякой идеологии и политической пропаганды, способствовать глубокому изучению и усвоению культурных ценностей, высоким достижениям науки и техническому прогрессу изучаемых народов и стран. Двуязычие и многоязычие возможны только в тех учебных условиях, когда ответственные за образование и науку исполнительные структуры предлагают для всех этапов и уровней обучения

- 1) соответствующие учебные стандарты;
- 2) учебные планы;
- 3) учебные ресурсы;
- 4) необходимую учебно-производственную базу обучения профессии;
- 5) научно-методическое, кадровое, техническое обеспечение учебного процесса;
- 6) обмен студентами и специалистами между странами, на чьих языках готовятся специалисты, осуществляются проекты двойных дипломов;
- 7) повышение квалификации и переквалификацию через систему непрерывных мер по дополнительному образованию и др.

Языковая ситуация в вузах усугубляется тем, что, выбирая язык специальности и специализации, абитуриенты нередко поступают в университеты без сдачи экзамена на знание языка будущей специальности, что, конечно же, отражается на качестве их подготовки. Несмотря на широкое обсуждение проблемы, серьёзный общественный резонанс, при поступлении в вузы язык обучения определяется некорректно: окончившие школу на азербайджанском или русском языках порой не имеют возможности овладеть языком своей специальности и получить качественную подготовку по ряду специальностей и специализаций. То есть неопределённость в выборе языка обучения и языка специальности в процессе выполнения учебной программы имеет нежелательные последствия для подготовки высококвалифицированных специалистов. Ещё одной явной проблемой подготовки специалистов в так называемых

русском и английском секторах обучения выступает отсутствие специалистов со знанием языка специальности. Нас, как преподавателя и организатора учебного процесса, в данной учебной ситуации всегда беспокоили не идеологические и политические предпосылки и обстоятельства организации процесса обучения, а вопросы обеспечения качества подготовки специалистов.

Как социальный заказ и элемент международной жизни двуязычие и многоязычие сегодня стали предметом обсуждения и исследования в основном в двух аспектах, таких как: 1) социально-политический как следствие миграционных и демографических процессов и 2) лингвистический и методический как языковая ситуация, языковое разнообразие, проблема коммуникации и межкультурного общения в многоэтнических социальных группах.

К сожалению, основной аспект проблемы языковой ситуации в обществе, в учебной среде всегда остаётся вне поля зрения. Причина этого, как нам кажется, кроется в идеологических настроениях обществ и микро- и макросоциальных групп. Языковая ситуация в обществах редко обсуждается даже в признанных международных гуманитарных организациях и миссиях. Как нам кажется, все наши проблемы вокруг обострения международных отношений в мире, социального напряжения внутри общества связаны с непониманием людей, отдельных народов друг друга, неприятием чужого мнения, скептическим отношением к чужим культурам, инакомыслием. Хотя во всех образовательных стандартах особо подчёркивается привитие детям и молодёжи культуры общения, диалога, толерантности и т. д.

Мы прекрасно понимаем, что лингводидактические аспекты двуязычия и многоязычия, отдельные организационные, научные, этно- и социально-психологические и другие вопросы билингвальной и полилингвальной учебных моделей образования являются повседневными проблемами транслингвальной и транскультурной жизни современного общества. Ведь век интернета и искусственного интеллекта обуславливает межкультурную коммуникацию не только в глобальном плане, в двусторонних контактах стран, но и внутри каждой страны как субъекта международных отношений, так как это продиктовано учебными, деловыми, туристическими, просто человеческими потребностями людей. Мы согласны с Т.А. Волковой, затрагивающей проблему усвоения русского языка в иноязычной среде: «...знание родного языка обеспечивает формирование личности, а знание русского языка — приобщение к культуре русского народа. То и другое необходимо для воспитания разностороннего развития личности... что для эффективного общения между представителями разных культур нужно преодолеть барьер между культурами» [3. С. 185].

Обучение иностранным языкам, а также обучение на иностранных языках в инонациональной среде в любом случае предполагает существование двуязычной учебной среды, интегрирующей учебное и коммуникационное условие с элементами родного (государственного) и конкретного иностранного языка.

Для реализации учебных программ по определённой специальности в билингвальной учебной среде необходимы

- 1) законодательная база;
- 2) подготовка учебных стандартов и учебных планов специальности, интегрирующих на паритетной основе базовые предметы и курсы, а также предметы по выбору на языке обучения и на языке специальности;
- 3) двуязычный и многоязычный профессорско-преподавательский состав;
- 4) билингвальные учебные ресурсы;
- 5) поддержка мобильности обучающихся и обучающихся, осуществление проектов двойного диплома со странами специализации;
- 6) комплекс мероприятий, направленный на укрепление учебно-производственной базы, связей вуза с рынком труда, создание мотивации для продолжения учёбы и карьерного роста выпускников и др.;
- 7) создание критериев эффективного оценивания языковых и профессиональных знаний, умений и компетенций студентов по каждому предмету по специальности и в целом по презентации своей общей профессиональной подготовленности;
- 8) налаженная система сертификации языковых и профессиональных умений обучающихся и обучающихся; предложение благоприятных условий для дополнительного образования обучающихся и выпускников вуза и т.д.

Приходится с большим сожалением констатировать тот факт, что, не вникая в основополагающие принципы обучения иностранным языкам, организации учебного процесса на иностранных языках, мы больше внимания уделяем частным и узким научно-методическим аспектам двуязычия и многоязычия, присвоения квалификации по конкретной специализации в условиях осуществления билингвальной модели обучения.

Хотелось бы остановиться на соотношении и интеграции языка обучения и языка специализации, исходя из классификации специальностей для бакалавриата², приводить примеры по реализации учебных программ по конкретным специальностям. Следует подчеркнуть, что основным условием усвоения языка на уровне специализации и получения квалификации на иностранном языке является организация курсового обучения иностранному языку и соответствующего ему учебного графика, т.е., предметов по основным стандартам: слушанию и пониманию, чтению, говорению и письму, а также их подстандартам. Например, практика применения учебных стандартов и учебных планов по специальности «Учитель иностранного языка...» (с указанием конкретного языка) в течение первых двух-трёх учебных семестров предусматривает усвоение практического языка в плане получения необходимой лексической базы и грамматического минимума, формирования артикуляции,

---

² Classification of specialties by bachelor's degree level of higher education. URL: <https://e-qanun.az/framework/58365> (accessed: 09. Oct. 2025).

составления речевых конструкций, умения выражать своё мнение и отношение к обсуждаемым темам, вступать в диалог и т.д. Начиная с третьего учебного семестра это создает языковую базу (A2-B1) для усвоения предметов по специальности на языке специализации. В данном случае речь идёт прежде всего о практических и лабораторных курсах по литературе, страноведению, культурологии, а также по методике преподавания языка как иностранного. Работа над художественными текстами или над созданием текстов и речевых ситуаций по обсуждаемым темам самими обучающимися (с применением интерактивных методов и механизмов обучения) является стержнем приобретения необходимых речевых умений, познавательных и мыслительных способностей обучающихся. Не случайно раньше при обучении языкам предпочтение отдавалось герменевтическому анализу текста, что включало комплексную и универсальную работу по содержанию, устной и письменной речи, грамматическому минимуму, внутрипредметной и межпредметной интеграции, предтекстовую и послетекстовую работу. Данный подход помогал обучающимся «не только совершенствовать языковые навыки, но и развивать критическое мышление», [4. С. 26], «выстроить у обучающихся отношение между языком и культурными концептами» [4. С. 24]. Эффективный и динамичный процесс обучения иностранным языкам с постепенным приобретением языковых уровней будет целенаправленным и результативным при составлении удачного учебного графика, включающего интегрированные и смежные предметы. Как нам кажется, в условиях отсутствия благодатной языковой среды, т.е. в иноязычной обстановке (когда учебную программу начинают усваивать бакалавры с нулевым или элементарным языковым уровнем) целесообразно отказаться от неэффективного традиционного включения в учебные стандарты и планы отдельных предметов по языкознанию и теории литературы, педагогике, психологии, истории, культурологии, даже по учебным и цифровым технологиям, применению искусственного интеллекта. Было бы намного эффективнее охватить и интегрировать все эти смежные курсы в рамках единого курсового обучения, продлив его до начала педагогической или производственной практики по специальности. Это позволит:

- выработать единую концепцию (линию) по обучению языкам и её реализации (как иностранным, так и государственному языку страны);
- подготовить стратегию интеграции курсового языкового обучения с усвоением знаний, умений и компетенций по специальности;
- нести ответственность за результаты учебного процесса по модулям, т.е. интегрированным в курсовое обучение смежным предметам (языкознание и теория литературы, педагогика, психология, история, культурология, курсы по применению учебных и цифровых технологий, искусственного интеллекта);
- обеспечить последовательность и преемственность учебного процесса;
- применять единые критерии, инструменты и дескрипторы для оценивания знаний, умений и компетенций по языку и специальности.

Составление учебных стандартов и планов в данном порядке, определение принципов, методов и критериев организации учебного процесса по специальности «Учитель иностранного языка (с указанием языка)» позволяет применить этот подход к другим гуманитарным специальностям для бакалавриата, базирующегося на билингвальной модели обучения: «Перевод (с указанием языков)», «Регионоведение (с указанием страны и региона)», «Учитель языка и литературы (с указанием языка)», «Филология (с указанием языка и литературы)». Примечательно, что в последние годы появились работы, представляющие научно-теоретические основы и практические возможности применения билингвизма в Азербайджане. Среди них – последняя книга известного лингвиста-методиста Д.А. Исмаиловой³, которая, опираясь на свой опыт, транслингвильную и транскультурную практику, описывает наиболее характерные типы билингвизма в студенческой аудитории.

Двуязычие стало «нормой в современном мире» [5. С. 8]. Поэтому в своих ранее опубликованных статьях по данной теме [6–9] мы неуклонно обосновывали необходимость широкого применения билингвального обучения, распространения и изучения транслингвильных и транскультурных практик также в системе образования нашей республики.

В данном случае мы исходим из реальной, т.е. сложившейся учебной ситуации применения билингвальной учебной модели. Назвать или определить эту модель как билингвильную, конечно, нельзя в связи с тем, что здесь нет скоординированного и согласованного соотношения применения языка обучения и языка специализации. При таких учебных реалиях невозможно создать так называемую билингвильную учебную среду, позволяющую осуществлять программу подготовки специалистов с высшим образованием, чьи знания, умения, способности и компетенции соответствовали бы определённым Рамками национальной квалификации критериям.

Заключение

Подчёркиваем, что успех реализации дошкольных, общеобразовательных, вузовских учебных программ зависит от урегулирования и систематизации законодательной базы и организационных процессов обучения языкам, чем во многом определяется качество получения соответствующих специальностей в билингвильной и полилингвильной учебной ситуации. В этом плане эффективен опыт Казахстана, строго следовавшего принятой концепции полиязычного образования⁴.

---

³ *Ismailova D.A. Bilingual Education. Teaching Manual. Baku: Mutarjim, 2025. P. 33–38 (In Azerb.).*

⁴ *The concept of multilingual Education, Astana: I. Altynsarin National Academy of Sciences, 2022. 41 p.*

Исходя из учебной и языковой ситуации в Азербайджане, мы пришли к следующим **выводам**:

- при объявлении приёма студентов по соответствующим специальностям определиться с языками обучения, т.е., указать конкретные языки, на которых осуществляется образовательная программа: язык обучения и язык специальности;

- обозначить образовательную программу как билингвальную, т.е. организовать и планировать учебный процесс на двух языках: на языке, на котором абитуриент закончил школу, и на языке специализации (скажем, учитель английского, русского языка, переводчик с немецкого, чешского языков, регионовед по Греции или Китаю и т.д.);

- на первый взгляд, такое детальное изложение выглядит ненужным, однако создание учебных стандартов по указанным специальностям и профилям зависит от этого. Ведь осознание этой необходимости исключает: ненужные, дополнительные учебные кредиты, включённые в базовый (по специальности) и университетский (по выбору и интересам студентов) компоненты учебных стандартов, соответственно этому, учебных планов по профилям. Это создаёт реальную возможность:

- а) соблюдать разумный паритет между языком обучения и специализации;

- б) охватить все этапы усвоения языка специальности (специализации);

- в) усвоить свою специальность (профессию) на необходимом уровне, одинаково удачно презентовать её и на государственном (в данном случае, обозначаемом как язык обучения) и на языке специальности (специализации);

- г) иметь возможность в период осуществления учебной программы подключаться к программам мобильности студентов, усовершенствовать свои знания и умения в университетах стран специализации, продолжить там свое обучение на уровнях магистратуры и докторантуры;

- д) легче найти работу на внутреннем и международном рынках труда и т. д.

Список литературы

1. Акберли Т. Формирование межъязыковой лакунарности в процессе перевода с английского на азербайджанский язык в результате межкультурных различий // Русский тест : теория и практика. Москва. 2024. Т. 10. № 3. С. 210–217. <https://doi.org/10.22363/3034-2090-2024-10-3-210-217> EDN: OVYGFDF
2. Джусупов М. Билингвизм, полилингвизм в Центральной Азии и их взаимодействие в поликультурной тюркоязычной среде: Казахстан, Узбекистан // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 251–26. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264> EDN: PEVPUB
3. Волкова Т.А. Текст как средство формирования межкультурной коммуникации в языковом образовании // Полилингвильность и транскультурные практики. Москва. 2025. Т. 22. № 1. С. 183–188. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-182-189> EDN: HWVSMQ
4. Артамонова М.В., Милицина И.В. Обучение герменевтическому чтению детей-билингвов в системе дополнительного образования (на примере сказа П. Бажова «Серебряное копытце») // РКИ в современном мире: актуальные направления и аспекты исследования :

сборник статей Международной научно-практической конференции для преподавателей и специалистов, работающих с иностранными учащимися (Екатеринбург, 11–12 апреля 2024 г.). Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2024. С. 22–30.

5. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. Санкт-Петербург : Златоуст, 2012.
6. Джафаров Т.Г. Проблемы создания учебников и организации учебного процесса в билингвальном обучении // Школа Азербайджана / Азербайджанский журнал образовательных исследований. 2024. № 4. С. 38–44.
7. Джафаров Т. О возможностях и преимуществах использования модели двуязычного образования в школах Азербайджана // Науки Европы. 2024. № 149. С. 27–29 <https://zenodo.org/records/13842688>
8. Джафаров Т. О возможностях и преимуществах использования модели двуязычного образования в школах Азербайджана // Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук. Баку, 2024. № 4. С. 362–366. <https://mutercim.az/wp-content/uploads/2024/07/78.pdf>.
9. Джафаров Т. Необходимы стандартизация двуязычного и многоязычного обучения и принятие соответствующей концепции // Учёные записки Института образования Азербайджанской Республики. 2025. Т. 92. № 2. С. 63–67.

References

1. Akbarli, T. 2024. “The formation of interlingual lacunarity in the translation process from English to Azerbaijani as a result of cross-cultural differences.” *Russian Language: Research, Testing and Practice*, vol. 10, no. 3, pp. 210–217 (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/3034-2090-2024-10-3-210-217> EDN: OVYGF D
2. Dzhusupov, M. 2025. “Bilingualism, Polylingualism in Central Asia and Their Interaction in a Multicultural Turkic-Speaking Environment: Kazakhstan, Uzbekistan.” *Polylinguality and Transcultural Practice*, vol. 22, no. 2, pp. 252–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264> EDN: PEVPUB
3. Volkova, T.A. 2025. “Text as a Means of Forming Intercultural Communication in Language Education.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 22, no. 1, pp. 182–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-182-189> EDN: HWVSMQ
4. Artamonova, M. V., and I.V. Militsina 2024. “Teaching hermeneutical reading to bilingual children in the system of additional education (on the example of the tale ‘The Silver Hoof’ by P. Bazhov).” In *Russian as a foreign language (RFL) in the modern world: current directions and aspects of research: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference for teachers and specialists working with foreign students*. Yekaterinburg, April 11–12, 2024. Yekaterinburg: Azhur Publishing House, pp. 22–30. (In Russ.)
5. Chirsheva, G.N. 2012. *Children's bilingualism: simultaneous learning of two languages*. Saint Petersburg: Zlatoust publ. Print (In Russ.)
6. Jafarov, T. G. 2024. “Problems of textbook creation and teaching organization in bilingual education.” *Azerbaijan Journal of Educational Studies*, vol. 709, issue 4, pp. 38–44. (In Azerb.)
7. Jafarov, T. 2024. “On the possibilities and advantages of using a bilingual education model in Azerbaijani schools.” *Sciences of Europe*, no. 149, pp. 27–29. (In Czech). <https://zenodo.org/records/13842688>
8. Jafarov, T. “On the possibilities and advantages of using the bilingual model of education in schools in Azerbaijan.” *Actual problems of studying the humanities*, Baku, no. 4, pp. 362–366. Print (In Azerb.) // <https://mutercim.az/wp-content/uploads/2024/07/78.pdf>.
9. Jafarov, T. 2025. “Standardization of bilingual and multilingual education and the adoption of an appropriate concept are needed.” *Scientific Works of the Institute of Education of the Republic of Azerbaijan*, vol. 92, no. 2, pp. 63–67. (In Azerb.)

Сведения об авторах:

Джафаров Тельман Гамзага оглу — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы славянских народов, Бакинский славянский университет, Азербайджанская Республика, AZ1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, д. 25. ORCID: 0000-0002-4429-654X. E-mail: telman_jafarov@mail.ru; jafarovtelman63@gmail.com.

Гаджиева Нармина Рауф гызы — магистрант, Бакинский славянский университет. Азербайджанская Республика, AZ1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, д. 25. ORCID: 0009-0004-7867-4168. E-mail: gadzievanarmina5@gmail.com

Bio notes:

Telman Hamzaga oglu Jafarov — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature of Slavic Peoples, Baku Slavic University, 25 Suleiman Rustam St, Baku, AZ1014, Azerbaijan Republic. ORCID: 0000-0002-4429-654X. E-mail: telman_jafarov@mail.ru; jafarovtelman63@gmail.com

Gadjiyeva Narmina Rauf gizi is a master's student at Baku Slavic University, Baku Slavic University, 25 Suleiman Rustam St, Baku, AZ1014, Azerbaijan Republic. ORCID: 0009-0004-7867-4168. E-mail: gadzievanarmina5@gmail.com